

ДРУГИЕ
МИРЫ

Юлия Григорьева

ПОГОНЯ ЗА СОКРОВИЩЕМ

Другие Миры (АСТ)

Юлия Григорьева

Погоня за сокровищем

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Григорьева Ю.

Погоня за сокровищем / Ю. Григорьева — «АСТ»,
2018 — (Другие Миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-107779-2

Вот уже сто лет сокровища коварного пирата Ларса Биглоу по прозвищу Бес не дают покоя Братству свободных мореплавателей. Карта с зашифрованным посланием меняет хозяев, оставляя за собой кровавый след, пока не попадает в руки Адамantine Лоят – дочери бывшего пирата Вэя Лоята. Тина не желает быть благовоспитанной девицей, она бредит морем, приключениями и вольной жизнью. И значит, кораблю ее отца придется вновь поднять паруса...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107779-2

© Григорьева Ю., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	58
Глава 9	66
Глава 10	73
Глава 11	79
Глава 12	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Юлия Григорьева

Погоня за сокровищем

© Ю. Григорьева, 2018

© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Плеск волн, крики чаек, брань матросов, поскрипывание такелажа покачивающихся на волнах кораблей – разве есть что-то лучше этой мелодии? Разве есть на свете запах приятней, чем запах моря, смешанный с запахами водорослей, рыбы и смолы? Разве сравнятся со всем этим яркие наряды, пошитые из парчи и шелка? Или духота бальных залов, заполненных людьми, увешанными драгоценностями и источающими ароматы духов и одеколонов? Нет, нет и нет!

Такие мысли пронеслись в голове юной кареглазой девицы, стоявшей посреди гостиной в голубых тонах с повинно опущенной головой. Она бросила быстрый взгляд на маменьку с папенькой, шмыгнула носом и снова потупилась, ковыряя носком туфли цветок, выложенный на паркете. Для усиления эффекта раскаяния она совсем ссутулилась и даже скривилась, изображая рыдания, но гадкая влага не спешила заполнить глаза.

Папенька гневно вышагивал по гостиной, время от времени останавливаясь перед чадом, сурово поджимал губы, стучал носком лакированной туфли по полу и издавал восклицания:

– Ко всем чертям! – Или же: – Дьявол меня задерит! – А мог и вовсе: – Морского дьявола через колено...

– Дорогой! – тут же откликнулась маменька, укоризненно качая головой.

– Прости, мой ангел, – сдавал позиции папенька, но вновь взрывался: – Я в бешенстве, дьявол меня дерит! Я зол!

Девица тяжело вздохнула уже раз в двадцатый и попыталась сгорбиться еще больше, но папенька несильно стукнул ее по спине.

– Спишу ровно, плечи расправь, подбородок, – отцовский палец задрал голову дочери. Затем мужчина оценил созданную композицию единственным глазом и закончил: – Так и стой. Размазня ты или моя дочь?

– Ваша дочь, папенька, – вздохнула девица.

Папенька тут же скрестил руки на широкой груди, хмыкнул и спросил:

– И что вас не устраивает в нашем родстве, мадемуазель Лоет?

– Меня все устраивает, папенька, – заверила его девица. – Только время идет, а мне же еще географию изучать. Танцы опять же...

– Молчать, наглое создание! – рявкнул мужчина, возобновляя свой променад по гостиной. – И в кого ты такая?

– Кхм, – кашлянула маменька, теперь не сводя насмешливого взгляда с отца семейства.

Тот развернулся на каблуках, смерив супругу возмущенным взглядом.

– Поклеп!

Теперь возмущение отразилось на красивом лице мадам Лоет. Она поднялась со своего места и направилась к двери, бросив на ходу:

– Ну, знаешь!

Отец и дочь переглянулись.

– А что я такого сказал? – удивился господин Лоет.

– Вы отказались от меня, папенька, – патетично ответил девица, снова скривилась, и слезы наконец побежали по лицу.

– Я?! – изумился одноглазый мужчина. – Ангел мой, а экзекуция?

– Заканчивай без меня, – отмахнулась мадам Лоет, и дверь закрылась.

Господин Вэйлр Лоет обернулся к дочери, некоторое время смотрел на то, с каким упованием девица шмыгает носом и утирает слезы, и скривился сам.

– Хватит наматывать сопли на кулак, – проворчал он, падая в глубокое кресло.

– Как вы жестоки, папенька, – прохныкала мадемуазель Лоет, отдаваясь слезам со всей страстью своей натуры.

Мужчина некоторое время смотрел на нее, после закинул ногу на ногу, нервно постучал носком ботинка по полу, поменял ноги и вскочил.

– Это невыносимо! – воскликнул он. – Зачем Всевышний одарил женщин слезами? Тина, или ты прекращаешь рыдать, или я...

Девушка подняла на отца взгляд, ожидая, что он скажет.

– Или я отправлю тебя к деду! – закончил господин Лоет, но, заметив, как посветлело лицо дочери, мстительно добавил. – Не к банкиру. К вельможе!

– О, нет! – тут же перестала рыдать мадемуазель Лоет. – За что?! Что я вам такого сделала, папенька?! Это же жестоко!

Суровый отец вновь упал на кресло, закинул ногу на ногу и назидательно произнес:

– Я жил с ним шестнадцать лет, ты же видела всего пару раз...

– Пять, папенька, его сиятельство я видела целых пять раз! – возмутилась Тина.

– Вот и полюбуешься в шестой, – осклабился господин Лоет. – Он из тебя дурь вытрясет. Девушка должна быть девицей, а не сорвиголовой с замашками матроса.

После этого поднялся с кресла и направился к двери.

– Да лучше выпорите, папенька! – воскликнула мадемуазель Лоет, кидаясь следом.

– Пробовал, не помогло, – отмахнулся отец.

– Вы сами учили не опускать руки и доводить дело до конца. Попробуйте еще раз, теперь у вас непременно все получится! – заверила его дочь.

Вэйлр остановился в дверях, развернулся к ней, окидывая девушку насмешливым взглядом с головы до ног. После покачал головой и продолжил путь, говоря на ходу:

– Если уж дело дошло до того, что тебя не пугает даже порка, то мой отец остался единственным средством твоего воспитания.

– Папенька!

– Я все сказал, – отчеканил отец и скрылся за дверями своего кабинета, заперев их на ключ изнутри.

Тина скрестила руки на груди, буравя хмурым взглядом закрывшуюся дверь. Она подождала немного, но папенька не вышел. Юное создание постояло еще чуть-чуть, затем подошло ближе и постучалось.

– Папенька, можно мне поговорить с вами? – спросила вежливая дочь.

– Нет его, – тут же ответил насмешливый голос отца.

– И где же он? – осведомилась Тина, приваливаясь спиной к дверям.

– Ушел в беспросветный запой и вряд ли вернется, – донеслось до девушки приглушенное ворчание.

– Ну, папенька-а-а, – заныла Тина.

Из-за двери теперь неслась разудалая песня, за которую маменька ругала папеньку, если он распевал ее при детях. Но маменьки не было рядом, а песня тянулась долго, и пел ее папенька от души, потому последующее нытье дочери пропустил мимо ушей. И Тина поняла: это конец, не передумает.

В сердцах топнув ногой, она подобрала подол платья и поспешила к маменьке. Мадам Лоет как раз приказала принести чай. После налила дочери и указала на стул. Тина послушно упала на указанное место, вытянула ноги и скрестила на груди руки, в точности повторяя любимую позу отца. Сказать по правде, она была его копией во всем: внешне, по характеру, в привычках, но главное, что унаследовала дочь бывшего пирата, – это любовь к морю.

Возможно, господин Лоет сам спровоцировал в дочери ее неугасимую страсть рассказами о морских путешествиях. Но отцу так нравился открытый ротик его обожаемой малютки, ее восхищенные глаза, что отказать себе в удовольствии порадовать Тину Вэйлр не мог. И вместо

вечерней сказки он рассказывал о захвате Золотого форта, об обычаях других стран, о морских сражениях и штормах.

Из троих детей четы Лоет столь вдохновенно внимала отцу лишь Тина; старшие сыновья относились к морю спокойней. К тому же оно находилось под боком, потому воспринималось как нечто обыденное. Мальчики слушали родителя с интересом, но без ярого энтузиазма, как та, кому надлежало требовать сказки о принцессах и великанах. Сейчас же, когда семена упали в благодатную почву и дали всходы, супруги Лоет осознали, что их дочь, получавшая благородное воспитание, предпочитает мотаться с отцом в порт и на верфи, болтать с прежней командой капитана Лоета. К нарядам же, романтическим историям и светским увеселениям она оставалась холодна. И услышать от нее «Гарпун тебе в печень» можно было гораздо чаще, чем речь благовоспитанной девицы, чей отец, помимо того, что бороздил водные просторы под флагом Лиги свободных мореплавателей, был еще и дворянином.

Мадемуазель Лоет вскинула глаза на маменьку, желая немедленно высказаться, но мадам Адалаис подняла руку в предупреждающем жесте:

– Мы за столом, Тина.

– Ма...

– Этикет, дитя.

– Ма...

– Пусть Всевышний благословит нашу трапезу.

– Но это же просто чай!

– Чай и пирожные, – уточнила мадам Лоет.

– Но ма...

– Тина, угомонись.

– М...

– Отменные пирожные.

– Ма...

– И чай великолепен.

– Вы сговорились! – выкрикнула Тина, вскакивая со стула. – Как вам не совестно, маменька?!

Мадам Лоет изломила бровь, в насмешливом недоумении взирая на дочь. Та топнула ногой, затем еще раз, должно быть для весомости, и упала обратно на стул.

– Ну скажите же папеньке, что дед – это не выход, – взмолилась девушка. – Пожа-алуйста.

Маменька сделала небольшой глоток из чашки, поставила ее на блюдечко и вновь взглянула на дочь.

– Разве же может жена идти против воли мужа? – спросила она.

Может! Еще как может!.. Если захочет, конечно. И мадам Лоет не раз горячо спорила с супругом, но сегодня она приняла его сторону. Тина состроила жалобные глаза, однако получила в ответ сочувствующую улыбку.

– Это... это нечестно! – воскликнула девушка, утирая слезы обиды.

– Обманывать родителей тоже нечестно, как и пользоваться их любовью и доверием, – сухо ответила маменька, и Тина поникла. Виновата...

Безусловно виновата, но... Но! Разве можно было выбрать прогулку с нянюшкой по городскому саду и слушать унылое нытье модной певички под нудный аккомпанемент оркестра, стоя с постной физиономией, когда вечный дружок Сверчок шипел из кустов, подзывая мадемуазель Лоет, чтобы рассказать ей, что в порту сейчас идет выгрузка диких животных? Кто бы устоял, кто?! Нет, конечно, их бы вскоре выставили в городскому саду и родители непременно бы сводили дочь поглядеть на это чудо, но... Но! Как можно сравнивать скучное хождение между клеток и выгрузку?! Вот как?!!

Это же так здорово – наблюдать, как грузчики и матросы, сквернословя и ругаясь друг с другом, перетаскивают клетки с корабля при помощи огромной лебедки! А звери? Они же рычали, кричали, метались и бросались на прутья клетки, за которыми сновали люди. Это вам не попытки подразнить животное, когда оно лежит в углу своего узилища, грустно глядя на вас. Это жизнь! А чего стоила ругань хозяина зверинца и капитана, на чьем корабле привезли животных! Хозяин-скряга пытался зажать обещанные санталы, а капитан так задорно бранился, что Тина и Сверчок только покатывались со смеху. Но и это еще не все! Кто не знает дочери господина Лоета? Тину знают все! Потому им со Сверчком дали погладить маленькую обезьянку, которая съела конфету, припасенную благородной девицей, а потом еще дали потрогать странное животное в твердой чешуе, которое смешно фыркало и топало толстыми лапами по полу своей небольшой клетки. И вот это все променять на городской сад и нравоучения нянюшки?! Нет, нет и нет!!! Ну как было устоять от искушения?

Никак... Тина и не устояла. Сознательно усадив няньку в тени, поближе к подвывающей певичке и оркестру, мадемуазель Лоет дождалась, когда та начнет клевать носом, и дала стрекача, клянясь Всевышнему, что успеет вернуться к моменту, когда Лисси проснется. По опыту Тина знала, что нянька проспит не менее часа, и была уверена: часа ей вполне хватит... Не хватило.

Когда юное создание опомнилось, животных уже погрузили на телеги и вывезли за портовые ворота, а на Кайтен опустился вечер. Охнув, Тина, подхватила подол своего легкого прогулочного платья и собралась броситься вслед за телегами, когда ее ухо сжали пальцы родителя, и над головой торжественно прозвучало:

– А я так и знал! Мадемуазель Адамантина Лоет, мы с вашей матушкой будем иметь с вами очень серьезный разговор. Дьявол меня дерит, я в бешенстве, дочь!

Естественно, Лисси проснулась и, не обнаружив своей воспитанницы, переполошилась. Сначала были поставлены на уши парковые смотрители. Нянька очень надеялась, что Тина найдется в саду, потому что приказ отца не совать нос туда, где благовоспитанным девицам делать нечего, у них обеих имелся. Но егоза в очередной раз нарушила запрет, и няньке пришлось сказать, что дитя вновь умчалось, забыв обо всем на свете. Сама Лисси не заходила на территорию порта, опасаясь крикливых и грубых мужланов, как она называла матросов и работников в порту.

И вот неутешительный результат. Папенька и маменька не желают слушать дочерней мольбы и заверений в том, что никогда, никогда-никогда, честно-честно, она не нарушит родительских запретов. Однако надежда на то, что папенька вскоре успокоится и не отпустит от себя свое сокровище, все-таки еще оставалась. Поэтому Тина еще разок шмыгнула носом, вытерла слезы и решила стать самой милой и послушной дочерью на свете.

– Вам налить еще чаю, маменька? – светским тоном спросила мадемуазель Лоет.

– Благодарю, дитя, но я уже сыта, – так же ответила ей мадам Адалаис.

– Хорошая нынче погода, не находите, маменька? – входя во вкус, продолжила Тина.

– Погода примечательная, дитя, – не отказала мадам дочери в беседе.

– Сегодня в городском саду выла-а-а-а, я хотела сказать, была! Конечно, была мадам Нири со своим семейством, – Тина поерзала на стуле, скрывая досаду от оговорки, расправила платье и продолжила: – У мадам новая шляпка, такая милая, настоящий газон на голове, представляете? Если мадам Нири ляжет на траву, ей могут случайно снести косой голову... э-э-э... Я хотела сказать, что шляпка была столь милой, что мне даже показалось, что там непременно должна завестись живность, приняв мадам за лужайку... О-ох, – протяжно вздохнуло юное создание. Вести светскую беседу оказалось непросто, но, решив не сдаваться, мадемуазель продолжила: – А как очаровательно голоси... пела мадемуазель Ансали, просто чудо, какой тонкий у нее голос. И поет так нудно... э-э-э... дивно, конечно, дивно.

Мадам Лоет, все это время внимательная слушавшая дочь и кусавшая губы, все же не выдержала и расхохоталась. Тина насупилась, глядя на маменьку исподлобья, после тяжело вздохнула и сказала:

– Тяжело с вами, маменька, я вам о своем дне рассказываю, а вы хохочете. Где ваше воспитание?

– Прости, дитя, – все еще посмеиваясь, ответила мадам Лоет. – У тебя был очень занимательный день. Надеюсь, ты осталась им довольна?

– Еще бы, – проворчала Тина. – Кошачий концерт и газон на голове мадам Нири – что может быть увлекательней? Ой, – девица опомнилась, вновь расправила плечи и напустила на себя важный вид. – Замечательный день, маменька. И погода была примечательная, и концерт...

– Много животных привезли? – как бы невзначай поинтересовалась Адалаис Лоет.

– О-о-о, – взгляд юного создания полыхнул восторгом, она громко шмыгнула и провела ребром ладони по горлу: – До черта! То есть много, – сразу поправились девица. – Маменька, там такие звери! Чудо, а не звери. Когда открылась клетка льва, матросы чуть в шта-а-а... Так перепугались! Мы со Сверчком за бочки спрятались, но клетку успели закрыть. Он так рычал! Громче только Самель на своих помощников рычит, точно вам говорю!

Мадам Лоет снова рассмеялась и с нежностью посмотрела на дочь, которая теперь с упоением рассказывала о зверях и разгрузке. Тина отчаянно жестикулировала, показывая размеры клеток и зверей, несколько раз вскакивала со стула, чтобы пробежаться по гостиной и снова упасть на стул в восторженном изнеможении.

– И ни капли раскаяния, – усмехнулась маменька, когда дочь выдохлась.

– Я само раскаяние! – возмутилась девица.

– Оно и заметно, – мадам Лоет покачала головой, поднялась со своего места и подошла к дочери, целуя ее в макушку.

Тина снова вздохнула и решила не сворачивать с выбранного пути исправления и благородного воспитания. Она поднялась вслед за маменькой и пристроилась рядом.

– А как ваш день прошел, мадам Лоет? – поинтересовалась она.

– И не спрашивай, – отмахнулась та. – Вначале все было чудесно, но потом прибыл курьер из конторы, и твой папенька устроил гипсовое побоище. После угомонился и засел за дела. А потом прибежала Лисси, и папенька разбил еще несколько гипсовых голов. Ты повела себя как малое дитя и очень расстроила нас. После того случая, как сбежала со Сверчком смотреть драку на Персиковой улице, пока учитель литературы и грамматики вышел за хрестоматией, мы были уверены, что совесть у нашей дочери проснулась. Однако разочарование было столь сильным, что твой папенька пришел в невероятное негодование. Не скажу, что я осталась благодушной...

– Ма-аменька-а, – проняла мадемуазель Лоет, – я буду хорошей, клянусь вам! Хотите, я за ночь выучу десять длинных и нудных стихотворений? Хотите? Нет, правда! Я могу! Я все могу, я же Адамантина Лоет! Я дочь своего отца...

– В этом-то и беда, – усмехнулась маменька. – Что он никак не отучится сквернословить, что ты не желаешь отказаться от неприличного лексикона. А ведь ты девица, Тина.

– Я могу...

– Что ты ответила мадам Манси, когда она спросила, не идет ли дождь? – дочь неопределенно пожала плечами и фыркнула. – «Хлещет, дьявол его дери, мадам Манси. Если он не прекратится к обеду, мы всплывем кверху брюхом». Вот что ты ответила бедной пожилой даме. Она после этого вынюхала все запасы нюхательных солей в нашем доме и выпила последнее успокоительное.

Юное создание возмущенно взглянуло на маменьку. Праведное негодование охватило мадемуазель Лоет, и она воскликнула:

– Маменька, а не вы ли желали приказчику третьего дня, чтобы дьявол его наизнанку вывернул и драл через колено?!

– Прости Всевышний, – вздохнула мадам Лоет и строго посмотрела на дочь. – Не смей указывать матери... и подслушивать... и повторять. К тому же приказчик заслужил. А мадам Манси – нет.

Сообразив, что спор лишь усугубит дело, Тина смиренно потупилась и проникновенно произнесла:

– Как же вы правы, маменька. Ваша мудрость неоспорима, а слова подобны нектару.

– А вот лесть ни к чему, – тут же остановила ее мадам Лоет.

– В любом случае, вы правы, маменька, – не сдалась благовоспитанная девица. – И я непременно стану такой, как вы. Дайте мне только время, и вы не узнаете своей дочери. Я даже научусь разбираться в этих дурацких шляпках... – Она вдруг замолчала, просияв от неожиданной идеи. – Маменька, а вы отправьте меня к бабушке Дульчине. Она сделала из вас настоящую женщину, она и меня научит. Кто лучше мадам Ламбер разбирается во всех этих светских хитроspлетениях? Вам, к примеру, скучно на балах и вечерах в Благородном Собрании, а бабушка там как рыба в воде. Точно, маменька! Это же то, что нужно! И я стану настоящей дамой, непременно стану. Ну, маменка-а-а, – вновь заныла она, с мольбой глядя на родительницу, – ну, пожалуйста. Бабушка Дульчина – женщина, она лучше разбирается в том, что должна знать девушка благородного воспитания, чем его сиятельство. Прошу вас, поговорите с папенькой!

– Как я могу спорить...

– А папенька пел ту песню, которую вы запрещали петь в доме, – наябедничала Тина. – А еще угрожал беспросветным запоем. А еще...

Мадам Лоет остановила дочь, которая пыталась кляузами переманить мать на свою сторону, и мадемуазель, обежав маменьку, бухнулась перед ней на колени, крепко обняв за ноги:

– Спасите меня, маменька! Или я не буду ни есть, ни пить и вас не отпущу.

– Твой отец так часто использовал шантаж, что я перестала обращать на него внимание, – отмахнулась мадам Лоет. – Встань.

Тина замотала головой, готовая в отчаянии простоять так со своей добычей до скончания века... ну или хотя бы пока их не увидит папенька. Уж он-то не позволит маменьке провести ночь не в постели, а стоя в капкане дочерних рук, и непременно услышит мольбы своего чада. Или же матушка все-таки сдастся на уговоры, что будет верней, потому что господин Лоет, скорей, надерет Тине уши, еще более сердясь на нее за послушание. Да, лучше все дела уладить до появления папеньки, решила находчивая девица и снова захлюпала и засопела, пытаясь разрыдаться.

Однако разрыдаться она не успела, потому что послышалась уверенная поступь отца, и господин Лоет остановился, изломив бровь, с нескрываемым интересом наблюдая за происходящим.

– Ну и? – коротко поинтересовался он, скрещивая руки на груди.

– И вот, – тяжело вздохнула Тина и в отчаянии вскричала: – Маменька!

– Чем был занят, дорогой? – поинтересовалась мадам Адалаис, глядя на мужа и не замечая несчастных глаз дочери.

– Отправил отцу письмо, мой ангел, – ответил Вэйлр Лоет. – Думаю, через пару недель его сиятельство будет здесь и заберет наше неугомонное сокровище. Я бы сам ее отвез, но слушать нытье всю дорогу не имею желания, пусть дед вкусит прелести общения со своей внучкой.

– Его сиятельство будет недоволен, – заметила его супруга.

– Плевать, – беззаботно ответил бывший пират.

– Гарпун мне в печень, – выразила досаду мадемуазель Лоет.

Глава 2

За окном шумел зеленый сад, наполненный солнечным светом. В ветвях ближайшего дерева заходила в восторге какая-то пичуга, чирикающая уже не менее получаса. Из сада доносился негромкий смех садовника, разговаривавшего о чем-то с привратником. За дверями слышался голос отца, но вскоре он затих, и за спиной мадемуазель Лоет, предававшаяся унынию, сидя на окне, раздавалось лишь горестное сопение Лисси. Тина полуобернулась, чтобы взглянуть на няньку, и та совсем уж жалобно протянула:

– Охо-хо-нюшки-и-и. Я же вас предупреждала, мадемуазель, я же говорила, я же увещевала, я же...

– Лисси, хоть ты не трави душу, – мрачно ответила девушка и снова выглянула в окно.

– Пс, пс, – вдруг коснулось ее слуха.

Тина бросила вороватый взгляд на нянюшку и попросила:

– Лисси, что-то в горле пересохло, принеси воды, пожалуйста.

– Так вот же стоит графин, там воды под самую крышечку, – ответствовала нянька.

– А я не воды, я чая хочу, – упрямо потребовала мадемуазель Лоет. – И печенья, да.

Лисси, невысокая женщина средних лет, с подозрением посмотрела на воспитанницу, после перевела взгляд на окно, но на лице Тины по-прежнему сохранялось выражение печали. Она даже горестно вздохнула. После этого нянька покинула свой пост, куда ее определил хозяин, велев не спускать глаз с его дочери. Однако у дверей опять обернулась, испытующе глядя на девушку, но та еще больше поникла головой, и женщина поспешила исполнить просьбу воспитанницы, чтобы хоть немного утешить ее.

Как только за нянькой закрылась дверь, Тина тут же перегнулась через подоконник и встретила взглядом со Сверчком. Эмил Мулер младший, прозванный Сверчком за умение болтать без передышки не менее часа кряду, был сыном одного из матросов с брига «Счастличик», на котором капитан Лоет избородил не один линг. Красавчик, остепенившийся и разжившийся небольшим брюшком, сменил матросские бриджи на брюки клерка, получив образование за счет хозяина, и теперь работал в конторе судовладельческой компании «Вэйлада», иногда вспоминая свое разудалое прошлое.

Сверчок, как говорил господин Лоет, пошел в отца «смазливой физиономией и ветром в черепушке». Впрочем, дружить дочери с парнишкой отец не запрещал. Тина частенько бывала в доме Мулеров, где мадам Мулер кормила ее вкусными румяными булочками. Несмотря на три года разницы в возрасте, Адамантина Лоет и Эмил-Сверчок подружились быстро. Тине в ту пору было девять, а Эмилу шесть.

Так случилось, что нянька мадемуазель Лоет вышла замуж и уехала из Кайтена, маменька отправилась в Льено, потому что дедушка Ансель Ламбер слег и бабушка Дульчина обрушилась на мадам Лоет с мольбой приехать в отчий дом. Сыновья были заняты учебой, и их образование казалось отцу более важным делом, чем присмотр за сестрой. Не найдя быстро новой няньки, удовлетворявшей его строгим требованиям, господин Лоет начал оставлять дочь в доме своего бывшего матроса, жена которого предложила свою помощь.

Утром папенька завозил Тину к Мулерам, день она играла с Эмилом, уплетая за обе щекистряпню мадам Мулер, а вечером Вэйлр забирал дочь домой, где ее пичкал разными сладостями Самель, тоже бывший кок с отцовского брига, перебравшийся на кухню дома четы Лоет. Самель ревниво осматривал «маленького ангела», каким-то странным образом находя ее исхудавшей, несмотря на явную розовощекость и сияющие довольством глаза. И быть бы Тине пухлой, как булочки мадам Мулер, если бы не живость девочки и возвращение мадам Лоет. Тина вернулась домой, но дружба с Эмилом не прекратилась. Сначала они просились в гости друг к другу, а однажды Сверчок перелез через ограду особняка Лоетов и лазал через нее

по сей день, приводя в негодование няньку, привратника и садовника, потому что непременно умудрялся вытоптать что-нибудь, пробираясь к своей подруге под окна. Или же ломал кусты, то падая с дерева, то продираясь сквозь них. Правда, с возрастом младший Красавчик стал более ловким, и теперь следы его пребывания на территории особняка можно было заметить лишь изредка.

– Сильно влетело? – с сочувствием спросил Сверчок, удобней усаживаясь на ветке.

– Угу, – промычала мадемуазель Тина, понуро опуская голову.

– Уши драл? – сочувствия в голосе паренька прибавилось.

Девушка отрицательно качнула головой.

– Порол? Опять?! – со священным ужасом спросил Сверчок, и глаза его недобро сузились.

К слову сказать, порол свою дочь Вэйлр всего один раз. Ей как раз исполнялось пятнадцать лет. В дом четы Лоет тогда приехали бабушка и дедушка Ламбер, кроме них прибыл дедушка Мовильяр. Это был пятый раз, когда его сиятельство навестил своего беспутного сына, желая поздравить внучку с тем возрастом, когда девица становится взрослой. Помимо родных, в гости ожидались мэр Кайтена, коммерсанты и даже знать. Так вот именно тогда в город угораздило заехать бродячий цирк, о чем Сверчок, всегда и обо всем знающий, сообщил подруге. Промучившись сомнениями целых минут десять, мадемуазель Лоет вышла в сад под предлогом подышать свежим воздухом, потом плавно переместилась к воротам и, воспользовавшись тем, что привратник встречал гостей, шмыгнула в калитку, за которой ее уже ждал приятель.

Далее юные искатели приключений, взявшись за руки, помчались смотреть танцующего медведя. Билетов у них не было, потому друзья забрались на забор, откуда и глазели на представление. А когда все закончилось, неумолимая парочка, пробравшись к фургонам циркачей, бродила между клеток с животными. Выбирались так же, как и попали внутрь, через забор. По пути домой к Сверчку пристал его давний недруг, и Тина не смогла стоять в стороне. Она влезла в драку и получила под глаз шикарнейший синяк, которым после красовалась перед родней. Правда, в душе юное создание была горда собой: рыло Заморошу и его друзьям они со Сверчком начистили.

После драки парочка направилась к реке, протекавшей на окраине, чтобы отмыться; там мадемуазель свалилась в воду. Потом Эмил ее добывал, потом они, уже мокрые с головы до ног, плескались друг в друга, весело хохоча. После друзья наткнулись на шарманщика, на плече которого сидел говорящий попугай. Попугай ядрено бранился, и лексикон Тины и Сверчка пополнился еще парой слов. В общем, к дому виновница торжества подкралась уже в сумерках.

Стоит ли говорить, что от праздничного платья мало что осталось? Прическа превратилась в лохмы, под глазом сиял фингал, а через порванную атласную туфельку выглядывали пальцы. На территорию особняка мадемуазель Лоет лезла через ограду, уже не просто оторвав оборки, а вырвав целый клочок из платья. Сверчок, нужно заметить, подругу не бросил и помог ей добраться до комнаты, где Тина надеялась переодеться, причесаться, затем спуститься к гостям и сказать, что упала на черной лестнице, потеряла сознание, отсюда синяк и задержка.

Ничего этого сказать ей не удалось. В ее комнате, куда Тина влезла через окно, страдала Лисси, потому ее крик радости выдал беспутную дочь ее матери, тут же появившейся в дверях. Господин Лоет пришел позже, он разыскивал дочь по городу, придя в крайнюю степень негодования. Потому, вернувшись домой и застав свое сокровище в самом непотребном виде, пришел в окончательное неистовство и, не слушая увещаний дедушки Анселя и причитаний бабушки Дульчины, выволок дочь за дверь, зажал ее голову между своих колен, задрал подол... Впрочем, там особо и задирать было уже нечего, стянул с пояса ремень и выпорол девицу от всей своей широкой отцовской души. Сидеть было больно после этого неделю.

– Лучше бы выпорол, – тяжело вздохнула благовоспитанная девица. – Меня к деду отправляют. К тому, который индюк.

– К сиятельству?! – поразился Сверчок.

– Угу, – снова промычала Тина и в который уже раз тяжело вздохнула. – К нему.

Друзья помолчали. Мадемуазель Лоет мрачно думала о своем будущем, Эмил-младший думал о том же, и если Тина предавалась унынию и жалости к себе, то ее верный дружок искал выход. Выход пареньку виделся только один. Они столько раз фантазировали, как будут искать приключений по всему свету, что решение пришло само собой.

– Сбежим, – уверенно произнес Сверчок. – Вместе. Мне батя говорит, что я шалопаи и что в голове у меня ветер свищет. Он хочет меня к делу пристроить через два года или в военное училище отправить. Говорит, хочешь лучшей доли – учись. Если бы, говорит, не капитан, из него бы не вышло человека. А в чем его доля хороша? Сидит на берегу, жиреет. Мамка, вон, все вспоминает, каким он лихим молодчиком был. А сейчас весь из себя правильный, ума, говорит, надо набираться. А у меня ума этого полная голова, может. Я, может, еще известным капитаном стану. И уважать меня будут, как твоего отца. Бежим, – безапелляционно закончил парень и протянул Тине руку.

Девушка в задумчивости взглянула на протянутую длань. На пальцах Сверчка красовались чернильные пятна, а значит, он занимался грамматикой, которую ненавидел больше всего на свете. Отметив это краем сознания, Тина предалась размышлениям. Бежать... Куда? Воображение тут же нарисовало паруса, наполненные ветром. Море рядом, порт рядом... Только там ее знают как облупленную, с любого корабля снимут и домой под конвоем доставят. К тому же женская одежда, в ней далеко не уйдешь.

– Мне нужна мужская одежда, – машинально произнесла мадемуазель Лоет.

– А я на что? – удивился Сверчок.

Тина окинула друга оценивающим взглядом. Сейчас они были одного роста, хотя в будущем Эмил, конечно, перерастет свою подругу: отец у него немногим уступал в росте господину Лоету. Это сейчас Сверчку всего четырнадцать, и голос его начал ломаться всего год назад. Над верхней губой потемнело от смешного пушка, но в остальном он по-прежнему выглядел ребенком. Правда, лапа у паренька была уже гораздо больше аккуратной женской ножки Тины, ну так это не беда, его башмаки ей не нужны. А рубашка и штаны нужны очень даже, и они ей подойдут. Все это вихрем пронеслось в голове девицы. А потом воображение вновь унесло ее в веселое будущее, где будут только море, ветер, паруса и верный друг рядом. Что еще нужно для счастья? Только не попасться. Это важно!

– Встречаемся ночью, – коротко резюмировало юное создание. – Захвати одежду и те деньги, что ты копил.

– Их нету, – проворчал Сверчок, отворачиваясь от подруги, но тут же уверенно добавил: – Будут новые.

– Хорошо, – кивнула Тина. – И еды возьми. Я тоже возьму. Придется попутешествовать по суше. Из Кайтена нас не выпустят по морю. Наши рожи слишком примелькались.

– Дьявол их дери, – согласился паренек.

Девушка услышала шаги и замахала рукой на приятеля. Тот кивнул и, прошептав, что будет ждать подругу, полез вниз, а Тина вернулась в прежнее положение, тихо вздыхая и ликуя в душе. Свобода на горизонте! Главное – не попасться, а уж они об этом позаботятся. А потом – приключения и никакого сиятельства с его напыщенностью и занудством.

Дверь открылась, и на пороге появилась нянюшка с подносом в руках. Лисси прошла к чайному столику и составила на него все, что принесла. Как ни старалась Тина казаться подавленной и несчастной, но глаза ее предательски сияли, и тарелочка, на которой лежали чудесные пирожные дядюшки Самеля, так и притягивала ее взор. Юное создание спрыгнуло с подоконника и поспешило к столику, предвкушая маленькое удовольствие. Что ни говори, а

великан Самель готовил лучше всех. Даже в ресторациях, куда иногда семейство Лоев заглядывало по приглашению знакомых родителей, блюда не могли сравниться с тем, что стряпал бывший пиратский кок.

– Вам легче, мадемуазель Тина? – спросила Лисси, устраиваясь напротив воспитанницы, которая, нацелив хищный взгляд на пирожные, уже выбирала, с которого начать.

– Нет, – ответила девушка, откусывая сразу половину выбранного лакомства. – Мне оштен похо, – продолжила она с набитым ртом.

Нянька, знавшая подопечную как свои пять пальцев, насмешливо приподняла брови. Чтобы мадемуазель с таким аппетитом уплетала, когда у нее на душе неспокойно? Скорей, маленький дьяволенок что-то задумала. Лисси еще некоторое время следила за тем, как Тина слизывает с пальцев крем, полюбовалась белым пятнышком на кончике носа девушки, хмыкнула и подумала, что стоит рассказать хозяевам о странном оживлении их дочери.

– Я скоро вернусь, – сказала нянюшка, вставая из-за стола.

Тина кивнула, не обращая на женщину никакого внимания. Сейчас мысли мадемуазель Лоев были заняты побегом. Она пересчитала, сколько у нее есть карманных денег, подумала, что можно прихватить с собой и продать по дороге. Еще нужно взять смену белья, стащить с кухни припасов... Да, остричь волосы. Это непременно! Девушка обернулась к зеркалу, готовая отхватить по шею густые локоны. Ее отец часто любовался волосами дочери. Бывало, сам расчесывал и заплетал ей косу на ночь, когда Тина была еще маленькой. Потом укладывал ее в кроватку и рассказывал чудесные истории.

Вздохнув, Тина отказалась от идеи резать волосы прямо сейчас. Нужно было набраться терпения. Нужно, только где его взять, когда ноги уже готовы пуститься наутек, открывая перед своей хозяйкой огромный и чудесный мир!

– О-ох, – протяжно вздохнула девушка, но уже не печально.

Ее деятельная натура требовала не сидеть на месте, но разум шептал, что поспешность выдаст намерения мадемуазель. Нужно было чем-то занять себя. Можно, конечно, было сказаться нездоровой, завалиться в кровать и помечтать, но, во-первых, маменька непременно придет справиться о здоровье, а во-вторых, может и доктора вызвать, не поверив дочери. Почему-то даже папеньку удавалось порой провести, только не маменьку. Она все хитрости дочери, к которым Тина прибегала, чтобы избежать скучных визитов или учебы, распознавала быстро и точно.

Помучившись немного, юное создание вернулось на подоконник, решив мечтать там. По крайней мере, ничего подозрительного. Однако долго сидеть у Тины не вышло. Вскоре она вновь вскочила и покинула свою комнату, решив спуститься на кухню и присмотреть, что можно будет прихватить с собой. Может, удастся стянуть ключи от кладовой. Точно! Вдохновенная найденным делом, мадемуазель Лоев поспешила в чертоги дядюшки Самеля.

Огромный, даже выше своего капитана и хозяина, бывший кок как раз отвешивал подзатыльник одному из своих помощников, отчего тот едва не рухнул носом в пол.

– Еще раз пересолишь, и я тебе кишки через пасть достану, понял? – грозно спросил тот, кто когда-то носил милое прозвище Мясник.

– Понял, – кивнул его помощник и поспешил в кладовую, чтобы взять новые продукты.

– Расточители, – ворчал Самель. – Ворье. Уроды.

– Добрый день, – поздоровалась вежливая Тина.

Повар, несмотря на свои габариты, резво развернулся, и на его широком бородатом лице заиграла приветливая улыбка.

– Маленький ангелок, – пропел мужчина и протянул руки.

Тина нырнула в объятия великана и подняла к нему лицо, сиявшее ответной улыбкой. Самеля она любила. Если бы папенька не посчитал, что из его повара нянька слишком... своеобразная, то не случилось бы дружбы между ней и Сверчком, потому что Самель рвался захва-

тить Тину в свои огромные волосатые ручищи. Но капитан рассудил иначе, и девочка отправилась к Мулерам, что вызвало немой протест в душе верного кока. Однако спорить с Лоетом Самель не решился: правила, царившие когда-то на «Счастливишке», мало в чем изменились. Вэйлр по-прежнему не терпел неподчинения и возражения встречал исключительно ударом кулака между глаз. Пришлось Самелю удовлетвориться общением с мальчишками, остававшимися в доме.

Сыновей капитана великан любил не меньше Тины, но они никогда не лезли к нему на колени, не обхватывали ручонками повара за шею и не смеялись, говоря, что у него «щекотная борода». Мальчишки были серьезными, более походя на свою маменьку. А вот мадемуазель Лоет, когда выпадала такая возможность, спускалась на кухню и ходила за Самелем хвостиком, заставляя того вновь и вновь рассказывать про морские путешествия, про сражения и про то, как маменька познакомилась с папенькой. Эта была единственная романтическая история, которую любила Адамантина. Про романы, которые подсовывала воспитаннице Лисси, желая пробудить в ней тягу к женственности и внимание к противоположному полу, чтобы девица наконец превратилась в девицу, Тина неизменно говорила:

– Фу, слащавая гадость.

– Но вы же будущая женщина, мадемуазель, – наставляла нянюшка девушку. – Однажды вы выйдете замуж...

– Никогда! – гордо обрывала ее Тина. – Муж – это якорь, а я вольный ветер.

– Ну-ну, – качала головой нянюшка. – То-то и оно, что ветер. Года идут, а вы все по заборам со своим Сверчком скачете.

А вот Самель подобной крамолы не говорил, он только по-доброму укорял и грозил пальцем, после чего давал девочке очередную сладость. В общем, у Лисси повар выигрывал по всем позициям. К тому же он, по-тихому, чтобы не узнала чета Лоет, научил девочку обращаться с ножом.

– В жизни все пригодится, – говорил великан. – Негодяев полно, а так вы при защите.

Драться Тина научилась у Сверчка, которому эту науку передал отец, так что на пару они могли «уруть» кого угодно, чем и гордились. С друзьями с некоторых пор вообще предпочитали не связываться никто, кроме Заморыша, но и тот немного присмирел, все чаще прибегая к обидному обзывательству – «жених и невеста». Тину это бесило, Сверчок отчего-то уже какое-то время покрывался смущенным румянцем и бросал на подругу косые взгляды. Но ее возмущение поддерживал неизменно; правда, ярилась больше Тина, а Эмил поддакивал.

– Понравились пирожные? – спросил Самель, выпуская девушку из объятий.

– Очень, – кивнула Тина.

– Оно и видно, – рассмеялся повар, достал платок и стер подсыхающую каплю крема с носа мадемуазель Лоет. – Для тебя старался.

Тина погладила живот, что неизменно означало, что она довольна стараниями своего большого друга, и, получив новую теплую улыбку, уселась на свое излюбленное место у разделочного стола, где Самель как раз резал мясо. Девушка некоторое время следила за тем, как большой нож повара ловко скользил по кроваво-красному куску, затем огляделась, но ключей от кладовой не заметила. Значит, придется выпрашивать; ну и ладно.

Неожиданно в голову мадемуазель Лоет пришла очередная идея. Она с новым интересом посмотрела на окровавленные руки повара, подняла взгляд к лицу и поинтересовалась:

– А в Пьене порт лучше, чем в Кайтене?

Самель неопределенно пожал плечами. Он вытер руки о тряпку, висевшую на плече, откинул ее в сторону и посмотрел на девушку, не сводившую с него взгляда в ожидании ответа.

– Пьен, как и Кайтен, – крупный порт. В крупных портах везде одинаково. Вот мелкие – там полное дерьмо, тьфу, – с досадой сплюнул Самель, но продолжил: – Нехорошо там, маленький ангелочек. В Маринеле, где раньше стоял «Счастливишка», было поганенько, но порядка

все-таки больше, чем в каком-нибудь Дальяно, вот там самая помойка. А Пьен, он и есть Пьен. Большой город, большой порт, от столицы самый близкий.

– Там тоже разные корабли? – не унималась Тина.

– Конечно, – важно кивнул великан. – Так же порт поделен на военную часть и на торговую. Есть частные причалы. Только Лиги свободных мореплавателей нет – слишком близко к столице. Братство предпочитает держаться подальше, где начальники порта не такие жадные и берут меньшую плату за пользование причалами, да и на шалости всякие смотрят сквозь пальцы. Лишь бы своих не трогали, только чужаков, да подальше от берегов королевства – это всегда пожалуйста. Портовое начальство с этого свой куш имеет, потому и глаза закрывает, если что. Вояки же сами так поступают, главное, чтобы общеизвестным не стало. Королевские офицеры иной раз похуже пиратов будут. Это уж я тебе точно скажу.

Тина деловито покивала и утвердилась в своем решении: они со Сверчком отправятся в Пьен. Во-первых, он ближе всего, потому могут и не успеть догнать, а во-вторых, с пиратами связываться было страшновато. Иногда Самель, да и папенька рассказывали ей жуткие истории, когда в глазах юной мадемуазель очень уж ярко разгорался огонек восторга. Это убавляло пыл. Теперь план окончательно сложился в головке Тины: сбежать, добраться до Пьена, наняться на любой торговый корабль, а там можно и вздохнуть свободно. А что? Два бездомных паренька хотят научиться морскому делу. Так-то.

– Дядюшка, – позвала Тина повара. Он всегда млел, когда она так обращалась к нему, и в такие моменты хитрая девица могла вить из добродушного великана веревки. – А дай мне сухариков, пожалуйста. И хлеба с колбасой, и сыра немного. А еще чего-нибудь попить во флягу. Хочу в саду засесть с хрестоматией. Там лучше читается и запоминается.

– Конечно, мой маленький ангелочек, – умиленно всплеснул руками Самель и отправился собирать для беглянки провиант.

Проводив его довольным взглядом, Тина скорбно вздохнула. Несмотря на свой беспокойный нрав, девушка не любила обманывать, а приходилось... часто... очень. А что делать, если нужно избежать очередного наказания? Нечего делать, только выкручиваться. Вот и научилась ускользать, вуалировать, изворачиваться и самозабвенно врать, приправляя свое вранье фальшивыми слезами, если, конечно, удавалось их выжать. Все для пользы дела! В «мирное» время мадемуазель Лоет была сама честность, а порой и скромность.

– Держи, моя радость, – Самель протянул своей любимице пакет с провиантом, ни на мгновение не усомнившись в словах Тины.

– Спасибо, дядюшка, – зарумянилась девушка от укола стыда, затем потянулась к мужчине и поцеловала его в щеку.

Теперь нужно было спрятать свою добычу, пока она не попала на глаза маменьке, папеньке или Лисси. Поэтому Тина поспешила покинуть кухню, прихватив из корзины яблоко. Громко хрупя, юное создание прокралось на цыпочках к лестнице, воровато огляделось и взлетело по ней на второй этаж, где находились ее комнаты. После этого стремглав кинулась к себе, прижимая к боку пакет и догрызая яблоко.

В комнате няньки не было. Тина облегченно вздохнула и сунула пакет с провиантом в сундук с куклами, с которыми не играла уже лет пять, с тех пор как они со Сверчком придумали для себя более интересное времяпрепровождение. После этого, как и положено благовоспитанной девице, Тина подхватила учебник по истории и уселась обратно на подоконник, мечтательно уставившись на небо. Скорей бы ночь...

И она пришла. Подкралась так незаметно, словно день не тянулся столь долго, что нервы Адамантины Лоет грозили лопнуть, как растянутая резина. Удивленно взглянув в темноту за окном, подсвеченную фонарями, девушка поняла: пора. Дождавшись, пока родительский особняк затихнет, Тина подкралась к окну. Сверчок уже должен был ждать ее. Вернувшись в комнату, девушка быстро переделалась, подошла к зеркалу, взяла ножницы и без жалости сре-

зала длинные пряди темных волос, несколько о них не сожалея. После достала приготовленные деньги, свои украшения, провиант в пакете, сложила все это в приготовленную заплечную сумку, закинула ее за спину и привычно выбралась из окна.

Согнувшись, Тина прокралась к ограде. Здесь она задержалась, чтобы обернуться и окинуть дом последним взглядом. Тихо всхлипнув, девушка прошептала:

– Я люблю вас, – после чего сплюнула на руки и полезла на ограду.

Сверчок, поджидавший свою подругу, счастливо улыбался.

– Все взял? – шепотом спросила Тина.

– Все, – кивнул Сверчок. – Даже башмаки тебе маленькие раздобыл.

– Угу, – привычно промычала девушка. – Отойдем в тень, сразу переоденусь.

Друзья огляделись и шмыгнули в сторону густой тени, куда не проникал свет фонаря.

– Давай, – велела Тина.

Сверчок скинул свою заплечную сумку, достал одежду, протянул ее подруге и... чья-то рука из темноты перехватила вещи.

– Ой, – пискнув, мадемуазель Лоет пятилась, взирая на изломленную бровь над здоровым глазом своего отца.

Вэйлр Лоет шагнул к беглецам, рядом с ним появился Эмил Мулер.

– Бери своего, Красавчик, – бросил бывший капитан пиратского брига. – Чтобы недели две-три я даже не вспоминал о его существовании.

– Будет сделано, капитан, – усмехнулся мэтр Мулер, удерживая сына за плечо мертвой хваткой.

Затем обрушил на затылок отпрыска увесистую затрещину, дал пинка под зад и, закинув на плечо его мешок, направился следом за летящим впереди Сверчком величавой походкой, бросив на ходу:

– Мое почтение, мадемуазель Лоет.

– Доброй ночи, мэтр Мулер, – пролепетала вежливая Тина, не сводя взгляда со своего отца.

– Какая хорошая у меня дочь, – ледяным тоном произнес Вэйлр, – воспитанная.

– Я вся в вас, папенька, – поспешило напомнить юное создание.

– Я не сбегал из дома, – отчеканил Лоет.

– Так вам и незачем было, папенька, вы в училище отправились, а меня же туда никто не возьмет, – возразила Тина, которую отец теснил к воротам родного дома.

– Тебя дед возьмет на воспитание, а через два года какой-нибудь дурак – замуж, – губы Взя Лоета изогнулись в издевательской усмешке. – Пусть они с тобой мучаются, а с меня хватит! – рывкнул отец последнее слово. – Сыновья – золото, дочь же не дочь, а пират какой-то!

– Замуж?! – охнула Тина и заносчиво ответила: – Черта с два!

– Посмотрим.

– Поглядим.

– Вот именно.

– Это уж точно.

– Все сказала?

– Да!

– Тогда домой, под арест.

– Ай, папенька!

Пальцы любящего отца схватили дочь за ухо, затаскивая ее в особняк.

Глава 3

Сидеть в тюрьме невыносимо! Тому, кто придумал тюрьмы нужно... кишки через пасть достать нужно, вот! И пусть в твоей тюрьме кормят пирожными и самыми изысканными блюдами, а робу заменяют платья из дорогого материала, узилище от этого краше не становится. Особенно когда ты целыми днями то покрываешься паутиной и пылью в классе, глядя с тоской в учебническую тетрадь, то сидишь подле маменьки, подавая ей нити для вышивания. Но самое ужасное наказание, какое только мог выдумать папенька, – читаешь вслух любовные романы и слушаешь умиленные вздохи Лисси.

– «О, Алиная, как же я восхищен вашими чудесными волосами», – прочитала Тина вслух и скривилась. – «Они подобны водопаду в горах, а ваш смех так же хрустелен, как его чистые струи, – сказал Эльтиан своей возлюбленной, перебирая в пальцах ее белоснежные, похожие на чистый снег пряди».

– Ах, как это мило, – тут же отозвалась Лисси, подпершая кулаком щеку. – Читайте, мадемуазель, читайте.

Тина покосилась на зеркало, в котором отражалась ее голова с укороченными почти до основания шеи волосами. Если бы не эти дурацкие волосы, возможно, мадемуазель Лоет обошлась бы без ненавистного чтения вслух ненавистных любовных романов. В день побега отец притащил ее в особняк, в запале не обращая внимания на прическу своей дочери, потому что теперь он вообще на нее не смотрел. Он втолкнул Тину в их с маменькой комнату и патетично воскликнул:

– Полюбуйся, мой ангел, какого упрямого барана я отловил прямо под нашими воротами. Эта мартышка скакала по ограде, как горная лань...

В этот момент папенька осекся, потому что маменька изумленно взирала на дочь, привычно ковырявшую пол носком туфли. Господин Лоет опустил взгляд, издал неясное восклицание, затем обошел дочь по кругу и, взяв в руки огрызок некогда длинной пряди, глухо вопрошил:

– Где?

– Там, – шмыгнула носом Тина, указывая пальцем в сторону своей комнаты. – Возле зеркала.

– Возле зеркала, – эхом повторил Лоет и, побагровев, взревел: – Убью!

Дочь с писком унеслась под защиту маменьки, сидевшей на постели, забралась ей за спину и уже из-за плеча мадам Лоет высунула нос, чтобы взглянуть на бушующего отца. А Вэйлр бушевал, еще как бушевал. Стул, откинутый его ногой, отлетел к стене и, жалобно хрустнув, лишился сиденья. Следующий стул, пущенный уже руками взбешенного родителя, и вовсе развалился на части.

Маменька, вздрогнув от грохота и ядреной папенькиной ругани, продолжала делать то, что делала до момента, когда муж притащил к ней дочь, – расчесываться.

– Вэй, волосы отрастут, – заметила она.

– К приезду моего отца?! – спросил Лоет. – Тина, в зад... к дьяволу! Какого черта, какого х... за каким... Да чтоб вас всех! – После перевел взгляд на брошенную на пол одежду Сверчка, которую он сам донес до спальни. Затем снова посмотрел на дочь и сузил глаза. – В мальчишки, значит, решила податься, да? Волосы отрезала, а пришить себе...

– Вэй! – крикнула маменька, и папенька буркнул нечто нечленораздельное.

Круто развернувшись на каблуках, он умчался прочь из спальни, а маменька вздохнула и обернулась к дочери:

– Довела отца. Моли Всевышнего, чтобы он только гипсовые головы расколошматил, а то быть тебе поротой снова.

Тина машинально потеряла зад и насупилась. Выходить из своего укрытия она опасалась, все-таки на маменьку папенька не кинется, а вот дочери влететь может. В общем, за маменькой надежней, решила мадемуазель Лоет. И, пока Вэйлр изничтожал запасы гипсовых голов в кладовой, юное создание тряслось под крылом мадам Лоет.

Выпустив пар, господин Лоет вернулся в супружескую спальню с бутылкой крепкого вина, уже откупоренной. Сделав глоток прямо из горла, он взглянул на дочь исподлобья и буркнул:

– Прочь с глаз моих, и пока не позволю – даже не вздумай мне показываться, выпорю.

Тина сползла с кровати, прошмыгнула мимо отца, умудрившись подхватить штаны и рубашку Сверчка, которые тут же спрятала, на всякий случай. Ночь Тина провела под охраной Лисси. А утром отец придумал эту жестокую кару – дамские романы, нелюбовь дочери к которым всегда поддерживал и посмеивался над слащавыми страстями, описываемыми в них. Потому и выбрал в наказание все, что не любила дочь. На том понемногу и успокоился.

Вэйлр Лоет любил Тину, может быть, даже больше, чем сыновей, но в ту ночь он понял, что не выдерживает. Капитан пиратского брига мог держать в железном кулаке свою команду, мог доходчиво и с одного раза объяснить провинившемуся, в чем и насколько он неправ, но перед своей дочерью чувствовал бессилие. Поначалу ее проделки забавляли отца, потом начали вызывать раздражение, но в последнее время Лоета охватывало бешенство, потому что применить к Тине известные ему способы воспитания Вэйлр не мог, а все остальное ее пугало мало и если и имело воздействие, то ненадолго. А чувствовать себя беспомощным сильный мужчина ненавидел.

Впрочем, отправлял он Тину к отцу вовсе не для того, чтобы от нее избавиться, просто хотел дать почувствовать разницу, чтобы дочь присмирела и взмолилась о возвращении домой. Вэй уповал, что рассудок возобладает и Тина решит, что лучше быть послушной рядом с родителями, чем заложницей этикета и высокомерия в особняке сиятельного деда. Он предполагал, через что придется пройти Адамантине, но именно это и должно было умерить пыл неугомонной девицы. Правда, имелись у Лоета опасения, что отец вернет внучку раньше, чем та осознает, что потеряла из-за своего неусидчивого характера и любви к приключениям. И все же его сиятельство оставался последней надеждой для бывшего пирата, и он набрался терпения, посадив дочь под замок и избегая с ней встреч до тех пор, пока негодование не перестало охватывать его при воспоминании о попытке побега и остриженных волосах.

В общем-то, он мог бы злиться не столь сильно, но! Девицы из благородных семей не носили коротких волос, и пусть это не считалось позором, но обществом порицалось, а стало быть, придется выдержать еще и презрительно оттопыренную нижнюю губу отца, поборника этикета, когда тот заявится. Да и для Тины после ее выходки в проживании с высокородным дедом станет еще меньше приятных минут. И то, что ей придется выслушать нотации по такому глупому поводу, Вэй бесило заранее. Впрочем, мадам Лоет нашла выход, и для встречи с дедом были заготовлены фальшивые локоны в цвет волос Тины. Однако носить их вечно девочка не сможет.

– Вэй, – укоризненно говорила Адалаис Лоет, слушая, как сокрушается муж, – я тоже когда-то ходила с обрезанными волосами, и обрезал их ты, своими руками.

– Во-первых, я тогда еще даже не подозревал, что влюблен в тебя, – тут же нашелся Вэйлр, – а во-вторых, в том была нужда. Наша же дочь сотворила с собой не пойми что из собственной дури. Она не хочет взрослеть, и это раздражает.

Ада покачала головой и обняла мужа, успокаивая его.

– Тина дружит с мальчиком, дорогой. Они столь близки, что равняются друг на друга. И что ты хочешь, если ее единственный друг на три года младше нее?

– Есть достаточно девочек...

– Ей с ними скучно, когда под рукой есть Сверчок. Возможно, вдали от него, сменив круг знакомых, Тина преисполнится новых интересов и начнет меняться. У нее могут появиться подруги, и тогда ребенок потянется к ним, превращаясь в настоящую девушку, – увещевала мадам Лоет.

– Угу, – промычал Вэйлр. – Это наше-то исчадие преисподней? – После вздохнул и коротко поцеловал супругу в уголок губ. – Будем надеяться на лучшее. К тому же там будет Ланс, хоть брат сестру развлечет.

– Вэй! – весело воскликнула Ада. – Не пойму, ты Тину наказать хочешь или устроить ей увеселительную прогулку?

– Ребенок останется один среди высокородного снобья, – проворчал Лоет, бросил косой взгляд на ухмыляющуюся жену и обвинительно произнес: – Сердца у тебя нет, женщина.

– Так отмени решение, еще не поздно, – улыбнулась Ада, которой не особо нравилась затея мужа. Расставаться с последним из своих троих детей женщина не хотела, но спорить с Взем не стала, соглашаясь, что дочь совсем отбилась от рук.

– Вот еще, – фыркнул Лоет. – Как сказал, так и будет! Но ребенка жалко. – После чего поспешил скрыться, сбегая от насмешек жены.

Ничего этого Тина, разумеется, не знала, иначе приложила бы все усилия к тому, чтобы уговорить отца передумать. Но девушка расставила неверные приоритеты и уговаривала маменьку, пока та не запретила при ней заговаривать на эту тему вовсе. Мадемуазель Лоет и в голову не приходило, что ее папенька, никогда не менявший своих решений, вполне мог поддаться, если бы она правильно приступила к делу. И результатом стало восклицание служанки, заглянувшей в комнату Тины:

– Его сиятельство приехали.

– Чтоб его разорвало, – проворчала мадемуазель и предалась унынию с новой силой.

Она с тайной надеждой взглянула на окно, но Сверчка там не было. Эмил теперь каждый день ходил со своим отцом в контору, выполняя там мелкие поручения, и времени на свидания с подругой у него не осталось. Паренек один раз попробовал ускользнуть из-под бдительного ока родителя, но получил за это трепку и угомонился, тем не менее отчаянно тоскуя по Тине.

– Идемте же, мадемуазель, – засуетилась нянька. – Нужно поздороваться с дедушкой. Подождите, только локоны приладим.

Простонав, Тина покорилась, в душе проклиная свое «везение». Вскоре она уже с нескрываемым сомнением смотрела на свое отражение, хмыкнула и махнула рукой: сойдет. Лисси ненадолго покинула свою подопечную, а когда вернулась, сообщила, что они могут продолжить чтение, Тину позовут в свое время.

– Лисси, ну как тебе может нравиться эта муть? – спросила мадемуазель Лоет и передразнила героев романа: – О, Алиная, ваша кожа пахнет цветами. О, Эльтиан, меня охватывает трепет, когда вы подходите ко мне, тьфу!

– Как у вас это здорово получилось, – восхитилась нянька и сунула девушке книгу. – Читайте. У нее там как раз понесла лошадь.

– Что ж она ее не унесла к морскому дьяволу в зад еще в первом предложении первой главы, – проворчала Тина и продолжила чтение.

Позвали ее только к ужину, продлив пытки чтением и ожиданием до состояния, когда мадемуазель Лоет была уже готова взорваться. Все та же служанка заглянула в ее комнату и важно сообщила:

– Мадемуазель Адамантина, вас папенька призывает.

Испытав даже облегчение от того, что ожидание закончилось, Тина опередила нянюшку и легкой походкой направилась в столовую, где ее ждали родители и сиятельный дед. Граф Лорель Мовильяр был мужчиной представительным и в свои семьдесят с лишним лет выглядел подтянутым и бодрым. Статью Вэйлр Лоет, лишенный семейного имени, когда отказался при-

нять условия отца, пошел в его сиятельство, впрочем, как и его брат-близнец Натаэль Мовильяр. Глядя на их сиятельства, можно было представить, как выглядел Вэйлр, прежде чем его лицо изуродовал шрам. Он тянулся из-под волос, проходил через полуприкрытый веком глаз, почти лишенный зрения, затрагивал уголок губ и исчезал в аккуратной бородке.

Впервые увидев свекра и деверя, мадам Лоет сказала мужу:

– Ты мне нравишься намного больше. Их сиятельства какие-то не такие.

– Какая любопытная оценка, – рассмеялся ее муж.

На лице обоих Мовильяров имелась печать заносчивости и высокомерия, свойственного аристократии, приближенной к королевскому двору. Им не было присуще ехидство Лоета. Если Вэйлр язвил, то старший и младший графы жалили ядом своего величия. Правда, Натаэль был немного проще своего отца и Аде понравился больше. Свекор казался женщине каменным истуканом, и особо сблизиться у них не вышло.

– Доброго вечера, маменька, папенька, ваше сиятельство, – заученно пробубнила Тина, войдя в столовую.

– Добрый вечер, дочь, – кивнул Лоет. – Присаживайся.

– Вэйлр, – глубокий, хорошо поставленный голос деда разил холодком, – ты так и не дал дочери хорошего воспитания. Юная особа должна была поздороваться с каждым лично, начиная от старшего и заканчивая младшим, а не смешивать всех в одну кучу. Адамантина, – Тина, посмотрев на графа, встретила с колючим взглядом таких же каре-зеленоватых глаз, как и у нее, – дитя мое, подойди.

– Отец, может, дадим ребенку поесть для начала? – раздраженно спросил Вэйлр.

– Дитя мое, – не обращая внимания на сына, продолжил его сиятельство, – подойди. Я хочу взглянуть на тебя поближе.

Тина шмыгнула носом, машинально утерла его тыльной стороной ладони и сделала первый шаг, но была остановлена ледяным:

– Стоять. Вэйлр, ты видел, что только что сотворила твоя дочь?

– Что сотворила моя дочь? – насмешливо поинтересовался Вэй.

– Она вытерла нос рукой, – брезгливо пояснил граф. – И это воспитание?

– Отличное воспитание, – парировал Лоет. – В подол она уже не сморкается.

– В подол?! – в ужасе спросил дед Мовильяр, и Тина с Адалаис одинаково возмущенно уставились на отца и мужа: подобного греха за мадемуазель Лоет не водилось.

– А что? Сопли, отец, на то и сопли, чтобы от них избавляться, – уже откровенно издевался над графом бывший пират. – Если есть подол, почему бы и нет? Я вот, например, люблю сморкаться в галстук. Ада...

– Уволь, – коротко потребовала мадам Лоет.

– Хорошо, – легко согласился Вэй. – Ада у меня воспитанная, она пользуется подолом платьев прислуги, свое не гадит.

– Какой ужас, – передернул плечами граф.

– А что? – Лоет уселся поудобней. – Мы еще чавкаем и ковыряемся друг у друга в тарелках, бывает, даже пальцами. Кстати, у тебя там примечательный кусок мяса, ты не против, если я возьму? – И он привстал в явном намерении добыть указанный кусок.

– Я буду есть у себя в комнате, – его сиятельство стремительно поднялся и вышел из столовой, ни на кого не глядя.

Мадам Лоет тяжело вздохнула и с укором посмотрела на мужа.

– Ты неисправим, Вэй, – сказала она. – Твой отец...

– Бесит, – коротко ответил Лоет и указал дочери на стул. – Давайте уже спокойно поужинаем без пристального внимания моего родителя.

Ужин прошел в тишине. Вэйлр Лоет поглядывал на дочь и о чем-то напряженно думал. Мадам Лоет сохранила на лице каменное спокойствие, и только Тина страдальчески сопела,

ерзала на стуле и протяжно вздыхала, намекая на снисхождение. Когда был съеден десерт, папенька откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Тина, – позвал он дочь. – Если я оставлю тебя дома, ты изменишься? Станешь послушной?

Мадемуазель Лоет вскинула голову, глаза ее засияли, и она с готовностью закивала, готовая клясться в чем угодно.

– Я буду очень хорошей, папенька! Очень-очень хорошей! Правда-правда!

Вэй вздохнул и поднялся из-за стола.

– К деду, – мрачно произнес он.

Отец слишком хорошо знал свою дочь, чтобы не разглядеть в ее глазах уже знакомого бесенка, довольно потирающего когтистые лапки. Желания меняться мадемуазель Лоет не показала абсолютно, лишь облегчение, что кара миновала.

– К деду? – потрясенно спросила Тина. – Папенька! Но я же обещала!

– Ты всегда обещаешь, – отмахнулся Вэйлр.

– В этот раз вообще клянусь!

– К деду.

А утром экипаж его сиятельства увозил хмурую внучку из ее родного дома. Прощание с родителями вышло скомканным и быстрым. Граф Мовильяр не желал задерживаться в особняке своего сына и сохранял на лице непроницаемое выражение. Вэйлр поцеловал дочь в лоб, дав скупое отеческое напутствие:

– Терпения, стойкости и скорого возвращения разума.

Ада обняла дочь, задержав ее в объятьях, – расставаться оказалось тяжелей, чем готовиться к прощанию. После расцеловала Тину в обе щеки и шепнула:

– Помни, что мы тебя любим.

– Угу, а к деду отправляете, – пробурчала мадемуазель Лоет.

Самель, стоявший поодаль, сопел столь громко, что граф обернулся в его сторону. Повар утер набежавшую слезу и крикнул:

– Кушай хорошо, маленький ангел... Я буду скучать.

– Я тоже, дядюшка, – всхлипнула Тина. Она посмотрела на родителей и бросилась к ним, обхватив руками за шеи сразу обоих. – Я буду очень скучать!

Его сиятельство, устав ждать, выдернул внучку из любящих объятий и подтолкнул в сторону экипажа. Он кивнул сыну и невестке, мазнул взглядом по хлюпающему великану и направился следом за Тиной. Высокий и властный граф Мовильяр шел величаво, помахивая черной лакированной тростью. Впереди семенила невысокая хрупкая Адамантина Лоет, украдкой вытирая слезы и оглядываясь по сторонам, надеясь хотя бы помахать своему другу, но Сверчок так и не появился, закрытый отцом в конторе, чтобы ничего не вытворил. Вэй некоторое время смотрел вслед отцу и дочери, после рванул с шеи галстук и направился в дом.

– Пойду напьюсь, – сказал он, скрываясь за дверями особняка.

– Кара, скажите слугам, чтобы сегодня не заходили на половину господина Лоета, это может быть небезопасно, – велела Ада служанке, стоявшей недалеко от нее.

– Да, мадам, – ответила девушка и поспешила оповестить прислугу.

Ада проводила взглядом отъезжающий экипаж, подняла лицо к небу и выдохнула, уговаривая себя, что дочь скоро вернется. Мысленно она дала мужу пару месяцев выдержки, прежде чем он сорвется за своим сокровищем, чтобы вернуть Тину домой.

– Ангелок, – она обернулась и грустно улыбнулась, услышав прозвище, которое ей когда-то дали пираты с легкой руки своего капитана. – Идемте, тоже выпьем. У меня настойка ваша любимая припрятана.

– Надо прислугу удалить из особняка вовсе, – решила мадам Лоет. Что капитан Лоет, что его кок Мясник во хмелю не угрожали только ее безопасности; об остальных стоило позаботиться.

Тина сидела в экипаже его сиятельства, стиснув ладони между колен, и смотрела в окно, время от времени шмыгая носом. Дед некоторое время следил за внучкой, но вскоре не выдержал.

– Адамантина, сядь ровно, руки на колени, как подобает сидеть девицам благородного воспитания. И прекрати хлюпать, это раздражает, – отчеканил граф Мовильяр.

Мадемуазель Лоет покосилась на деда, но выполнила его требования, надеясь, что послушание быстрее приведет ее назад на порог родительского дома. Правда, перестать хлюпать оказалось непросто, что было последствием слез. Она снова шмыгнула носом и утерла его тыльной стороной ладони. Тут же кончик трости несильно стукнул ее по ноге, и на колени девушки упал надушенный платок.

– Дитя мое, мы будем изживать дурные привычки, – строго произнес его сиятельство. – То, что позволяет себе дочь торговшей, не может делать моя внучка.

Возмущенная словами деда, Тина вскинула голову и посмотрела на него. Губы его сиятельства были поджаты в упрямую тонкую линию, взгляд излучал холод и был непроницаем, и до юного создания дошел весь ужас ее нового положения. Прощайте, вольности и баловство, теперь ее будут дрессировать, превращая из дочери бывшего пирата во внучку графа Мовильяра. Однако стерпеть оскорбление, нанесенное родителям, было сложно, и она все-таки ответила:

– Ваше сиятельство, зачем вы оскорбляете маменьку с папенькой? Они честные люди! Папеньку знают и уважают все: от мэра Кайтена и до последнего портового грузчика.

– А также все пиратское братство, – пренебрежительно ответил дед. – Он мог бы сделать карьеру при дворе, жениться на дочери аристократов, как его брат. Но выбрал стезю разбойника и жену-лавочницу. Итог этого союза – передо мной.

Глаза Тины загорелись гневом, она сжала кулаки и не менее упрямо взглянула на графа.

– Моя маменька – дочь банкира! – воскликнула она. – Она получила благородное воспитание, и уж коли говорить откровенно, то аристократам Кайтена стоит на нее равняться, тогда они не будут казаться сороками, трещащими без умолку о моде, кавалерах и друг друге. Не думаю, что придворные дамы ушли от них далеко. Мои родители знают, что такое честь. Я слышана от моряков, сколь они восхищены доблестью и отвагой папеньки...

– При нападении на торговые корабли и в противостоянии королевскому флоту...

– Недалеко ушедшему от пиратов, а порой и превосходящему Лигу свободных мореплавателей по жестокости и коварству. Я слышала, сколько раз ругался папенька на то, что его людям приходится отбиваться от нападения военных кораблей, стоящих на охране границ своих государств, от нападения на торговые суда и их сопровождение. И вы будете говорить мне о том, что мои родители недостойны уважения! Ваше сиятельство, к черту право по рождению и офицерские мундиры, коли за всем этим скрываются гнилые души. И пусть мой отец был пиратом, но теперь он честный коммерсант и ваш сын, между прочим!

– Молчать! – рявкнул граф, не спускавший с внучки взгляда сузившихся глаз. – Девчонка, – презрительно выплюнул он, – что ты понимаешь в том, о чем говоришь?

– Достаточно, чтобы встать на защиту людей, которых люблю и уважаю! – все больше горячилась мадемуазель Лоет.

– Столь сильно уважаешь, что твои родители были вынуждены обратиться ко мне?! – рассмеялся граф Мовильяр. – Сколь сильна твоя любовь, дитя мое, если ты не в силах услышать просьб тех, кто дал тебе жизнь, насколько велико уважение, если они вынуждены краснеть за тебя перед всем городом? Дочь уважаемого судовладельца дерется на улице с мальчишками, носится в порт и ведет себя столь непотребно, что даже в свой день рождения, зная, что в

гости ждут родных и знакомых, она сбегает со своим сопляком другом и возвращается грязная, оборванная и с синяком под глазом? Должно быть, твоя любовь выразилась в том, что твой отец метался по городу, обеспокоенный долгим отсутствием дочери? Или же уважение состояло в бледности матери, которой приходилось прятать свое волнение и развлекать гостей, пока ты влезашь в очередную авантюру? Скажи мне, Адамантина Лует, дочь аристократа, пирата и судовладельца, сколь еще могут быть велики твои любовь и уважение к родителям?

– Я... Но...

Тина моргнула, отыскивая ответ, но так и не смогла опровергнуть правдивость слов своего высокородного деда. Она сникла и всхлипнула.

– Платок, – тут же отчеканил граф. – С этого дня мы будем перекраивать дочь пирата в дочь аристократа.

– Чтоб меня разорвало, – буркнула Тина и предалась стыду и отчаянию.

Глава 4

Экипаж графа Мовильяра, запряженный шестеркой вороных, сверкающий позолотой, изящный, как искусная шкатулка, сотворенная руками истинного мастера, въехал в высокие ажурные ворота, украшенные вензелем с витиеватой буквой «М». Привратники склонились в низких поклонах, приветствуя хозяина. Карета проехала по аллее, по бокам которой росли величественные каштаны, обогнула большую круглую клумбу, усаженную розами, и остановилась перед широкой парадной лестницей, ведущей в огромный особняк, больше напоминавший дворец. К карете подбежал мужчина в ливрее, распахнул дверцу, опустил лестницу и склонился перед его сиятельством.

– Наконец вы сможете познакомиться с вашим родовым гнездом, Адамантина, – с достоинством произнес господин граф, выходя из экипажа. – Здесь родился и рос ваш отец и мой сын, его сиятельство граф Вэйлр Мовильяр, впоследствии сменивший фамилию, данную ему его славными предками, на прозвище Лоет и променявший титул на паруса своего разбойничьего брига.

Лакей спешно подал руку внучке хозяина, и Тина, несмело оглядываясь, выбралась из кареты. Возможно, их дом в Кайтене выглядел не столь богато и внушительно, но поместье графов Мовильяров ее начало подавлять с первой минуты, вызывая желание дать стрекача больше, чем открыть в восхищении рот и произнести столь родное и привычное «Гарпун мне в печень».

Граф на мгновение остановился, с легкой насмешкой наблюдая за озирающейся Тиной. После указал кончиком трости на особняк и провозгласил:

– Добро пожаловать домой, дитя мое.

Девушка закусила губу, за что тут же удостоилась изломленной в нарочитом недоумении брови его сиятельства, расправила плечи и последовала за ним, чувствуя себя преступником, приговоренным к расстрелу. Высокородный дед шел впереди, франтовато помахивая своей тростью, прямой как жердь, с гордо задранной подбородком. В каждом его движении чувствовались величие и сознание собственного достоинства.

Еще в дороге он перешел с внучкой на «вы», приучая ее к обращению, принятому в кругах аристократии. Никакой Тины: либо Адамантина, либо дитя мое. За ругательства – несильный удар тростью по колену, как и за попытки шмыгнуть носом. За жест в виде указующего перста этот перст был отбит ладонью его сиятельства. Стоило ссутулиться – и хлопок тут же следовал по спине. Опустить взгляд себе под ноги – палец деда задирает подбородок. А когда Тина сплюнула – и вовсе получила по губам.

Но один из главных недостатков ее нового положения открылся в гостинице на третий день пути. Наутро его сиятельство пришел за внучкой, чтобы отвести ее на завтрак. Девушка открыла дверь, забыв о фальшивых локонах. Свое негодование граф выразил брезгливо опущенными уголками губ и фразой:

– Наступит ли предел моему терпению?

– Маменька с папенькой дольше терпели, – буркнула Тина.

– Что посеяли, с того и сняли урожай, – ответил дед. – Спрячьте этот позор, Адамантина.

Уже после гостиницы, когда путники уселись в карету, граф Мовильяр в задумчивости произнес:

– Одного не могу понять: как при троих отпрысках все пороки достались именно девице?

– Судьба, дьявол ее дерит, – вздохнула Тина – и тут же получила тростью по ноге.

Но вернемся в поместье Мовильяра. Дед с внучкой вошли в особняк, где были встречены вышколенными слугами. Здесь явно не могло быть дядюшки Самеля с его баловством втихаря

от родителей. На лицах прислуги сохранялось надменное выражение, никто из них не позволил себе разглядывать внучку его сиятельства, и только вслед хозяину и дочери второго сына графа поворачивались головы, и в глазах зажигался интерес.

– Вам покажут ваши покои, Адамантина, – произнес сиятельный дед, поднимаясь по лестнице. – Также объяснят распорядок и правила этого дома. К вечеру придет портной, чтобы снять с вас мерки. Не желаю, чтобы моя внучка ходила в готовых платьях; вам сошьют наряды по моим указаниям. Мы избежим всех этих новомодных кричащих цветов, излишества бантов и оборок. Скромность не означает бедность. Также вы познакомитесь с вашими кузенами, ваш дядя Натаэль привезет их к ужину. С ним приедет и Ланс, надеюсь, встреча с братом порадует вас. Завтра придут учителя, и я буду лично следить за вашим обучением. К сожалению, ваша глупость сыграла с вами злую шутку, и я не могу позволить вам покинуть пределы поместья, пока волосы не отрастут настолько, чтобы за прической скрыть недостаток их длины. Никаких фальшивых локонов – это дурной тон. Зная ваш живой нрав и предупрежденный вашим отцом о возможной попытке побега, я приказал приставить к вам компаньонку. Также за вами будет следовать лакей, постоянно, пока я не увижу, что вы образумились и я могу доверять вам.

– Дышать мне хотя бы не запрещается? – возмущенно спросила Тина широкую спину своего деда.

– Дышать вы можете, но согласно этикету, – усмехнулся он, не оборачиваясь. – Лишние вдохи придется оставить за ненадобностью.

– Вашу ма...

– Адамантина!

– Прошу прощения, ваше сиятельство.

– И в который уже раз я дарю вам его, дитя мое.

– Вы безмерно великодушны.

– Помните об этом, дитя мое. Иногда я бываю зол и нетерпим, не испытывайте моей выдержки.

– Угу...

– И не мычите, вы человек, а не животное.

– Лопни моя требуха, – в бессилии прошептала Тина и ткнулась носом в спину деда, остановившегося у дверей ее комнаты.

Чуть позже мадемуазель Лоет, помытая и переодетая, сидела в столовой и ожидала появления его сиятельства. Столовая была столь огромна и помпезна, что Тина едва удержалась от того, чтобы не ухнуть, подобно сове, дабы услышать свое эхо. Остановило ее присутствие лакеев, замерших на небольшом отдалении от стола.

От стола... Ох, это был не стол – это был король столов, настоящий столик, как прозвала про себя сей предмет мебели Тина. Будь здесь Сверчок, они бы могли на этом столе сыграть в догонялки. Но самым забавным девушке показалось то, что накрыто им с дедом было на разных концах. То есть, вздумай она о чем-то спросить его сиятельство, должно быть, придется приложить руку ко рту и закричать, чтобы он ее услышал. Ах, нет, как раз этого-то делать и нельзя. Поерзав на стуле, Тина решила на досуге вспомнить правила поведения за столом, которые ей неоднократно втолковывала матушка.

Не стоит думать, что мадемуазель Лоет ела, как говорил ее папенька, чавкая и залезая в чужую тарелку. Тина была аккуратна, умела пользоваться ножом и вилок, знала, для чего существуют салфетки, и никогда не разговаривала с набитым ртом... за общим столом. Однако дома не было строгих правил, и во время трапезы часто велись беседы. Чета Лоет не стремилась следовать этикету, и на их столе обычно стояло два-три блюда, этого вполне хватало для насыщения. Прислуга не топталась за спиной, и хозяева прекрасно обслуживали себя сами.

Сейчас же весь этот столик был уставлен супницами, соусницами, огромными блюдами. Одних напитков Тина насчитала десять штук, а после задумалась, не тайный ли пьяница ее дед

– папеньке обычно хватало одного бокала вина. На столе в особняке Лоетов стоял графин, но бывало, что к нему вовсе не притрагивались. После того как девушка рассмотрела поверхность стола между двумя сервированными краями, она обратила внимание на саму сервировку. С ее языка едва не сорвалось ругательство, когда она вдруг поняла, что не помнит и половины ножей и вилок, лежавших перед ней. Приборов было столь много, словно граф и его внучка собирались засесть в столовой на неделю.

Тина представила, как через несколько дней прислуга выкатывает из дверей столовой вначале круглого, как шар, его сиятельство, а следом шарик поменьше – саму Тину. Воображение столь живо нарисовало ей эту картину, что девушке пришлось прикрыть рот ладонью, чтобы не засмеяться. Но тут воображение дорисовало, что сиятельный шар не просто катится, подвластный рукам лакеев, но еще и вещает:

– Дитя мое, вы должны катиться ровно, не задевая углов, и не подпрыгивайте. Только невежи подпрыгивают, как мячики. Вам пристало катить свое тело с достоинством.

Это стало последней каплей, и мадемуазель Лоет, отчаянно хрюкавшая в ладошку, расхохоталась в полный голос. Она старалась унять смех, очень сильно старалась. Кусала кулаки, представляла деда, но он выходил непременно круглым, с маленькими толстыми пальчиками рук, торчащими из того места, где раньше были плечи, от ног остались лишь ступни, обутые в ботинки, и они дергались, словно пытались идти по воздуху. Это довело Тину до исступления. Лакеи уже не просто поглядывали на нее, теперь они не сводили взгляда с внучки хозяина. Девушка сползла под стол, при этом колошматила кулачком по полу и подвывала:

– Не могу-у-у... У-у-у...

Его сиятельство зашел именно в тот момент, когда Тина наполовину выбралась из-под стола. Он приподнял брови, рассматривая внучку, девушка заметила деда, покраснела и хотела пояснить, что она нечаянно, но вновь хрюкнула и уползла с хохотом под стол.

– Однако, – произнес граф, направляясь к своему столу. Лакей сделал шаг к нему, помогая сесть, и его сиятельство ледяным тоном велел: – Поднимите мадемуазель Адамантину и помогите ей утвердиться на стуле. Да, и приготовьте веревку. Если моей внучке будет трудно сидеть, вы привяжете ее к стулу.

Услышавшая его слова Тина от возмущения перестала смеяться и, оттолкнув руки лакеев, вернулась на свое место.

– Прошу меня простить за неуместный смех, – промямлила она, не глядя на графа.

– Поясните причину столь... бурного веселья, дитя мое, – потребовал его сиятельство.

– Не стоит об этом говорить, – еще пуще покраснела Тина.

– Отчего же, – граф откинулся на спинку стула, – мне крайне любопытно узнать причину вашего смеха.

Мадемуазель Лоет опустила голову, глядя на свои руки, лежавшие на коленях, не решаясь дать ответ.

– Адамантина, поднимите голову, – слегка раздраженно потребовал дед. – Расправьте плечи и смотрите на меня, когда я задаю вам вопрос. Что стало причиной вашего веселья?

Девушка поджала губы и вдруг подумала, что кричать вовсе не приходится, и она прекрасно слышит своего деда.

– Мне казалось, что на таком расстоянии невозможно услышать друг друга, если не кричать в полный голос, – заметила Тина.

– Здесь прекрасная слышимость, дорогая, – чуть заметно улыбнулся его сиятельство. – Так стол вам показался большим?

– Чрезвычайно, – живо отозвалась мадемуазель Лоет, горячо кивнув.

– Вы просто не видели королевский обеденный стол, дитя мое, – теперь граф улыбался уже совсем открыто. – Сравнение будет таким же, как если бы вы поставили рядом стол из столовой в особняке вашего отца и этот.

– Ого! – округлила глаза Тина.

– Подобные восклицания недопустимы, Адамантина, – строго заметил граф Мовильяр. – «Невероятно» вполне заменит ваше простонародное «ого». Это и стало причиной вашего веселья?

– Нет, – была вынуждена сознаться девушка, вновь опустив глаза.

– Так что же тогда? – его сиятельство расправил салфетку, положил ее себе на колени и сделал знак лакею, что тот может наполнить его тарелку.

Мадемуазель Лоет вновь испытала неловкость, поерзала на стуле и протянула:

– Ну-у-у... Как бы... Просто, ну-у... я представила...

– Что представили? – граф никак не желал оставаться без ответа.

Вздыхнув, Тина взялась за салфетку, нервно накрутила ее на палец, после перемотала два пальца, сделав из них ножки, потопала по столу, любуясь перетянутым жгутом, походившим на виляющий зад, и хмыкнула над аналогией.

– Прекратите ребячиться, вы через два года станете невестой. Ваш отец считает, что этого времени вам хватит на взросление; я, признаться, склонен усомниться, – в голосе графа вновь проскочила нотка раздражения. – Я задал прямой вопрос и желаю получить прямой ответ. Я хочу знать причину той непотребной сцены, которую имел честь наблюдать. Почему вы оказались под столом, ржущая, как гвардейская лошадь? Иначе ваш смех назвать язык не поворачивается. Ответ, Адамантина!

– Чтоб вас разорвало, – проворчала Тина себе под нос.

– Я все слышу. Отвечать!

– Да стол ваш, и все эти блюда, и вилки, и вообще! – выпалила девушка. – Здесь столько всего наставлено, будто мы собираемся поселиться в столовой.

И она рассказала свою фантазию, краснея, заикаясь, но доводя повествование до конца под темнеющим взглядом его сиятельства. Лакеи прятали улыбки, кто-то хмыкнул и тут же удостоился грозного взгляда хозяина.

– Это все? – ледяным тоном поинтересовался граф.

– Да, – кивнула Тины.

– Иного от вас, Адамантина, я и не ожидал. Теперь приступим к обеду, и, надеюсь, вы порадуете меня хотя бы начальными знаниями этикета. Трапезы в ресторациях мне показали лишь, что вы умеете держать в руках столовые приборы. Жакуе, прочтите молитву.

Один из лакеев выступил вперед и негромким голосом исполнил повеление графа Мовильяра, после чего его сиятельство приступил к обеду. Тина последовала его примеру, упорно отказываясь от блюд, предлагаемых лакеями, и выбирая в приборах то, в чем могла разобрататься. К концу обеда довольная собой девушка промокнула салфеткой уголки рта и отвалилась на спинку стула, привычно погладив живот.

– Недопустимый жест, непозволительная поза, – тут же отчеканил его сиятельство. – Сядьте ровно, Адамантина, поблагодарите за трапезу.

– Благодарю, – послушно сказала Тина, теряя появившееся благодушие.

– Теперь можете покинуть столовую. Отдохните с дороги, вам сообщат, когда придут гости, и вы сможете предстать перед ними, – граф промокнул губы и поднялся из-за стола.

– Даже нельзя посмотреть ваш особняк? – удивилась девушка.

– Еще успеете. Пока отдыхайте, чтобы не зевать, когда соберутся гости.

И мадемуазель Лоет покорила, решив оставить исследовательскую деятельность на потом. В отведенные ей покои Тина вернулась в сопровождении лакея, приставленного к ней сиятельным дедом, пока отсутствовала обещанная компаньонка. Лакей, молодой мужчина самой непримечательной внешности, с интересом поглядывал на внучку хозяина, всю дорогу до комнаты бубнившую что-то себе под нос. Из всего ворчания лакей уловил:

– Лопни моя селезенка... Блевать тянет... Дьяволу в зад, – и что-то еще уж вовсе неприличное, но весьма занимательное. Впрочем, уточнить, что означает половина слов, срывавшихся с уст прелестной девицы, мужчина не решился.

Захлопнув дверь перед носом лакея, Адамантина Лоет тут же развязала ленты своих туфелек, задрала подол, дабы не стал помехой, и запустила в полет сначала одну туфельку, после вторую. Затем сознательно ссутулилась и даже прошла вразвалочку, более напоминая сейчас паренька в женском платье, особенно со спины, чем благородную девицу, коей должна была стать после науки его сиятельства. Дойдя до уборной, Тина смачно сплюнула в ночной горшок и почувствовала некоторое облегчение.

– У-уф, – протянула она устало.

Это были тяжелые две недели, в которые уложились их дорога. Поместье ужасное, дед невыносимый, и путь домой обещал стать долгим и тернистым.

– Я выдержу, – решила мадемуазель Лоет, уже составляя в уме слезливое письмо для папеньки с маменькой. Выглядело оно примерно так:

«Дорогие мои, нежно любимые и единственные люди во всей вселенной, от разлуки с которыми мое сердце рвется пополам.

Знали бы вы, маменька и папенька, как я скучаю. Как тяжело мне в разлуке с вами! Дорога сказала на моих нервах, и чувствую, что слягу я вскорости с тяжелейшей лихорадкой. Пожалейте свое дитя! Освободите от нестерпимого гнета моралей, нотаций, этикета и его сиятельства. Душа моя истомилась и исстрадалась от тоски по вам, любимые мои родители. Спасите меня! Иначе быть беде. Чувствуя я, что близка моя кончина. Умру во цвете лет, так и не узнав, как же сладка встреча после невыносимой разлуки. Так не оставьте же меня своею милостью и вызволите дитя ваше из паутины светских манер.

Безмерно любящая вас дочь на последнем издыхании,
Адамантина Лоет.

P.S. Папенька, вспомните, я ваше ненаглядное сокровище! Вы сами это говорили, а сокровищами не разбрасываются! Закройте меня дома, пожа-а-алуйста-а-а!!!»

За составлением в уме сего слезливого послания юная мадемуазель Лоет уснула, свернувшись в клубок в глубоком и мягком кресле. Снились ей родной Кайтен, порт, Сверчок, лихо сплевывающий сквозь небольшую щель в передних зубах на башмак Заморыша, и, конечно, родной дом. От горестного всхлипа Тина и проснулась, совсем не по этикету громко хлюпая носом.

На поместье уже опустились сумерки, и особняк наполнился голосами и оживлением. Тина поднялась на ноги и охнула, ощутив, как сильно они затекли. Ей пришлось сесть обратно и ждать, когда неприятные иголки исчезнут. Слегка морщась, девушка прислушивалась к голосам, доносившимся до нее. И в какой-то момент ей показалось, что она узнала голос папеньки, только звучал он несколько иначе, словно моложе и более зычно.

Мадемуазель Лоет сорвалась с места и стремглав бросилась прочь из комнаты, умоляя всех известных ей богов и, естественно, Всевышнего, чтобы слух не обманул ее и голос действительно принадлежал взволнованному разлукой отцу, который одумался и понял всю несурзность своей затеи. Тина даже готова была его сразу же простить, лишь бы он увез ее из этой Преисподней.

Распахнув дверь, девушка выбежала в коридор, прислушалась и, вновь уловив голос с такими знакомыми ироничными интонациями, помчалась в ту сторону, подвывая на ходу:

– Папенька-а-а!

Сильные мужские руки обхватили ее за плечи, удерживая от неизбежного столкновения, когда Тина выскочила за угол. Она вскинула голову и с изумлением уставилась в серо-зеленые глаза незнакомого молодого человека. Имел незнакомец знакомые стать и рост, даже черты легко узнавались, но вот светлая кожа и волосы, имевшие золотистый оттенок свежей соломы, казались чем-то нелогичным и даже кошунственным. Особенно когда все это ходячее недоразумение заговорило папенькиным голосом:

– Если угодно, я могу им стать для вас, милое дитя.

В лукавом прищуре глаз кузена, а никем иным молодой человек быть не мог, мелькнула насмешка, и это привело Тину в себя. Она скинула с плеч ладони графа Мовильяра-младшего и гордо вздернула подбородок.

– Благодарю покорно, но одного отца мне вполне достаточно.

– Марк, руки прочь от моей сестры, – услышала Тина веселый, хоть и показавшийся суровым голос, в котором она уже не ошиблась.

– Чтоб я сдохла, – пробормотала она и радостно взвизгнула. – Ланс!

– Как мило, – насмешливо хмыкнул кузен, глядя вслед мчавшейся по коридору мадемуазель Лоет.

– Ланс, гарпун тебе в печень, – между тем тараторила Тина, повиснув на шее старшего брата. – Какого черта ты совсем пропал?! Я соскучилась, как тысяча бесов без хмельного пойла! Ланс, дьявольское отродье...

– Адамантина! – прогрохотал его сиятельство раньше, чем Ланс успел хоть что-то ответить. – Немедленно в свою комнату, я буду иметь с вами серьезный разговор.

– К чертям собачьим, – мрачно изрекла девушка и, насупившись, отправилась в отведенные ей покои, чтобы выслушать новую порцию нотаций.

– Дедушка, – позвал сурового графа Марк Мовильяр, – вы хотите испортить кухню, лишив ее столь очаровательного образа дикарки? Помилосердствуйте и не спешите менять саму природу!

Молодой человек мило улыбнулся, окончательно сразив Тину одним только словом «дедушка». Кто дедушка? Его сиятельство – дедушка? Это мэтр Ламбер – дедушка. Добрый, любящий, балующий. А его сиятельство невозможно назвать таким теплым и уютным словом. Совсем-совсем нельзя!

– Молчать, разгильдяй, – холодно велел граф и перевел взгляд на Ланса. – Мальчик мой, ты сможешь поговорить со своей сестрой позже. После меня, – чеканно закончил его сиятельство и последовал за Тиной, то и дело оборачивавшейся назад, чтобы взглянуть на кузена, весело ей подмигнувшего.

– Держись, – произнес одними губами брат и улыбнулся Тине, приложив ладонь к сердцу.

От этого простого жеста девушке вдруг стало легко и хорошо, будто она оказалась снова дома. Мадемуазель Лоет улыбнулась сама себе, уже успев забыть, что на пятки ей наступает само возмездие в лице родного деда, который никак и никогда не мог бы назваться «дедушкой».

– Адамантина, – девушка вздрогнула и ссутулилась, мрачно смотря себе под ноги, за что тут же получила несильный шлепок по хребту, и перст графа поднял голову внучки за подбородок. – Спину прямо, подбородок не опускать. Вы – Мовильяр, дитя мое...

– Лоет, ваше сиятельство. Со всем моим уважением, но я Лоет, – заносчиво ответила Тина и прикусила язык под темнеющим взглядом графа.

– Дерзите, мадемуазель? – чуть прищурившись, спросил мужчина. – Поддержку почувствовали? Только учтите, от моего гнева вас не спасет ваш брат и уж тем более не спасет этот великовозрастный оболтус, ваш кузен.

В это мгновение девушка преисполнилась живейшей симпатии к Марку, ощутив в нем родственную душу. Сейчас она готова была признать очаровательным созданием даже самого

Морского дьявола, если им будет недоволен его сиятельство. Тина простила младшему Мовильяру и светлые волосы, и голос, похожий на голос ее папеньки. Тем временем старший граф прожигал внучку гневным взглядом.

– Скажите мне, мадемуазель Лоет, – выделив букву «т», чеканил его сиятельство, – что вы ожидаете от жизни? Каким вы видите свое будущее?

Тина застыла каменным изваянием перед своим дедом, глядя прямо перед собой, но не спеша отвечать ему.

– Как вы думаете, дитя мое, сможет ли порядочный мужчина обратить на вас внимание? Стоит вам открыть рот, и очаровательная девица превращается в пьяного матроса! – его сиятельство негодовал. Таким сердитым Тина еще не видела графа. Сейчас он даже чем-то напоминал папеньку. – Осознаете ли вы, что будущее ваше печально и незавидно? Вынести ту грязь, что срывается с языка благородной дамы, может разве что негодяй, готовый ради щедрого приданого вытерпеть и не такое. Однако и он после свадьбы покажет вам свое истинное отношение к вашему поведению.

– Да кто вам сказал, что я вообще собираюсь замуж?! – возмутилась мадемуазель Лоет. – Я хочу ходить под парусом, я...

– Час от часу не легче, – потрясенно произнес граф. – Да что за воспитание вам дали ваши родители?! Это же... это... черт знает что! Всевышний, – его сиятельство вдруг тяжело вздохнул. – Кажется, все хуже, чем я думал вначале. Теперь я понимаю, почему мой сын решился отдать мне вас, дитя мое. Беда лишь в том, что я, как и Вэйлр, не смогу применить к вам суровые меры. И все же я хочу надеяться, что благоразумие возобладает над дурными привычками. У тебя есть шанс, Тина, – в голосе графа неожиданно появилась мягкость, – не упusti его, и тогда мне не придется прибегать к той мере воздействия, которой я буду вынужден воспользоваться, если ты не оставишь мне выхода. Услышь меня, дитя, услышь и обдумай, что я говорил тебе ранее.

– Вы так много говорили, – проворчала девушка.

– Тогда собери все воедино и рассмотри свое поведение столь пристально, словно ты глядишь на себя сквозь увеличительное стекло. Вспомни все, что говорили тебе твои родители, прибавь к моим словам, и будем надеяться, что разум одержит победу над взбалмошностью и эгоизмом.

Закончив свою речь, его сиятельство развернулся и направился к дверям. Он уже взялся за ручку, когда до Тины донеслось:

– Как же Вэйлр это допустил? Он ведь всегда был умным мальчиком...

А спустя четверть часа, когда Тина, не отягощенная размышлениями о словах деда, уже собиралась отправиться на поиски брата, к ней вошли две служанки, неся платье из гардероба, привезенное из дома. Платье было приведено в порядок и готово к использованию.

– Его сиятельство одобрили это платье, мадемуазель Адамантина, – сказала одна из женщин, приседая в книксене. – Через час будет подан ужин, но господин граф предлагает вам переодеться и пройти в гостиную, где соберутся гости, заранее.

Хмуро кивнув, девушка приняла предложение и вскоре уже была облачена в свое самое нелюбимое бордовое платье, и на волосы ей надели сеточку, украшенную жемчужинками, закрепив ее заколками с рубиновыми цветами. Жемчужное ожерелье с похожим рубиновым цветком плотно обхватило шею, напомнив этим бархотку. Оглядев результат своих стараний, служанки умиленно сложили руки на груди и вздохнули.

Тина перевела мрачный взгляд на зеркало, пару минут рассматривала отражение, а после махнула рукой, оставшись равнодушной к виду смотревшей на нее юной красавицы с яркими чертами лица, не требующими что-либо подчеркнуть или выделить. Изящные дуги бровей сошлись к переносице, носик шмыгнул, а губы поджалась в тонкую упрямую линию.

– Вам не нравится? – изумилась одна служанка. – Вы так хороши, мадемуазель Адамантина!

– Невероятно хороши! Вы даже выглядите немного старше, совсем невеста...

– Что?! – гневно воскликнула Тина. – Даже слышать этого слова не желаю! Никогда и ни за что я не выйду замуж! Никто в целом мире не сможет изменить моего решения.

И, гордо вздернув нос, она направилась к дверям, думая, что Сверчок бы обалдел, если бы увидел ее такой. Тине очень хотелось надеяться, что закадычный дружок не обозвал бы ее кривлякой и светской дрыгалкой, как они называли всех этих модниц и задавак, которые без усталости стремились перешеголять друг друга своими нарядами. Однако выбирать не приходилось, и девушка направилась в гостиную, где собиралась ее высокородная родня, в сопровождении приставленного к мадемуазель лакея.

Глава 5

И вновь Тина оказалась первой. В большой, но на удивление уютной гостиной еще никого не было. Это не расстроило девушку. Она прошла к креслу с высокой спинкой, уселась в него и устремила взгляд в окно. Взор мадемуазель Лоет подернулся мечтательной пеленой, и мысли понеслись далеко-далеко, промчались мимо Кайтена и догнали одинокий корабль, паруса которого надувал тудяга ветер. А ведь они со Сверчком могли бы плыть на нем...

Ах, как же было бы хорошо сейчас очутиться на палубе резвого корабля! Смотреть на волны, чьи пенные гребни лижут бока парусника. Видеть косяки рыб, чешуя которых поблескивает в солнечных лучах, стоит им только подняться ближе к поверхности. Ощутить запах просмоленного дерева и моря! Тина прикрыла глаза и протяжно вздохнула. Ей вспомнились морские прогулки, которые устраивал папенька, когда начинал скучать на берегу. «Счастливичик», старый бриг капитана Лоета, расправив паруса, словно птица крылья, летел над волнами, ударяясь о них деревянным брюхом. Тина стояла на носу этого маленького кораблика, брызги летели ей в лицо, и беспредельное счастье заполняло ее сердце.

А как преобразался в эти минуты капитан Лоет! Он будто молодел, и здоровый глаз папеньки сиял от удовольствия. Если маменька отправлялась на морскую прогулку вместе с мужем и дочерью, то лицо ее озарялось внутренним светом и взор становился мечтательным. Папенька, обняв маменьку за плечи, прижимал ее к своей груди, и на губах его играла чуть загадочная улыбка, смысл которой Тина вроде бы и понимала, но чувствовала, что знает о прошлом родителей далеко не всё. И тогда ей до зубовного скрежета хотелось узнать все их тайны.

Девушка слышала, что маменька и папенька познакомились, когда мадам Адалаис Ламбер ступила на борт «Счастливичика». Знала, что папенька влюбился в нее без памяти и сошел на берег ради маменьки. Однако никто не рассказывал, каким образом благовоспитанная дочь банкира взошла на борт пиратского брига, куда направлялась и с чем ей пришлось столкнуться в этом судьбоносном плавании команды «Счастливичика». Маменька отшучивалась, что гналась за сказкой, но она оказалась ближе, чем мадам Адалаис могла рассчитывать. Папенька же ничего не говорил или отвечал, что Всевышний послал к нему своего ангела, чтобы подарить то, о чем он не смел и мечтать.

Одно Тина знала точно, что даже для женщины в море есть место, коли уж маменьку полюбила команда брига. И лучшим доказательством тому служило их восклицание при встрече:

– Наш Ангелок!

Тине тоже хотелось, чтобы на нее смотрели с симпатией и уважением и чтобы суровые мужчины считали честью пожать ей руку. Но Адамантина Лоет оставалась дочкой капитана и Ангелка, и с этим ничего нельзя было сделать. Вздохнув, девушка подтянула колени к подбородку, забывая вовсе, где она находится, прижалась к колену щекой и снова представила, каково это – путешествовать.

Самым далеким местом, куда несколько раз заходил «Счастливичик», был Тригар. Папенька навещал там своего друга – лекаря со странным именем Тин Лю Бонг. Девочка долго и с нескрываемым любопытством рассматривала смуглого мужчину с узкими глазами. Он чем-то пугал ее и в то же время притягивал, а его лукавый взгляд заставлял смущаться и прятаться за папеньку. В такие минуты Вэйлр Лоет всегда посмеивался над стыдливым румянцем, разливавшимся на лице дочери.

У этого лекаря в доме жило много гадов, которых Тина рассматривала с приоткрытым ртом, стучала пальчиком по большим банкам, в которых они сидели, и с писком отпрыгивала, если жуткие создания смотрели на нее. Но больше всего потрясло маленькую мадемуазель Лоет

то, что руку Бонга обвивала змейка, яд которой мог убить мгновенно, но лекарь несколько не опасался своей подопечной, как и она не стремилась причинить вред хозяину. А на плече у него, словно эполет, сидел огромный страшный паук, которого маменька брала на руки без всякого омерзения. Паук попискивал от удовольствия, когда изящные пальчики мадам Лоет поглаживали его спину, а маменька вздыхала, вспоминая какую-то Оли, давшую жизнь целому выводку этих ужасных тварей. Впрочем, Тина тоже решила погладить паука, но, когда он хотел забраться на нее, убежала с визгом и слезами, призывая папеньку в защитники. А вот Ланс паука не испугался.

Были они на Тригаре всего раза три, а после Бонг покинул его, отправившись на свою далекую родину. Папенька говорил, что враги лекаря больше не управляют той страной, откуда когда-то бежал господин Тин, и Бонг решил, что краше родной земли ничего нет, хоть в Тригаре у него дела шли как нельзя лучше. Родители были опечалены расставанием, но желали своему другу только хорошего. А когда Бонг уехал, от него пришло последнее послание, которое папенька читал вслух. Впрочем, там была всего одна строчка, которая озадачила обоих родителей: «Не стоит предавать забвению прошлое, однажды оно вернется и станет настоящим». Вот и все. Маменька и папенька некоторое время пытались толковать, как они сказали, последнее предсказание лекаря, но так и не определились с точным значением.

– Какая умиротворяющая картина – дремлющая у огня дикарка, – это прозвучало столь неожиданно, что Тина перепугалась. Ее ноги соскользнули с края кресла и глухо стукнулись подошвами туфель о паркет.

Мадемуазель Лоет покраснела, досадливо отводя взор, и пролепетала:

– Прошу прощения, ваше сиятельство, я просто...

– Не стоит, – остановил ее Маркэль Мовильяр, стоявший рядом с креслом. – Это было действительно мило. К тому же я не наш дед и впадать в истерику от ваших выходов не собираюсь. Познакомимся заново?

Молодой человек приветливо улыбнулся и протянул руку, пристально разглядывая Тину. Девушка смущенно опустила глаза.

– Тина, вы умеете краснеть? – негромко рассмеялся граф, беря ее за руку. – Однако предлагаю оставить церемонии. Вы Тина, я Марк, этого будет достаточно, не так ли, прелестное создание?

– Угу, – промычала девушка, все еще старательно не глядя на кузена.

Он вновь рассмеялся и поднес руку мадемуазель к губам. Тина изумленно распахнула глаза, когда Марк несильно сжал ее пальцы и, не спуская взгляда с кузины, снова поцеловал тыльную сторону ладони.

– Очень приятно, Марк, – буркнула она и отняла свою руку. После посмотрела на нее и машинально вытерла о подол.

Золотистые брови молодого графа изумленно приподнялись, и он расхохотался уже совсем громко и весело.

– Однако, – заметил он. – Впервые наблюдаю подобное.

– Вот и любуйтесь, – ответила Тина, вдруг занервничав оттого, что никого больше нет рядом, а Марк не спешит оставить ее в покое. Сейчас она, пожалуй, порадовалась бы даже деду.

– Вы невероятны, Тина, – все с той же дружелюбной улыбкой продолжил молодой человек. – Столь яркий след породы во всем вашем облике, но разбавленный простонародными оборотами в речи. А ваша непосредственность и вовсе очаровательна. Наш дед совершит ошибку, если превратит вас в типичную благородную даму. Он забавный старикан, но взгляды его сиятельства сильно устарели. Он все еще живет в прошлом веке.

– Однако понятия такта и воспитания остались и в этом веке неизменны, – прозвучал ледяной голос графа Мовильяра-старшего. – Марк, оставь в покое кузину и расточай свое оба-

яние на женщин, более склонных к его восприятию. Адамантина, надеюсь, вы не прислушались к пустой болтовне повесы и гуляки?

Тина вздохнула с облегчением, когда Марк отошел от нее, но краснеть за свои слова молодой человек явно не намеревался. Он, лишь обозначив поклон, с легкой иронией посмотрел на деда. Лорель Мовильяр недовольно покачал головой и устроился во втором кресле, стоявшем напротив Тины.

– Бери пример с Ланса, – продолжал его сиятельство. – Достоянейший молодой человек, пусть его мать и не из аристократического рода, но он в большей степени Мовильяр, чем ты.

– Ах, ваше сиятельство, – воскликнул шалопай, – дайте же молодости вкусить радости, что столь щедро ей протягивает жизнь, и я еще стану серьезен и скучен. Вы со мной согласны, дорогая кузина?

Оба родственника посмотрели на Тину, чем вызвали у нее волнение, и девушка ляпнула (прежде чем успела сообразить, что срывается с ее языка):

– Черт его знает, кузен. Жизнь, дьявол ее дерит, – дама дерзкая. Иной раз и под дых с ноги дать может так, что трепуха завяжется узлом... Ой.

Марк рассмеялся, а его сиятельство сокрушенно вздохнул, однако отчитывать Тину не стал, а заметил:

– Верно сказано, дитя мое. Только выразить данную мысль можно было иными словами. Попробуйте.

Мадемуазель Лоет страдальчески вздохнула, проклиная себя за несдержанность, но, подчиняясь пристальному взгляду деда, произнесла:

– Не стоит уповать на то, что жизнь будет лишь радовать. Порой она наносит предательские удары, и тогда последствий избежать бывает крайне сложно.

Лорель Мовильяр одобрительно улыбнулся и поаплодировал кончиками пальцев одной руки по раскрытой ладони второй.

– Bravo, дитя мое. Теперь и вовсе замечательно сказано, – похвалил он. – Следите за языком, и ваша речь станет достойной всяческих похвал. А ты бы прислушался, – тон графа вновь стал суровым. – Адамантина младше тебя на пять лет, однако мыслит более взросло. Если научится смирять свои порывы, превратится в разумную и благовоспитанную девицу, с которой будет приятно вести беседу не только об этикете.

– Его сиятельство так вербует вас под свои знамена, кузина, – насмешливо ответил на слова деда Марк. – Думаю, моему отцу тоже достанется.

– Непременно, – сухо заметил граф Лорель.

Чем заслужил неодобрение отца его сиятельство граф Натаэль Мовильяр, Тина не знала, но подтрунивание над строгостью графа Лореля Мовильяра его внуком все больше нравилось мадемуазель Лоет, хоть она и не подавала вида, сохраняя на лице отстраненное выражение. Но более, чем слушать иронию младшего сиятельства, Тине хотелось наконец увидеться и поговорить с братом, который все никак не появлялся, и это слегка раздражало.

Вскоре Тина перестала прислушиваться к разговору деда и внука, уйдя в свои мысли. Ей хотелось бы побыть с Лансом вдвоем, чтобы не приходилось следить за своей речью, дергаясь и нервничая, что сейчас ее начнут отчитывать, еще и прилюдно. Девушка мечтала выдохнуть и почувствовать себя более уютно, надеясь, что подобная возможность ей еще представится.

– Доброго вечера, дорогая племянница. – Тина подняла глаза и увидела дядю Натаэля, брата-близнеца ее папеньки.

Возможно, когда-то их было сложно различить, но ныне было бы столь же сложно перепутать, потому что у графа Натаэля Мовильяра в наличии имелись оба здоровых глаза и лицо не уродовало шрам. И все же надменность на лице дяди Натаэля немного отталкивала Тину, как и ее маменьку в день знакомства. Однако сейчас на лице мужчины, в чьих волосах так же

серебрилась седина, как и в волосах его брата, играла приветливая улыбка, смягчая знакомую маску высокомерия.

– Добрый вечер, ваше сиятельство, – мадемуазель Лоет хотела подняться с кресла, но его сиятельство остановил ее жестом, мягко сжав руку племянницы между своих ладоней.

– Зовите меня дядей... – мужчина покосился на отца и закончил, – Адамантина.

– Х-хорошо, – растерялась Тина, но опомнилась, тоже покосилась на деда и поправи-лась: – То есть я хотела сказать, с превеликим удовольствием... дядя.

Натаэль задорно улыбнулся и устроился на диванчике с изящными витыми позолоченными ножками. Он перевел взгляд на сына и тут же недвусмысленно хлопнул ладонью рядом с собой.

– Мне здесь удобно, отец, – отвечивший молодой человек, приваливаясь к камину.

– Живо, – сухо велел дядя Натаэль, и его отпрыск, закатив глаза, чем неожиданно разве-селил Тину, направился к отцу величавой походкой.

Наконец дверь распахнулась, и в гостиную вошел Ланс. Он тепло улыбнулся сестре, заси-явшей при его появлении, и произнес:

– Прошу простить меня за задержку, посыльный из Министерства нагнал меня и здесь.

– Служба Его Величеству, мой мальчик, обязывает денно и ночью трудиться на благо королевства, – улыбнулся старший граф Мовильяр. – Однако раз мы все в сборе, то не грех и подогреть аппетит бокалом горячительного напитка.

Он подал знак – и от угла отделился лакей с подносом. Мадемуазель Лоет только сейчас поняла, что он все это время был здесь, а она даже не заметила, что находится в гостиной не одна. В этот момент она порадовалась, что не сотворила ничего из того, что могла бы, думая, что находится в одиночестве; теперь не пришлось краснеть. Правда, сидела с ногами на кресле, но это видел даже кузен, потому об этом можно было не беспокоиться.

Мужчины пили коньяк, Тине же достался бокал разбавленного вина. Она сделала глоток и прислушалась к себе. Маменька считала, что ей еще рано пробовать вино, и папенька с ней соглашался, потому сегодня девушка впервые отведала запретное. Первой ее мыслью было, что лимонад гораздо вкусней, но потом приятное тепло растеклось по телу, и мадемуазель Лоет сделала новый глоток.

– Безусловно, жаль, что Арэль не смог прибыть с вами, но я бесконечно рад, что Ланс-элю удалось вырваться, – произнес его сиятельство, смакуя коньяк. – Нат, как себя чувствует малышка Адилия? Здоров ли ее супруг?

Адилия – дочь дяди Натаэля – была на сносях, и ее знакомство с кузиной по этой ува-жительной причине отложилось. Арэль – брат-близнец Маркэля – оказался занят на службе. Старший же сын второго графа Мовильяра находился с посольством в другой стране, и зна-комство с ним и вовсе откладывалось на неопределенный срок. Впрочем, Тина не сожалела об отсутствии ни одного из родственников, не особо горя желанием видиться с ними. Род Мови-льяр, решивший вернуться в жизнь Вэйлра Лоета, не так часто давал о себе знать, и считать их семьей у Тины не получалось.

Вот семейство Ламбер – другое дело. Что бабушка Дульчина часто наезжала в Кайтен к зятю и дочери, что ее внуки подолгу гостили в Льено, пока их родители не присылали возмущенное послание, требуя вернуть детей под отчий кров. А когда братья выросли, они сами покинули родительский особняк. Ланс принял приглашение его сиятельства, обещавшего помочь с карьерой. Предлагал он это и второму брату Тины – Раналю. Однако Раналь выбрал другого деда и отправился в Льено учиться банковскому делу.

Разговор мужчин тек размеренно, навевая скуку. Мадемуазель Лоет прикрыла зевок ладошкой, ее мысли вновь умчались в далекие дали. Девушка так увлеклась ими, что не рас-слышала, когда доложили, что ужин подан.

– Адамантина.

Очнувшись, Тина вскочила с кресла и едва не вытянула руки по швам. Свое имя, произнесенное его сиятельством, пусть и негромко, девушка уже воспринимала как приказ, короткий и четкий. Марк усмехнулся, качая головой. Ланс подошел к сестре, подал ей руку, и Тина с радостью приняла ее, наконец завладевая вниманием брата.

– Потерпи, после ужина сможем уединиться и спокойно поговорить, – шепнул Ланс, и девушка радостно кивнула. – С Марком осторожней, он не лучшая компания, – добавил брат, склонившись почти к самому уху сестры.

Она подняла на Ланса вопросительный взгляд и обнаружила, что уголки его губ опущены точно так же, как у его сиятельства, что выражало пренебрежение. Это неприятно удивило девушку. Меньше всего ей хотелось, чтобы брат становился похожим на деда. После этого мадемуазель Лоет перевела взгляд на Марка и заметила, как того отчитывает отец, негромко, но раздраженно, и ей стало жаль молодого человека. Тина вдруг увидела в нем родственную душу, решив, что к Марку Мовильяру так же несправедливы, как и к ней.

– Ты меня слышала? – строго спросил Ланс.

Его сестра нехотя кивнула, не желая сейчас спорить. Тина решила, что лучше самой составить мнение о том, кого столь дружно порицают остальные. Словно почувствовав ее взгляд, Марк обернулся и подмигнул. Он не был подавлен нотациями отца, остался невозмутим под строгим взглядом, которым одарил внука его сиятельство, и совсем уж не обращал внимания на то, что Ланс что-то шепчет своей сестре, взвизгивающей на него. Тина невольно улыбнулась и тут же удостоилась легкого толчка локтем в бок от брата.

Во время ужина царил тишина, нарушаемая лишь постукиванием столовых приборов. Мадемуазель Лоет пришлось бы туго, потому что блюд в этот раз было еще больше, а приборов не убавилось, и она терялась, что брать в руки. Но в какой-то момент она подняла взгляд и заметила, что Марк смотрит на нее. Он взял в руки незнакомые ей столовые приборы и как бы невзначай покрутил их в пальцах. После указал взглядом на свою тарелку, и Тина поняла, что он подсказывает ей: на тарелке молодого человека лежало то же, что и у нее. Едва заметно улыбнувшись, мадемуазель Лоет поблагодарила кузена за подсказку. Теперь она периодически поглядывала на него, если чувствовала, что теряется, и Марк не отказывал ей в помощи, чем еще больше заслужил расположение девушки.

После ужина хозяин дома и его гости вернулись в гостиную с камином. Здесь мужчины вновь разобрали бокалы, начав беседу, которую поддерживали оба старших графа Мовильяра и Ланс. Дядя Натаэль несколько раз обращался к Тине, справляясь о брате и его супруге. Он поинтересовался делами компании «Вэйлада», и после этого разговор плавно перетек к финансовым вопросам.

Мадемуазель Лоет откровенно скучала. Ей уже казалось, что вечер никогда не закончится, и, если уж выбирать между Марком и Лансом, то ее брат скорей – Мовильяр, столь органично он вписывался в эту семью. Марк же скучал, подобно своей кузине. Он первым поднялся на ноги, извинился и покинул столовую, подарив напоследок девушке сочувствующую улыбку, нашедшую отклик в ее душе. Тина проследила за кузеном тоскливым взглядом, вздохнула и подошла к окну, потягивая поднесенное ей вино.

Она смотрела на сад, подсвеченный фонарями, которые успела разжечь прислуга В голове все больше шумело, капельки пота выступили на висках, и Тине захотелось на свежий воздух. Сомневаясь, что ей позволят столь позднюю прогулку по саду, мадемуазель Лоет решила на маленький обман. Она поставила на поднос лакея опустевший бокал и взглянула на деда.

– Ваше сиятельство, могу ли я удалиться в свою комнату?

– Вы устали, дитя мое? – с легкой улыбкой спросил Лорель Мовильяр. Тина кивнула, и граф не стал задерживать ее.

– Я провожу, – вызвался Ланс.

Тина запаниковала, что ей не удастся совершить свой маленький побег в сад, но дядя Натаэль отвлек брата коротким вопросом, и девушка поспешила уйти, сказав:

– Его сиятельство приставил ко мне сопровождающего, Ланс.

– Я зайду позже, если ты не собираешься еще ложиться, – тут же откликнулся брат.

– Собираюсь, – кивнула Тина. – От вина шумит в голове.

Ее ответ был принят, и вскоре мадемуазель Лоет уже стояла под дверями своей комнаты, слушая удаляющиеся шаги лакея. Приоткрыв дверь, она высунула нос и осмотрелась. Не заметив помехи, Тина направилась к парадной лестнице, спеша спуститься вниз, пока ее никто не увидел. Но, когда девушка добралась до входных дверей, ее постигло разочарование: они были заперты. Раздосадованно фыркнув, Тина поплелась назад.

– Что-то ищете, дорогая кузина? – Марк стоял на лестнице, с интересом наблюдая за ней.

– Хотела выйти на свежий воздух, а дверь заперта, – со вздохом ответила мадемуазель Лоет.

– Идемте, покажу другой выход, – улыбнулся молодой человек. – Там дверь тоже запирается, но открыть ее просто.

– Вы очень любезны, – смущенно улыбнулась Тина.

Марк, прижав палец к губам, поманил ее за собой. Девушка понятливо кивнула и поспешила следом, стараясь не шуметь. Они были уже близки к своей цели, когда послышались шаги, и их слуха коснулись голоса Лореля Мовильяра и Ланса. Марк сжал пальчики Тины и дернул ее к тяжелой портъере, за которой они и спрятались. Шаги вскоре удалились, и парочка нарушителей ночного покоя выбралась на свет, обмениваясь веселыми взглядами.

Молодой человек указал, куда им следует идти, Тина согласно кивнула. Марк так и не выпустил ее руки, пока они бежали ко второй лестнице, спускались к оранжерее, из которой имелся выход в сад. Мадемуазель Лоет с интересом оглядывалась – ничего этого она еще не видела. Неожиданно девушка остановилась, с изумлением рассматривая большую черную бабочку, Марк потянул за собой кузину, вынуждая вновь идти за ним.

– Она действительно черная? – шепотом спросила Тина.

– Нет, темно-фиолетовая с коричневой окантовкой, – также шепотом ответил Марк. – Это ночные бабочки, их привезли по заказу деда. Днем они спрячутся, и вы сможете увидеть других. Наш старикан сентиментален.

– Ого, – вполголоса воскликнула девушка, не ожидавшая такого от его сиятельства.

– Вот тебе и ого, – хмыкнул молодой человек, переходя на «ты», и слегка поддел согнутым пальцем кончик носа Тины.

Она фыркнула, смешно сморщила нос и остановилась рядом с кузеном у выхода из оранжереи. Марк отодвинул засов. Он кивнул, показывая, что проход открыт. Тина восторженно пискнула и первой выскочила на прохладный ночной воздух, жадно вдыхая его полной грудью.

– Как же хорошо, – выдохнула она и поспешила дальше, стремясь исключить возможность своей поимки раньше, чем нагуляется. Опомнившись, она обернулась, чтобы попросить Марка не закрывать дверь, но обнаружила, что молодой человек и не думал возвращаться в особняк.

Он поравнялся с Тиной, скользнул по ее спине ладонью и ненадолго задержал ее на талии, смутив девушку, и она нахмурилась. Мадемуазель Лоет не нужен был провожатый и не хотелось, чтобы ее трогали.

– Ночью по саду бегают сторожевые псы, – пояснил свое сопровождение Марк. – Тебя они не знают, могут наброситься.

– Дьявол их задери, – досадливо проворчала мадемуазель Лоет.

Ее спутник негромко рассмеялся и повернул голову, рассматривая профиль Тины в скудном свете фонаря.

– И все же ты прелестна, маленькая дикарка, – улыбнулся он. – Чрезвычайно притягательная смесь внешней утонченности и внутренней страсти, сдобренной налетом грубости. Пикантная смесь.

Покосившись на молодого человека, Тина свернула к аллее, на которой слышался плеск фонтана. Ей очень хотелось посидеть в одиночестве на его бортике, но оказаться покусанной собаками желания не имелось, и девушке пришлось смириться с тем, что Марк будет рядом до возвращения в особняк. Молодой человек послушно следовал за ней, более не нарушая тишины.

Они дошли до маленького фонтана, посреди которого стояла полуобнаженная мраморная дева с кувшином, поднятым на плечо; из кувшина лилась прозрачная струя, исчезая с тихим плеском в чаше, наполненной водой. Тина опустила руку в холодную воду и вздохнула, вспоминая, как они сидели со Сверчком на берегу, бросая камешки в море, и мечтали ни о чем и обо всем сразу.

– Ты грустишь, – заметил Марк.

– Вспомнила своего друга, – улыбнулась Тина, не глядя на молодого человека. – Мы с ним очень близки, а я даже не успела с ним попрощаться.

– У тебя есть дружок? – приподнял брови ее собеседник. – И вы с ним близки?

– Очень, – кивнула девушка. – Мне без него тоскливо.

Молодой человек придвинулся ближе, накрыл колено Тины ладонью и спросил каким-то особенным голосом, в котором вдруг появилась хрипотца:

– Я могу заменить его тебе, Тина.

Девушка вскинула голову, удивленно глядя на Марка. Пальцы на ее колене чуть сжались, и ладонь поползла выше. Тина нахмурилась и, подцепив руку кузена, скинула со своего колена. Он не обиделся, вновь рассмеявшись.

– Гордая дикарка? – спросил молодой человек. Мадемуазель настороженно промолчала, и Марк заглянул ей в глаза. – Что ты мне ответишь? Я готов стать твоей защитой от деда. Ответь «да» – и мое покровительство с тобой. Обещаю, что вытащу тебя из этого болота.

Теперь Тина слушала более заинтересованно.

– Ты ведь уже умираешь от тоски рядом с нашим реликтом, не так ли? – Марк поднес руку девушки к своим губам. – Хочешь увеселительные прогулки? Походы в театр, в оперу, когда не придется засыпать с тоски, сидя рядом с его сиятельством? Выезды, охота. А главное, никаких нотаций и душеспитательных бесед. Говори, как хочешь, веди себя так, как тебе нравится. Что ответишь мне, Тина? Мы подружимся?

Поджав губы, мадемуазель Лоет некоторое время обдумывала услышанное и наконец радостно кивнула. Избавления от давления его сиятельства ей хотелось более всего на свете. Марк широко улыбнулся. Он поднялся на ноги, подал руки, и Тина доверчиво вложила свои пальчики в мужские ладони. Марк потянул ее на себя, заключая в тесные объятия.

– Скрепим договор поцелуем? Каковы твои губы на вкус, Тина?

– Чего? – опешила она.

Мадемуазель Лоет еще короткое мгновение осознавала, чего от нее хочет Марк, и когда его лицо приблизилось к ее лицу, Тина сообразила всю мерзость предложения своего кузена. И слово «дружок» в его устах окрасилось иным смыслом.

– Ах ты, потрох свинячий! – возмущенно воскликнула девушка.

Но ее возглас захлебнулся в навязанном поцелуе, и Тина рассвирепела. Удар в пах кузена вышел сам собой. Тина резко ударила ладонями по графским ушам и добила застонавшего молодого человека, с силой приложив носом о свое колено. Слепленный мужчина вскрикнул и упал, заливаемый кровью из разбитого носа.

– К дьяволу! – заорала Тина, прошедшая не через одну уличную драку. – Хлыщ поганый! Еще хоть пальцем притронешься, я тебя наизнанку выверну! Уяснил?!

Марк поднял к ней лицо, перекошенное болью, и сипло выдохнул:

– Я такого не забываю.

– Да пошел ты к дьяволу. Сунешься – я тебе уши отрежу и к заднице пришью. Будешь его сиятельство Зад с Ушами, – пренебрежительно фыркнула Тина, развернулась и тут же уперлась взглядом в высокую фигуру, бежавшую в их сторону.

Она узнала брата, следом за которым быстро шел дед.

– Что здесь происходит? – прогрохотал его сиятельство.

– Я споткнулся и упал, – прохрипел Марк, поднимаясь на ноги с колен.

Лорель Мовильяр мрачно осмотрел внуков и махнул рукой, показывая Лансу увести сестру. Тот взял Тину за руку, сердито взглянув на нее, и потащил за собой.

– Я тебе говорил, чтобы ты держалась от него подальше? – зло спросил Ланс. – Ты ответила, что поняла. Какого черта ты потащила с ним сюда?

– Мне хотелось на воздух, а он дверь показал, – обиженно всхлипнула девушка. – А потом от собак хотел защитить.

– Марк хорош на расстоянии, – передернул плечами брат. – К дьяволу, он теперь от тебя не отвяжется. Настырный и мстительный, бесы его дери.

– Пусть только сунется, – угрожающе произнесла мадемуазель Лоет.

Ланс покосился на сестру и пропустил вперед себя в двери. После зашел сам и усмехнулся:

– Однако недурственно ты его приложила, сестрица.

– Да и пальцем почти не тронула, – возмутилась Тина. – Так, чтоб знал, к кому со своими слюнями лезет. А пристанет еще раз – все дерьмо из уroda выбью.

– О-ох, – протяжно вздохнул Ланс, – ну и язычок у тебя.

Насупившись, Тина взбежала по ступеням впереди брата, но, не выдержав, обернулась и нацелила на него палец.

– Ланс, ты становишься как наш сиятельный дед! – обвиняюще воскликнула она.

Он поравнялся с девушкой, снова взял ее за руку и повел к отведенным ей покоям.

– А что плохого в том, что я становлюсь похожим на деда? Граф Лорель Мовильяр – достойный человек...

– Который отказался от своего сына, – отчеканила Тина. – Достойные люди от детей не отказываются.

– Да что ты знаешь об этом?! – возмутился Ланс. – Что ты вообще знаешь о его сиятельстве, кроме того, что он не дает тебе сквернословить и вести себя как мальчишка-беспризорник?!

Они как раз подошли к дверям покоев мадемуазель Лоет, и она хотела распрощаться с братом, чувствуя негодование, но Ланс не позволил, остановив ладонью закрывающуюся дверь. Он вошел следом и внимательно посмотрел на сердитую сестру.

– Я расскажу тебе то, что мне рассказал дядя. Даже отец об этом не знает, а дед никогда не сознается, – сказал Ланс, отходя от дверей и устраиваясь на кушетке. – Иди сюда. Сядь.

Тина нехотя подчинилась, но любопытство пересилило – и она все-таки скосила глаза на брата. Он дождался внимания сестры и только тогда заговорил.

– Дядя рассказывал, что наш отец с детства бредил морем. – Это Тина прекрасно знала. – Дедушка был против, но отец настоял и ушел в военное училище. Потом было то, о чем нам рассказывала маменька, когда команда корабля, на котором служил отец, отправила лейтенанта Мовильяра прогуляться по доске после его попытки защитить иноземных купцов. Ты все это прекрасно знаешь, и я не буду повторять. Когда отец вернулся домой, дедушка был счастлив до невозможности. И он надеялся, что теперь наш папенька образумится и займет достойное место. Но папенька воспротивился – дед вознегодовал. Они очень похожи, Тина. Дед в сердцах выкрикнул, что сын умрет для своей семьи, если не примет его условий. Отец отказался при-

нимать их. Они оба упрямы до черта и оба держат свое слово. Дед объявил папеньку погибшим, отец вернулся на корабль, который ему впоследствии и достался, забыв о своих родных. А дальше начинается то, о чем капитан Лоет даже не подозревает. Его сиятельство втайне продолжал следить за сыном. Он знал, когда и куда уходил «Счастличик», знал о многих событиях в жизни папеньки. Но главное, когда король отправил «охотников» по души разгудавшегося братства, наш отец спасся благодаря не только своей ловкости, но и защите деда. «Счастличик» стал невидимкой для карателей. Он никогда не бросал своего сына, Тина. Да, законы таковы, что он не мог открыто признать пирата и разбойника своим сыном, но после рождения Раналья решил выйти из тени, желая познакомиться с невесткой и увидеть своих внуков. Они тогда снова поругались. Граф предлагал сыну отказаться от прозвища Лоет, но отец вновь воспротивился, сказав, что с этим именем прожил всю жизнь и что не намерен его менять и впредь, а если его сиятельству что-то не нравится, то он волен катиться на все четыре стороны. После этого дед снова ушел в тень и объявился, когда родилась ты. И маменьку нашу граф уважает и ценит...

– Он оскорбил маменьку! – возразила Тина.

Ланс усмехнулся и потрепал сестру по плечу, после привлекая ее к себе.

– Это его метод, сестренка. Чтобы собеседник обнажил душу, дедушка выводит его из равновесия – так проще понять и подобрать ключик, – пояснил брат. – Поверь, чем ты послушней и чем больше дедушка будет доволен тобой, тем быстрее и больше послаблений получишь. Дед умеет замечать успехи. Не сопротивляйся и не дерзи – и тогда давления станет меньше.

– Но это все так скучно, Ланс!

– Твои шалости приводят только к расстройству родителей и неприятностям для тебя, – ответил молодой человек. – Послушайся моего совета...

Договорить он не успел – дверь открылась, и на пороге появился сам его сиятельство. Он оглядел внуков хмурым взглядом, остановил его на Тине и произнес:

– Марк покинул поместье вместе со своим отцом. Неприятная история вышла... К сожалению, мне придется прибегнуть к тому, чего я не желаю. Та мера, которая предполагалась в воспитательных целях, теперь пригодится ради всеобщего спокойствия. Завтра я отвезу вас в пансион, Адамантина. Некоторое время вам придется пожить среди воспитанниц.

– В пансион?! – воскликнула потрясенная мадемуазель Лоет. – Но как же?!

– Так будет лучше, для вас, дитя мое. Спокойной ночи.

Граф вышел, и Ланс выругался.

– Чертов Марк, – глухо сказал молодой человек.

– Да при чем тут Марк? Ланс, он хочет сплавить меня в пансион! Папенька будет в ярости! – воскликнула Тина.

– Он тебя хочет там спрятать. Мужчинам вход в пансион закрыт, – ответил ее брат, поднимаясь на ноги. – Не переживай, твое вынужденное изгнание продлится недолго. – Поцеловав сестру в щеку, Ланс направился к дверям. – Поговорю с дедом.

Потрясенная мадемуазель Лоет проводила брата растерянным взглядом. После встала с кушетки, устремив взгляд в сторону окна.

– Полное дерьмо, – мрачно констатировала Тина и отправилась спать.

Глава 6

Дерзкая дама нанесла свой удар так неожиданно и предательски! Правда, требуха не связалась от него узлом, но все же было до крайности обидно. Сначала папенька отправил дочь к деду, изводившему ее правилами хорошего тона, а после дед отправил внучку и вовсе к чужим людям. Папенька непременно будет в страшном гневе, когда узнает об этом, но как и когда он еще узнает? Сколько придется сидеть в пансионе, оторванной не только от родных и единственного друга, но даже от жизни в оковах этикета, однако протекавшей все-таки на воле? Этого Тина не знала, а его сиятельство хранил молчание.

И еще обидно было оказаться наказанной за чужие грехи. Это не она, а Маркэль Мовильяр совершил недопустимое, предложив кухне и девице такое, чего принять было совершенно невозможно. Да что там принять – осознать подобное предложение было выше сил мадемуазель Лоет. Однако же не Марк, а она сейчас ехала в богатом экипаже графа Мовильяра, чтобы войти в ворота пансиона и остаться там. А мерзавец Марк будет, как и прежде, развлекаться в свое удовольствие. И это казалось столь оскорбительным, что слезы, самые настоящие, укладкой текли по щекам безвинного создания.

Его сиятельство сидел, отвернувшись к окну, и даже не пытался делать замечания о шмыганье носом. Только протянул платок, так и не посмотрев на несчастную внучку. Тина взяла надушенный кусочек белоснежной ткани и отвернулась к другому окошку, всхлипывая, шмыгая носом и проклиная жестокую судьбу.

– Нам проще на время удалить тебя, пока Марк не отправится в Деларан к своему старшему брату, – вдруг заговорил Лорель Мовильяр. – Мальчишка совершенно отбилась от рук, став паршивой овцой в нашем роду. Мстителен до крайности и даже не скрывает этого. Ты задела его самолюбие. Еще бы, известный на всю столицу повеса и забияка был уложен на лопатки девчонкой вдвое меньше себя ростом и на пять лет младше. Да уж... – хмыкнул его сиятельство и неожиданно расхохотался, но быстро оборвал себя и откашлялся, вновь не сводя взгляда с пейзажа за окном. – Запереть его невозможно, он любимец Его Высочества, младшего брата нашего короля, такого же беспутного дуралея, как и Марк. Если он исчезнет, герцог непременно вмешается. Запретить пускать внука в свое поместье я могу, но это его не остановит. – Граф помрачнел еще больше. – Это все из-за высочайшего покровительства. Мальчишка почувствовал вседозволенность и стал совершенно невозможен. К женщинам неравнодушен сверх меры. Но нам и в голову не пришло, что он может, как это говорится в народе, положить глаз на свою кухню. Немыслимо! Признаться, я в растерянности. Никак не ожидал такого поворота. Хвала Всевышнему, король лично назначил Маркэля своим посланником в наше посольство в Деларане, тут уже и герцог не посмел вмешаться. Всего месяц, дитя мое, и это исчадие Преисподней уберется надолго с наших глаз. Тогда ты вернешься в мое поместье, и мне не придется приставлять к тебе стражу.

Тина тяжело вздохнула, но теперь уже слезы не текли из ее глаз. Месяц... Это уже кое-что, это уже срок, который можно и потерпеть.

– Вы не должны волноваться, Адамантина, – его сиятельство вернулся к светскому тону. – Это хороший пансион, его основала ваша бабушка и моя супруга, когда вашему отцу исполнилось четыре года. Ее сиятельство была чрезвычайно отзывчивой и доброй женщиной. Я до сих пор являюсь меценатом пансиона святой Кладетты и вхожу в попечительский совет. Мы строго следим, чтобы воспитанницы не были обделены и не нуждались хоть в чем-то. Среди них преобладают девочки, потерявшие одного либо обоих родителей, чьи оставшиеся родственники не могут взять за них ответственность на себя. Есть дочери из обедневших дворянских семей. После окончания пансиона им помогают найти место, где бывшие воспитанницы зарабатывают себе на жизнь. Мы устраиваем наших девочек только в те дома, хозяевам которых доверяем.

Бывает, что девушки выходят замуж сразу после окончания пансиона, и тогда за их судьбу уже несет ответственность супруг. Преподаватели и воспитатели имеют отличные рекомендации, без протекции мы никого не принимаем. Вы – моя внучка, Адамантина, и все же не советую рассчитывать на особое отношение к вам. Не будем терять времени даром и продолжим ваше превращение из уличного мальчишки в девицу из благородной семьи. Учтите, за грубость и брань вас могут наказать, и я не собираюсь вмешиваться, если посчитаю, что наказали вас заслуженно. Девочки ни в чем не нуждаются, но правила в пансионе строгие, прошу не забывать об этом. Мне будут ежедневно присылать отчет о ваших успехах и ошибках.

– Опять муштра, – проворчала мадемуазель Лоет.

– Воспитание, – строго поправил ее граф. – Вам все ясно?

– Да, мой капитан, – усмехнулась Тина, немного успокоившись.

– Полагаюсь на ваш разум, госпожа боцман, – добродушно рассмеялся его сиятельство. – Да, еще. Я распорядюсь, чтобы к вам не пускали никого, кроме вашего брата. Но, стоит отметить, вряд ли у Ланса будет возможность навещать вас часто, так что не ждите его, чтобы не расстраиваться впустую.

Тина кивнула и устроилась удобней на сиденье. Жизнь немного посветлела, приобретая скупые, но все-таки разнообразные оттенки. Возможно, все не так уж и плохо, это же не мадемуазель Нири с ее сороками подругами. А если приложить усилия, то можно и неплохо там устроиться. Дружба с поварами еще никому не мешала. Если никто задирать не начнет, то и драться не придется. Впрочем, с внучкой попечителя и мецената ссориться никому не позволят воспитатели. Нужно всего лишь пересидеть там месяц, а потом дед заберет – и, если держать себя в руках, там и до дома рукой подать будет. Да, весьма неплохо.

Удовлетворенная своими размышлениями, Тина даже улыбнулась, предвкушая месяц без надзора его сиятельства и его поучений. Негромкий смешок графа привлек внимание девушки. Он наблюдал за ней и, кажется, читал на ее личике каждую мысль.

– Вы ничем не будете выделяться среди других воспитанниц, – произнес мужчина. – И занятия вы будете посещать вместе с остальными девочками, и спрашивать с вас будут так же, как и с них. Как только мы пересечем ворота пансиона, дитя мое, вы становитесь воспитанницей пансиона святой Кладетты, и никак иначе. Спать вам придется в общей спальне, есть за одним столом с вашими подругами.

– У меня там нет подруг, – заметила Тина.

– Но это не означает, что они не появятся за этот месяц, – улыбнулся его сиятельство, а мадемуазель Лоет поставила точку под предостережениями графа Мовильяра:

– Разберемся.

Его сиятельство вздернул брови, с иронией глядя на юное создание, и больше этой беседы не заводил, решив дать внучке, как она сама выразилась, разобраться. До пансиона они ехали не менее трех часов, и дорога крайне утомила мадемуазель Лоет. В Пиррете они остановились, чтобы пообедать и немного отдохнуть от дороги. Впрочем, Пиррет оказался маленьким и скучным городком, где обнаружилась только одна достопримечательность – фонтан на главной и единственной площади перед городской управой.

Постояв возле потрескавшейся мраморной чаши и зевнув, Тина заметила уличных мальчишек, бросавших нож в землю, завистливо вздохнула, но не рискнула подходить к ним. Граф Мовильяр промолчал, однако интерес внучки заметил и покачал головой, только что обнаружив еще один порок в доверенном ему юном создании – любовь к уличным играм.

После Пиррета граф Лорель Мовильяр и его внучка уже нигде не останавливались, желая поскорей добраться до цели своего небольшого путешествия.

– Мы уже рядом, – уведомил его сиятельство Тину, и она прилипла к окошку, желая увидеть со стороны свое временное обиталище.

Пансион святой Кладетты показался через несколько минут, как только карета свернула возле дорожного указателя. Но ничего особо примечательного увидеть мадемуазель Лоет не удалось. Пансион был окружен высокой белой стеной, за которой виднелась красная черепичная крыша.

– Тебе понравится, дитя мое, – улыбнулся граф. – Там достаточно уютно. Имеется небольшой ухоженный сад. Здание пансиона двухэтажное. На первом этаже находятся классы и столовая, на втором – спальни, уборные, гардеробные. Девочек выводят на прогулку по окончании учебного дня и ненадолго между уроками, чтобы воспитанницы могли немного отдохнуть. Жаль, я не успел проверить твои знания; надеюсь, мне не придется краснеть перед учителями. Уверен, что твои родители нанимали для тебя преподавателей.

Нанимали, папенька даже устраивал экзамены, когда учителя начинали жаловаться на воспитанницу. Если дочь проваливала проверку знаний, то суровый господин Лоет устраивал разнос ей, а заодно учителям, говоря, что он платит им достаточно для того, чтобы найти возможность заинтересовать ребенка. После этого Тина зарывалась носом в учебники, а учителя что только ни придумывали, чтобы увлечь мадемуазель Лоет своими занятиями. Учитель литературы даже начал вести уроки в стихах, только Тина клевала во время них носом, слушая заунывное растягивание слов самопровозглашенного поэта, а уж сложить рифму в ответ и вовсе не могла, только злилась на своего мучителя и сбегала с уроков в два раза чаще. И все же неучем Адамантина Лоет не была, так что она надеялась не меньше своего деда, что не уронит честь семьи Лоет и рода Мовильяр.

– Я верю в вас, дитя мое, – подбодрил ее граф, первым выходя из кареты.

– О-ох, – протяжно вздохнула в ответ Тина, опираясь на руку лакея его сиятельства, простоявшего всю дорогу на запятках кареты.

Граф подал руку своей внучке, и они направились через уютный чистый двор к массивным дверям с литыми ручками-змеями. Тина с интересом взглянула на двух гадов.

– Выглядит как намек, – заметила она.

– Напротив, – рассмеялся его сиятельство. – Директриса родом из Брижаля, там существует старое поверье, что змеи отгоняют злых духов и защищают от хворей. Это обереги. Я не увидел в причуде мадам Гертон ничего предосудительного. Пусть будут змеи, они ничем не хуже и не лучше иной живности и обычных дверных ручек.

– Угу, – привычно промычала девушка, но сразу же поправилась под пристальным взглядом его сиятельства: – Мне все понятно.

Здание пансиона не имело никаких украшений и излишеств, кроме этих вот змей и водосточных труб, отлитых в виде драконов, из чьих пастей вытекала вода во время дождя. По большому счету, те же гады, но побольше размером. Впрочем, обращать внимание и на это Тина не стала. С той минуты, как девушка нашла положительные стороны в своем пребывании в пансионе, ее энтузиазм разгорелся в настоящее пламя. В конце концов, воспитатели не родители, и в стенах данного учреждения мадемуазель Лоет окажется впервые без взрослых членов своей семьи. В некотором роде это даже свобода.

Стоило им войти в здание пансиона, как навстречу деду и его внучке вышла директриса. Ею оказалась невысокая пухленькая и румяная дама, на чьем лице сияла приветливая улыбка, и обращена она была не к его сиятельству, а к мадемуазель Лоет. Дама поправила короткими пальчиками выбившийся из прически локон, перевела взгляд на графа и склонила голову, приветствуя его.

– Ваше сиятельство, безмерно рада вновь видеть вас в стенах нашего пансиона. У меня имеется к вам важное дело, – директриса оказалась обладательницей приятного голоса. – Мадемуазель Лоет! – воскликнула женщина столь радостно, словно Тина была самым желанным гостем в этих стенах. – Как же приятно увидеть самую младшую представительницу столь знаменитой фамилии.

Женщина схватила опешившую Тину за руку и потянула за собой, не переставая щебетать о прелестях пансиона святой Кладетты, о девочках-воспитанницах, о сладких пирогах и прекрасном саде. В ее речи все это переплелось столь причудливо, что мадемуазель Лоят показалось, будто пансион – это лучшее место на свете, где добрые преподаватели будут вместо уроков кормить ее сладкими булочками, а девочки живут на деревьях в саду, отчего счастливы сверх всякой меры. От этого вихря добродушия, жизнерадостности, пудры и духов у Тины закружилась голова, и его сиятельство остановил директрису:

– Мадам Гертон, умерьте пыл.

– Ах, простите, ваше сиятельство, – потупила очи женщина, и румянец на ее щеках стал еще более выразительным. – Вы же знаете, мне хочется, чтобы воспитанницы чувствовали себя здесь как дома и знали, что их ждет заботливая и любящая семья. Многие девочки этого лишены, бедняжки.

Уголки ее пухлых губ опустились в искреннем огорчении. Но, должно быть, мадам Гертон не умела долго грустить, и вскоре на лице ее вновь сияла улыбка. Директриса опять вцепилась в ладонь Тины и возобновила щебетания:

– Идемте-идемте, мадемуазель, я должна сейчас же показать вам ваш класс и девушек, рядом с которыми вы проведете некоторое время. Уверена, они вам понравятся! Такие милые, такие вежливые, такие умницы, такие очаровательные!

– Мадам Гертон, мадам Гертон! – воскликнул граф Мовильяр. – Предлагаю препоручить мою внучку одной из ваших помощниц. Думаю, они не хуже вас справятся с представлением Адамантины ее будущим подругам, а мы с вами уединимся, и вы мне поведаете о ваших нуждах.

– Ах, – вновь огорчилась директриса, желавшая лично познакомить Тину с другими воспитанницами, но, услышав слово «уединимся», отчего-то вновь зарумянилась и стрельнула в его сиятельство быстрым и игривым взглядом. После этого подозвала девушку немногим старше Тины и поручила мадемуазель ее заботам. – Вам обязательно у нас понравится, Адамантина, – напутствовала она внучку попечителя и повернулась к нему. – Прошу за мной, ваше сиятельство.

Граф Мовильяр усмехнулся и подошел к Тине.

– Вскоре мы снова увидимся, дитя мое, – сказал он неожиданно ласково. – Признаться, я буду скучать без вас.

Затем наклонился и поцеловал девушку в лоб, крепко сжав ей плечи; все-таки до дряхлости его сиятельству было еще далеко, несмотря на возраст. И, пока его внучка изумленно хлопала ресницами, опешив от слов своего деда, он уже подал руку мадам Гертон и направился в сторону ее кабинета, негромко спросив:

– Что случилось, Клодия?

– А то вы не знаете, Лорель, вы не ответили на мое послание, – приглушенно и немного капризно ответила она.

– Дорогая моя, дорога до Кайтена и обратно занимает почти месяц...

Они скрылись за дверью, и продолжение разговора Тина уже не услышала. Девушка обернулась к помощнице директрисы, и та указала рукой в сторону лестницы:

– Прошу вас, мадемуазель Лоят, – произнесла незнакомка. – Я немного расскажу вам о порядках в нашем пансионе, но для начала познакомимся. Мадам Фанитта Бержар, но вы можете называть меня просто Фаня. Так вышло, что я стала выпускницей пансиона в прошлом году. Мой муж преподает здесь географию, и я тоже решила вернуться в родные стены.

Тина даже приоткрыла рот от изумления. Учитель географии? Ей живо представился ее преподаватель – маленький тщедушный человечек с большой плешивой головой, и девушка невольно скривилась. Вот уж незавидная участь, и скажите после этого, что девицам непременно нужно выходить замуж. Словно прочтя ее мысли, Фаня рассмеялась.

– Он чудесный и преподает интересно, – сказала она и вновь стала строгой. – Но вернемся к порядкам в пансионе святой Кладетты. Подъем в восемь утра. Девочки умываются, приводят себя в порядок и спускаются в столовую, где их ждет завтрак. После возвращаются в свои комнаты, готовятся к занятиям и расходятся по классам. В полдень – обед и небольшая прогулка в саду, а затем возвращение к учебе. После окончания занятий – чай с выпечкой. Затем девочки идут готовить домашние задания. В восемь вечера ужин. Спать воспитанницы ложатся в десять вечера. Те, кто приготовил задания, могут выйти в сад и подышать свежим воздухом. После ужина и до отбоя можно читать (у нас хорошая библиотека), поболтать, поиграть, но это для младших курсов, хотя и выпускницы с удовольствием играют в мяч и волан. Наши коридоры это позволяют, – Фаня улыбнулась. – У нас почти не бывает ссор, а если случаются, мы дружно разбираемся, кто и в чем виноват. Должно быть, мадам Гертон сказала вам, что у нас семья, и это действительно так. Покойная графиня Мовильяр была чрезвычайно доброй женщиной, она очень огорчалась, если в пансионе случалась ругань. Она и ввела этот обычай дружно разбираться в ссорах воспитанниц. Граф Мовильяр поддерживает традиции, заведенные его покойной супругой, он весьма лоялен к нам и никогда не отказывает в помощи, если на то появляется нужда. Весьма достойный господин.

Тина, рассеянно кивавшая на пояснения мадам Бержар, обернулась и в задумчивости посмотрела назад. Девушка мало разбиралась в отношениях мужчины и женщины, но кое-что о них знала. Хвала Всевышнему, на улицах секретов нет. Да и игривый огонек в глазах директрисы был ей знаком – так порой маменька смотрела на папеньку. И хоть они уже далеко ушли от директорского кабинета, но провожатая поняла ее взгляд и произнесла невзначай:

– Его сиятельство еще весьма привлекательный мужчина, и его любовь к пухленьким женщинам давно известна. Но мы не можем обсуждать его сиятельство и совать нос в личную жизнь нашей любимой Клоди, – предостерегающе заявила Фаня, чем еще больше разожгла огонь любопытства в мадемуазель Лоет. Дед все сильнее потрясал ее.

– Так его сиятельство и директриса... э-э-э? – с намеком протянула девушка.

Лицо Фани стало непроницаемым, она возвела глаза к потолку и коротко кивнула, показав четыре пальца. Тина подумала и прошептала:

– Четыре года? – и вновь короткий кивок, а после предостерегающее:

– Но мы никто и ничего не знаем.

– Гарпун мне в печень, – выдохнула мадемуазель Лоет и присвистнула.

Мадам Бержар скосила глаза на новую воспитанницу, насмешливо хмыкнув, а Тина тут же поправилась:

– Я хотела сказать, невероятно.

Фаня важно кивнула и продолжила просвещать Тину:

– У нас уделяется много времени светским манерам и этикету. Многие девочки устраиваются после окончания пансиона в дома высокопоставленных и титулованных особ, потому знание правил хорошего тона нам необходимо. Помимо того, в пансионе преподают математику до третьего курса: сложение, вычитание, умножение и деление. Родной язык и чистописание идут до последнего курса, воспитанницы совершенствуют почерк и грамотность. Литература и история королевства – обязательные предметы. Иностранные языки – по выбору. Географию государства и ближайших соседей изучают подробно, остальные страны – в общих чертах, но господин Бержар никому не отказывает в дополнительных знаниях, если у них имеется интерес. К тому же он преподает астрономию, но девочки считают ее скучной, потому наука о звездах – предмет не обязательный, по желанию. Признаться, его вообще желают изучать редко и мало, чаще дальше названий созвездий не идут. Мой супруг этим огорчен, но... – Тина кивнула, уже зная, что она проявит учебное рвение в этом предмете. – Танцы, рукоделие – предметы обязательные. – В этом месте мадемуазель Лоет незаметно скривилась. Морские узлы она умела вязать, а вот прокладывать стежки ее раздражало до невозможности. – Учатся девочки

шесть дней, на седьмой отдыхают. Если недалеко от нас случаются ярмарки и празднества, воспитанниц туда непременно везут. Да, одежда у всех воспитанниц одинаковая, скромная, но добротная. Ну, вот мы и пришли. Это спальня вашего курса, мадемуазель Лоет.

Тина сунула нос в открытую дверь. Помещение было небольшим, здесь стояло пятнадцать кроватей, одну из которых как раз застлали свежим бельем, и девушка поняла, что это для нее. Кивнув, Тина повернулась к Фане. Та указала рукой вперед, предлагая продолжить путь.

– У нас шесть умывален, по одной на два курса. Одновременно умываться могут по пять человек, обычно успевают все. Напротив гардеробные, у каждого курса своя. Там хранятся теплые вещи, головные уборы и обувь, также платья на смену и пара платьев от попечителей, отличные от ученической одежды. Скромно, но... разнообразно, – вновь хмыкнула Фаня. – Сейчас ваш курс на занятиях. Идемте, я познакомлю вас с подругами.

– Я пока ни с кем не подружилась, – осторожно заметила Тина.

– Это неважно, мы все здесь подруги, – улыбнулась мадам Бержар.

Мадемуазель Лоет неопределенно хмыкнула. Последний раз у нее были подруги лет в десять, но вскоре девочки начали задаваться, подражая своим маменькам и их подругам, и Тина стала скучать среди маленьких кумушек. Они больше не бегали за ней смотреть на то, как дворник Аритис бьет своей метлой по спине уличных мальчишек, забежавших в городской парк, а потом, смешно бранясь, выметает их за ворота. Не хотели искать выдуманные Тиной сокровища, а еще чуть позже начали презрительно выпячивать губки, говоря: «Эта странная Лоет». Зато остался Сверчок, живший тем же, чем и его подруга. Забыв о кривляках, девочка теперь дружила только с Эмилом, а он предпочитал ее общество дружбе с мальчиками. Сначала ему нравилось, что с ним играет девочка, которая была старше него, потом он проникся ее идеями, начал придумывать свои, чтобы подруга не скучала, и более крепкой дружбы в Кайтене с той поры не видывали. Наверное, поэтому господин Лоет не мешал дочери общаться со Сверчком.

– Важно не то, кто твой друг, а какой он, – говаривал папенька. – Если ты готов за него в огонь и в воду, и он отвечает тебе тем же, это и есть истинная дружба, дарованная Всевышним.

Теперь же Тине предстояло вновь учиться дружить с девочками, и она очень надеялась, что воспитанницы из пансиона окажутся отличными от тех девиц, что жили в Кайтене.

– Простите, что прерываем ваше занятие, мадам Тьерри, – Фаня смотрела на строгую сухопарую даму с пучком пегих волос на макушке. – Я хотела бы познакомить воспитанниц с их новой подругой. – Она подтолкнула вперед Тину. – Девушки, позвольте представить вам мадемуазель Адамантину Лоет.

– Доброго дня, мадемуазель Лоет, – первой откликнулась строгая дама. – Девушки, – она взмахнула рукой, словно дирижер, и стройный хор голосов произнес:

– Привет тебе, Адамантина.

– Здравсти, – растерялась Тина, рассматривая четырнадцать девушек своего возраста в одинаковых светло-серых платьях с белыми воротничками и манжетами.

– Не будем вам мешать, – улыбнулась Фаня, оттащивая мадемуазель Лоет за двери. – Ближе вы познакомитесь после занятий. А мы продолжим наше маленькое путешествие по пансиону.

Тина послушно последовала за мадам Бержар. Она еще не определилась со своими впечатлениями, но ничего угнетающего для себя пока не нашла. В голове засело слово «месяц», и этого было достаточно, чтобы смириться с жизнью по уставу пансиона. Почему бы и не попробовать для разнообразия? Маменька всегда говорила, что испытания меняют людей, даже закосневших в своих привычках. К тому же хорошая Тина в пансионе, замечательная Тина в поместье деда, а после – Тина едет домой! А там – родной Кайтен, Сверчок и маменька

с папенькой, которые непременно без нее к тому моменту заскучают и дадут ребенку свободу. Да, именно так. Хорошая Тина – замечательная Тина – свободная Тина.

На личике юного создания расцвела улыбка, и девушка поспешила за Фаней, увлеченно рассказывавшей ей истории из жизни пансиона. Мадемуазель слушала ее вполуха, с любопытством оглядываясь по сторонам.

– Здесь вы получите вашу форму, – сказала Фаня, останавливаясь перед коричневой дверью.

Вздыхнув, Тина зашла в огромную гардеробную, где царствовала пожилая дама с добрыми глазами и огромной родинкой на шее. Единожды заметив ее, мадемуазель Лоет уже не могла отвести взгляда от этой родинки, в уме сравнивая ее то с черносливом, который привозили в Кайтен на одном из торговых кораблей, то с чернильной кляксой, за которую Тине влетело от одного из ее учителей.

– Следуйте за мной, душенька, – пропела старушка и бодро посеменила вглубь своего вещевого королевства.

– Не смотри на ее родинку, – зашептала Фаня, вдруг переходя на «ты». – Ничего не скажет, но непременно даст что-нибудь дурное. Она неплохая, но обидчивая. Правда, отомстит и успокоится.

– Угу, – понятиливо промычала Тина, спеша за зловредной старушкой с добрыми глазами.

Вскоре девушка и ее провожатая уже вновь поднимались наверх, где Тине предстояло переодеться. Фаня с удовольствием продолжала ее посвящать в маленькие тайны пансиона святой Кладетты. Мадам Бержар была словоохотливой, что давало возможность узнать о месте временного пребывания побольше, однако не любившая долгой болтовни Тина начала уставать от своей спутницы. Мадемуазель Лоет могла выносить лишь трескотню Сверчка, но он ей друг, а Фаня – всего лишь новая знакомая. И все же девушка изо всех сил держалась, продолжая мило улыбаться и мысленно желать болтушке Фане несколько неприличных действий с дьяволом. Хорошая Тина – замечательная Тина – свободная Тина.

Отстала от нее Фаня, только когда занятия уже подходили к концу. Мадемуазель Лоет была оставлена в саду с наставлением идти в столовую, как только прозвенит звонок. Тина согласно кивнула и от всей души поблагодарила Всевышнего за освобождение. Она упала на аккуратную скамейку и прикрыла глаза, мечтая, чтобы ее сокурсницы оказались менее общительными.

Пока юное создание предавалось отдыху и мечтам о непременно счастливом будущем, покой ее был нарушен бранью. Кто-то поминал многострадального дьявола, прикладывая его от всей души. Опешив от столь невероятной речи в стенах пансиона благовоспитанных девиц, Тина не смогла удержаться от любопытства и не проверить, кто же так красиво складывает до боли знакомые слова.

Девушка устремилась вглубь ухоженного сада, откуда доносились глухие стуки, ругательства и недовольное кряканье. Добравшись до источника звуков, Тина прижалась к стволу дерева и осторожно выглянула из-за него.

– Чтоб тебя черти драли! – взвизгнула она, когда мимо нее пролетел нож.

– Кто здесь? – опешил юноша лет шестнадцати-семнадцати.

– Смерть твоя, упырь, – мрачно возвестила Тина, подтянула рукава форменного платья и вышла из-за дерева, готовая надавать по шее душегубу.

– А-а-а, – растерянно протянул тот. – Сейчас же все на занятиях.

– Смерть не умеет ждать, – криво ухмыльнулась мадемуазель Лоет, подходя к юноше. – Ты кто?

– Сын садовника, – ответил парень, делая шаг назад. – Помогаю отцу, пока воспитанницы учатся, потом ухожу. Мне не велено показываться им на глаза.

Тина опустила рукава на место и подошла еще ближе, рассматривая парня. Он был рыжим и конопатым, и во взгляде сына садовника имелась скрытая хитринка, это понравилось девушке, потому что живо напомнило ей Сверчка.

– Как звать? – грозно спросила она.

– Гиль, мадемуазель, – склонил голову юноша.

Задумчиво угукнув, мадемуазель Лует посмотрела на зажатые в левом кулаке два небольших ножа, близнецы того, что чуть не приголубил ее саму, и хмыкнула.

– Не можешь попасть в дерево? – спросила она.

– Не могу, – признался Гиль. – Чертовы железяки летят мимо.

Тина деловито протянула руку.

– Дай-ка я попробую, – сказала она, глядя в васильковые лукавые глаза нового знакомого.

– Порежетесь, мадемуазель! – воскликнул он, пряча руку с ножами за спину.

– А в зубы?! – вновь стала суровой девушка, копируя интонацию дядюшки Самеля.

Парнишка склонил голову к плечу, насмешливо глядя на самоуверенную девицу, доставшую ему до плеча. Тина, как и ее папенька, не любила долгих уговоров, предпочитая решительные действия, потому ее кулак впечатался в челюсть упрямцу в следующее же мгновение.

– Зараза! – взвыл Гиль, ошалело глядя на благовоспитанную девицу.

– Еще хуже, – хмыкнула Тина, подбирая выпавшие ножи. – Смотри, сынок.

Первый же нож воткнулся в тонкий ствол, следом вжикнул второй, вставая аккуратно под первым. Парень, забыв о нанесенной ему обиде, подскочил на ноги и уставился на девушку, жарко воскликнув:

– Научи!

Мадемуазель покровительственно усмехнулась, мастерски сплюнула себе под ноги и решила, что жить здесь определенно можно.

Глава 7

– Тина! Где Тина?

Девушки-воспитанницы старшего курса пансиона святой Кладетты переглянулись и пожали плечами.

– Тина, – снова позвала блондинка Лери.

Из-за деревьев выскользнула мадемуазель Лоет, воровато оглянулась и, поправив выбившуюся из короткого хвоста прядку, важно шагнула к своим однокурсницам.

– Сейчас уже в классы поведут, – зашептала Лери, округлив глаза. – Где тебя носит?

Тина хитро улыбнулась и показала краешек припрятанного в рукаве кошелька.

– Уже? – тут же ахнула длинная, как жердь, Розел.

– А что там долгого, – хмыкнула Тина. – Гиль – шустрый малый. После занятий разделим барыш.

Девушки дружно просияли, потеряли руки и разошлись в разные стороны. Лери осталась рядом с Тиной. Обе заговорщицы величаво уселись на скамейку, расправив на коленях платья, превращаясь в благовоспитанных девиц, коими их и видели воспитатели и учителя. Впрочем, они такими и были. Ничего ужасного старшекурсницы не делали, но с появлением у них Тины Лоет жизнь девушек стала гораздо занимательней. Сама же Тина переживала, как бы его сиятельство не прознал про то, что не она избавляется от уличного лексикона, а воспитанницы пополнили им свой словарный запас, впитывая, как губки, выражения графской внучки, не всегда следившей за своей речью. Хвала Всевышнему, им хватало ума изображать прежних очаровательных умниц, не употребляя новые словечки в присутствии воспитателей.

Девушки с интересом слушали рассказы Тины о ее жизни в Кайтене. Несмотря на их благоустроенную жизнь, воспитанницы ужасно скучали в стенах пансиона. Пресность их отлаженной жизни на время обучения утомляла, и истории непоседливой мадемуазель Лоет чрезвычайно скрашивали вечера старшекурсниц. А уж те слова, которые в запале слетали с языка юного очаровательного создания, и вовсе приводили девушек в восторг. Впрочем, время от времени им приходилось уточнять, что означает тот или иной оборот. Тина досадливо кривилась, но любопытство подруг удовлетворяла.

А однажды мадемуазель Лоет сунула свой любопытный носик в сундучок одной из девушек.

– Чтоб я сдохла! – с восторгом произнесла Тина. – Какая прелесть!

Это были тончайшие кружева, которые плела ее сокурсница, и их было столько, что к восторгу мадемуазель Лоет прибавился и священный ужас, когда она представила, сколько часов юной жизни ушло на создание этого воздушного чуда, ахнула и закрыла сундучок, но тут же снова открыла и с новым интересом оценила его содержимое.

– Куда столько? – спросила Тина деловито.

– Приданое, – смущенно ответила девушка.

– Мужа к постели привязывать? – не без иронии уточнила мадемуазель Лоет.

Но прежде чем ее сокурсница успела обидеться, взяла ее за локоток и проникновенно спросила:

– Денег хочешь?

– Хочу, – кивнуло второе юное создание.

– Мы можем продать все это, – торжественно сообщила Тина. – Я возьму свой процент за посредничество, но основная сумма твоя.

– П... продадим? – округлила глаза девушка.

– Еще как продадим, – уверенно кивнула предприимчивая девица. – В модную лавку. И я даже знаю, кто сможет нам в этом помочь.

– А если узнают? – ужаснулась мастерица.

– Не сс-с-с... сожалеи и не бойся, я все устрою и возьму на себя, – заверила ее мадемуазель Лоет. – По рукам?

– Да-а-а, – проблеяла воспитанница пансиона святой Кладетты и вцепилась мертвой хваткой в ладонь Тины.

Случайно услышавшая этот разговор Лери схватила подругу за руку и утащила к своему сундучку, демонстрируя сплетенные за года пребывания в пансионе запасы кружев. Она умоляюще посмотрела на Тину и удостоилась покровительственной улыбки. После этого дочери судовладельца и внучке банкира оставалось отладить связь с внешним миром. Тут и пригодился Гиль, взиравший на Тину с нескрываемым уважением и даже восхищением.

Обрисовав все выгоды посредничества между мастерицами и модной лавкой, она снабдила парня необходимыми сведениями о ценах, научила, как лучше подойти к делу, благословила и отправила его в добрый путь с первой партией кружев. Гиль, вдохновленный новой подругой, отпросился у отца и отправился в город исполнять поручение, горя не столько жаждой наживы, сколько желанием угодить необычной мадемуазель.

В первой же лавке парня вытолкали взащей, решив, что он украл кружево. Но во второй хозяйка оказалась не столь щепетильна. Она оценила как красоту товара, так и разницу в цене: известные мастерицы требовали денег в несколько раз больше. Потому Гиль вскоре выходил из лавки, сжимая в руке заветный кошель. Обмануть Тину он даже и не подумал. И виной тому было не ее предупреждение:

– Обманешь – брюхо вспорю, требуху выну и тебе в глотку затолкаю. Ты меня знаешь.

– Не обману, – улыбнулся юноша, зачарованно глядя, как благородная девица уперла руки в бока и сплонула для весомости. – Тебя не обману.

– Смотри мне, – погрозила кулаком Тина и ушла к девушкам, отвлекавшим воспитательницу, а Гиль с глуповатой улыбкой первой влюбленности смотрел ей вслед, думая, что красивой девушки нет во всем свете.

А когда отдавал кошель, мадемуазель Лоет пересчитала деньги, честно выдала процент за посредничество, задумчиво посмотрела на парня, вновь не сводившего с нее преданного взгляда, и, буркнув:

– Черт с тобой, – поцеловала его в щеку, отчего у бедного Гиля чуть земля не ушла из-под ног, и мечтательная улыбка не сходила в этот день с его лица даже во сне.

Парню даже в голову не пришло, что корыстная девица, уже сообразившая, отчего юноша пожирает ее взглядом, просто использовала поцелуй, чтобы окончательно привязать к себе влюбленного в нее Гиля. Теперь он и вовсе готов был исполнить любой ее каприз, если наградой будет еще один поцелуй. Впрочем, такой наградой Тина не злоупотребляла, считая ее чрезмерной. К тому же она ненавидела все эти слащавости, потому бедному парню приходилось обходиться ее скупой похвалой и обещанием новой встречи. Но и это было ему в радость, ведь видеть предмет своего обожания чаще всего он мог лишь издали, не имея возможности подойти.

Получив первые деньги, девушки преисполнились энтузиазмом и теперь зачастую вместо домашнего задания сидели над новыми кружевами. Остальные Тинины сокурсницы, прознав, что можно получить деньги за свои труды, насели на мадемуазель Лоет, и вскоре Гиль налазил контакты со всеми портными и модными лавками их маленького городка. Паренька уже узнавали на улице, приветливо махали ему рукой, а кое-кто из хозяек лавок решил, что такой жених вполне подойдет для ее дочери. Только пусть еще подрастет, и дельце можно будет считать обстряпанным. Так что юношу начали привечать еще и вкусными обедами и пирожными, иногда балуя бокалом доброго вина.

За три недели пребывания в пансионе святой Кладетты две прошли в торговых и посреднических сделках, и у мадемуазель Лоет скопилась небольшая, но все-таки сумма, которую она

не собиралась тратить на ерунду, решив ее приплюсовать к тому, что у нее имелось в Кайтене. Ее сокурсницы были более чем довольны своей прибылью, нисколько не жалея о том, что часть суммы уходит Тине и Гилю, ведь раньше у них не было и этого. К тому же скопленные деньги можно было прибавить к тому, что им выдадут в следующем году при выпуске из пансиона, и выходило весьма недурственно, особенно для бедных пансионеров.

Но не стоит думать, что мадемуазель Лоет интересовалась только кружевами или недолгими встречами с Гилем, когда она учила его обращаться с ножом и драться, сбегая на прогулках в саду. Тина честно занималась, постигая науки, которые преподавали в пансионе. Что-то давалось ей лучше, что-то хуже.

Например, с рукоделием девица как не дружила раньше, так и сейчас враждовала. Зато географию знала отлично, и господин Бержар не мог ей нарадоваться. И на астрономии она просиживала больше положенного времени, иногда забывая про чай и булочки. Тину интересовали карты, звезды, как ориентироваться, как проложить курс. Ее учитель был несколько удивлен, но охотно отвечал девушке, порой и сам увлекался настолько, что они с Тиной успевали избороздить морские просторы вдоль и поперек. Бывало, что уже Фаня приходила за мужем и обнаруживала преподавателя и ученицу, стоявших на коленях на огромной карте, расстеленной на полу, и они, оживленно споря и вооружившись циркулем, линейкой, компасом и грифелем, совершали очередное путешествие.

– Когда вы покинете нас, Тина, мне будет вас не хватать, – как-то признался господин Бержар, сев на Тригар и скрестив ноги. – Вы презабавнейшая девушка, и, скажу откровенно, лучшей ученицы у меня еще не было. Жаль, что мы не можем с вами позаниматься ночью, я бы принес свой телескоп, но правила пансиона это строго запрещают. К тому же ваш дед не одобрит, – прервал он оживившуюся Тину и закончил с веселой усмешкой: – Да и моя жена не поймет.

Девушка вздохнула и признала его правоту. Кстати, господин Бержар оказался молодым мужчиной, может, и не красавцем, но интересным собеседником и талантливым учителем, потому мадемуазель Лоет больше не удивлялась выбору Фани. Неплохо давались Тине и правописание с историей. Литературу девушка любила выборочно. К стихам у нее развилась стойкая антипатия, а благодаря учителю литературы, нанятому папенькой, развилась и привычка клевать носом, как только начинали звучать рифмы. В любом случае, мадам Тьерри читала их так же заунывно, потому толчки в бок от Лери, чтобы разбудить подругу, были закономерны.

Что касается языков, то лучше всего Тина знала балорский, общепринятый язык для общения между ближайшими соседями и в некоторых удаленных государствах. Его мадемуазель переняла еще от папеньки в детстве. Потому выбрала именно его, что стало возможностью и тут не ударить в грязь лицом. Так что особых нареканий к внучке попечителя не было.

Единственное, Тина опасалась, что могут стать известны ее предпринимательская деятельность, подобие дружбы с Гилем, а также распространение нелитературных словесных оборотов среди сокурсниц. Мадемуазель Лоет мечтала, чтобы все это открылось не раньше, чем она окажется в Кайтене. Выслушивать гневные речи деда девушке вовсе не хотелось. А лучше бы он совсем ничего не узнал. Однако Тина не обольщалась, понимая, что однажды кто-то из ее сокурсниц козырнет витиеватой фразой или же похвастается прибылью, и тогда...

– Адамантина! – вот именно так и начнется речь его сиятельства.

Осознав, что ее зовут, Тина подняла взгляд на воспитательницу, с укором взирающую на нее. Сокурсницы девушки уже направлялись в пансион, только Лери выглядывала из-за плеча воспитательницы и махала подруге рукой. Мадемуазель Лоет подскочила со скамейки и поспешила на занятие по танцам. Стоит заметить, что танцы Тина любила, простые уличные танцы, которые отплясывали на празднествах на площадях. А вот из светских ей нравился лишь вальс, вошедший в моду совсем недавно. Но не нравилось танцевать его с учителем. Вот когда папенька заглядывал в танцевальный зал и составлял дочери пару, тогда Тина наслажда-

лась мелодией и летящими движениями, даже немного ревновала, когда папенька танцевал с маменькой, не сводя с нее горящего взгляда. На дочь он, естественно, смотрел иначе – с теплотой и нежностью, и Тина ловила себя на мысли, что ей хотелось бы, чтобы и на нее партнер смотрел так же, как родители друг на друга. Пожалуй, это была единственная романтическая мечта мадемуазель Лоет.

Но в пансионе девушки танцевали друг с другом, исполняя то мужскую, то женскую партии. Это казалось скучным, поэтому Тина любила больше слушать музыку или арии, которые пел сам господин Рабаль, у которого оказался красивый глубокий баритон. Несколько девушек даже были влюблены в него именно за его чудесный голос. Об этом Тине по секрету сообщила Лери, сама таявшая при звуках голоса их преподавателя музыки и танцев.

Однако стоило Тине войти в класс, как туда заглянула Фаня и вызвала мадемуазель Лоет, сообщив ей, что прибыл ее брат и просит свидания. Радостно и совсем не по этикету взвизгнув, Тина порывисто обняла мадам Бержар, тут же срываясь с места. Комнату, отведенную для встреч с родными, Тине показали еще в день ее прибытия в пансион, потому девушка даже не остановилась, чтобы ради приличий дождаться помощницу директрисы. Фаня хмыкнула вслед мадемуазель Лоет и свернула в сторону административных кабинетов, не желая мешать долгожданной встрече.

Это было событие! Самое настоящее. Ланс за все это время так и не смог вырваться к сестре, прислав ей пару раз небольшие послания с просьбами его извинить и не обижаться, потому что служба крепко держала господина Лоета-младшего при его патроне, не желавшем отпускать надолго сообразительного и трудолюбивого помощника. Тина огорчалась: по брату она скучала и хотела его увидеть, но не обижалась. Все-таки вскоре ее должны были забрать из этих стен, и тогда можно было упросить его сиятельство отвезти ее к Лансу.

И вот он здесь! Наконец-то!!! Счастливая Тина подбежала к дверям комнаты для встреч с родственниками, остановилась, выдохнула, поправила одежду и только после этого толкнула дверь и с достоинством вошла, чтобы через мгновение сорваться с места и кинуться к брату, рассматривавшему миниатюру на стене. На нем была модная шляпа, и весь он выглядел таким франтоватым и непривычным, но это же был Ланс! И Тина, подскочив к нему, положила руку ему на плечо, разворачивая брата к себе, чтобы повиснуть на шее, но сильные руки перехватили ее, и на лице визитера появилась знакомая ироничная ухмылка:

– Добрый день, дорогая кузина. Вижу, вы соскучились по мне так же, как и я по вам. Желаете исправить оплошность?

– Марк?! – ошеломленно воскликнула Тина и отлетела к диванчику, повинувшись толчку руки графа Мовильяра-младшего.

Девушка проехала спиной по его краю, вскрикнув от неожиданности и боли, ослепившей ее после столкновения с диваном, и упала на пол, потрясенно глядя, как кузен подходит к двери и закрывает ее на ключ, который, должно быть, торчал с обратной стороны и был прихвачен его сиятельством для такого случая. Марк запер дверь, обернулся к мадемуазель Лоет, и на его губах появилась неприятная ухмылка.

– Вот теперь поговорим, – сказал он, снимая шляпу и откидывая ее на столик. Следом полетели перчатки, и молодой человек взял трость, прислоненную к столу. – Дернешься – не посмотрю, что ты девица и родственница, – предупредил Марк, нацеливая на Тину трость.

– Я ж тебя урою, гнида, – произнесла она, поднимаясь с пола и потирая ушибленное место.

– Тронешь меня – пострадает твой братец, – предупредил мужчина. – Теперь к делу...

– Ланс! – испуганно воскликнула мадемуазель Лоет, и глаза ее запылали яростью.

– Тихо, – усмехнулся Марк, усаживаясь на стул и закидывая ногу на ногу. – С ним все в порядке, пока я цел и невредим.

– Мозгляк, – презрительно скривилась Тина, сплюнув на пол. – Дерьмо собачье.

– Ну-ну, дорогая кузина, придержите ваш грязный язычок, он вам еще понадобится, – скабрезно усмехнулся его сиятельство, и на лицо его вернулось знакомое ироничное выражение. – Итак, к делу, – повторил он, удовлетворенно хмыкнув, когда Тина уселась на диван, сверля кузена гневным взглядом. – Ты мне не нужна, плохая девочка. У тебя была возможность сбежать от старого зануды и отправиться со мной в небольшое путешествие. Теперь же я имею лишь одно желание – придушить тебя. Так что дед может не опасаться преследования мной твоей драгоценной персоны. Однако... – молодой человек выдержал эффектную паузу, – для тебя нашелся иной хозяин.

Тина вздернула брови, пытаясь понять, что хочет сказать ей мерзавец, продолжавший рассматривать ее с насмешкой и неприязнью. Но Марк не спешил давать пояснений: он постукивал кончиком трости по носку своей туфли и наблюдал за тем, как мрачнеет лицо его кузины.

– Продолжим, – наконец произнес Маркэль Мовильяр, поднимаясь со своего места. Он сделал шаг в направлении подобравшейся Тины и указал на нее тростью. – Тебя купила одна очень высокопоставленная особа.

– Что значит – купила? – спросила севшим голосом мадемуазель Лоет, все еще не до конца постигая происходящее.

– Я продал, он купил, – пожал плечами Марк. – И поверь, в виде банкнот ты оказалась гораздо приятней, чем... э-э... в натуральном. Можешь гордиться, за тебя заплатили двести тысяч санталов. Так что избежать его покоев тебе не удастся.

– Высоко оценили, – хрипло рассмеялась Тина, ощущая себя в кошмарном сне. Наяву такого просто не могло произойти, никак!

– Да, я тоже считаю, что ты не стоишь этих денег, однако отказываться я не стал. – Кивнул Марк. – Видишь ли, этот человек – мой добрый друг и покровитель. Он был взбешен тем, что я по твоей милости вынужден был пропустить все веселье, которое он подготовил специально для меня напоследок перед отъездом. Однако моего друга позабавило, что те мерзкие очки на моем лице нарисовала не кто-нибудь, а девчонка. – Его сиятельство на мгновение замолчал, пытаясь совладать с собой. Желваки на его скулах ожесточенно двигались, и Марку пришлось прикрыть глаза, чтобы успокоиться, а затем он отчеканил: – Мне не отказывают. Более того, ни одна женщина не смела поднимать на меня руку. К дьяволу! Что там женщины, мужчины предпочитают со мной не связываться, а тут какая-то... дикая дрянь...

Мадемуазель Лоет уже справилась с растерянностью и теперь следила за кузеном пристальным взглядом, решая, действительно ли пострадает Ланс, если она вновь украсит холеную рожу синяками, или мозгляк просто пугает, чтобы держать ее на расстоянии? Тина решила не рисковать. Теперь она думала, не может ли быть все это затеяно Марком лишь для того, чтобы вселить в кузину страх?

– Я скажу его сиятельству, – сказала она, не сводя испытующего взгляда с кузена.

– Дед не сможет противостоять моему покровителю, как и отец, – усмехнулся молодой человек. – Тебя заберут у них в любом случае, как бы они ни извернулись, чтобы спрятать тебя.

Тина поднялась на ноги и отошла в сторону.

– Ты врешь, – сказала она. – В нашем королевстве нет рабства. К тому же я внучка аристократа...

– В этом мой покровитель увидел особую прелесть, – усмехнулся Марк, шагнув девушке навстречу. – Кстати, у меня есть для тебя его первый подарок, и он тебе не понравится.

Мужчина сделал еще шаг в сторону кузины, и Тина сорвалась с места, устремляясь к дверям, чтобы позвать на помощь. Но Марк настиг ее раньше, закрывая ладонью рот. Зубы Тины тут же впились в его палец, и граф снова откинул девушку в сторону, рывком обнажая шпагу, прятанную в трости. Кончик ее уперся в грудь мадемуазель Лоет. Затем острое поднялось выше и ткнулось в шею.

– С каким бы удовольствием я проткнул тебя, – брезгливо скривив губы, произнес молодой человек. – Но не могу уничтожить то, за что получил деньги, как и портить чужое имущество... к сожалению. К моему огромному сожалению. Но я буду удовлетворен тем, что ожидает тебя. Надеюсь, ты будешь громко кричать, когда он сделает то, в чем ты посмела отказать мне. Руку!

Тина спрятала обе руки за спину и не менее брезгливо скривилась:

– Гарпун тебе в печень, гнида.

Шпага тут же надавила чуть сильнее, поранив кожу, но была откинута, и Мовильяр вдавил девушку своим телом в стену, к которой загнал ее. Несмотря на яростное сопротивление, он все-таки завладел рукой кузины и защелкнул на ней браслет.

– Снять ты его не сможешь, – издевательски усмехнулся Маркэль. – Будешь носить, пока тебя не заберут. – После этого подхватил шпагу и ножны-трость, вновь пряча свое оружие. – Желая страдать подольше, – произнес мужчина, подходя к двери и открывая ее. – А лучше просто сдохни, дикая тварь.

Тина не сдвинулась с места, рассматривая то, что теперь сковывало ее правую руку. «Имущество И. П.», – прочитала она гравировку. Друг и покровитель, с которым дед и дядя не справятся... Инсэль Пайетт. Дьявол его дери, герцог. Граф так и говорил, что покровительство младшего брата его величества стало причиной вседозволенности Маркэля Мовильяра.

– Вот дерьмо, – выругалась Тина и подняла взгляд, но кузен уже вышел.

Она попыталась снять браслет, однако у нее ничего не вышло. О замочек девушка сломала ноготь и пришла в крайнюю степень неистовства. Она уже хотела разразиться отборной бранью, но сумела сдержаться.

– Спокойно, – велела себе Тина. – Надо подумать. Выход всегда где-то рядом.

Натянув рукав, девушка поджала губы и поспешила прочь из здания пансиона, желая сейчас оказаться наедине с собой. Мадемуазель выбралась в сад и поспешила спрятаться за деревьями, пока ее не заметили. Скрывшись за ивой, опустившей свои ветви к самой земле, Тина села на траву, подтянула ноги к подбородку и затихла, решив для начала немного пожалеть себя.

– Эх, папенька, вот вы и потеряли свое сокровище, – тяжело вздохнула она. – Кто же так богатством-то разбрасывается? Заберет меня герцог, и не видать вам вашей дочери, а все хотели слепить из меня не пойми чего... Стоять! – рявкнула сама себе мадемуазель Лоет. – Папенька! Ну конечно, папенька! Если дед и дядя бессильны, то уж капитану Лоету сам дьявол не страшен!

Выход оказался так близко, что до него Тина смогла дотянуться рукой. Ей нужно было вернуться в Кайтен, а там папенька устроит герцогу и племянничку кровавую казнь, непременно устроит! Стало быть, бежать. И чем быстрее, тем лучше.

– Тина?

Девушка подпрыгнула от неожиданности, но это оказался всего лишь Гиль. Он приподнял ветки ивы и теперь смотрел на Тину.

– Можно я посижу с тобой? – спросил юноша.

Мадемуазель Лоет хотела уже рявкнуть на него, изгоняя из своего укрытия, но передумала и махнула рукой, позволяя присесть рядом. Гиль опустился на землю, сорвал травинку и теперь крутил ее в пальцах, поглядывая на девушку. Но мадемуазель Лоет было не до него. Ее мысли уже стремились по дороге к Кайтену. Путь до дома не страшил девушку, у нее были деньги, было время, пока ее... хозяин обнаружит, что птичка упорхнула. Они ведь не следят за пансионом? А если следят? А если захотят забрать прямо отсюда?!

Теперь и время побега было определено – сегодня ночью и ни часом позже. Только как выбраться из пансиона? Тина вспомнила, что ворота охраняют, но, может, получится ускользнуть? А если следят именно за воротами? Тогда нужно лезть через стену. А вот тут начинались

сложности. Стена была высокой и гладкой, и ни одного дерева рядом, чтобы перебраться по нему...

– Скоро тебя заберут, – заговорил Гиль, но Тина не слушала его, лишь рассеянно кивнув. – Если ты не против... если можно... я могу прийти ночью, и мы могли бы... ну-у, могли бы просто посидеть в саду, поговорить...

– Ночью, – машинально повторила мадемуазель Лует. – Сегодня ночью...

– Я могу прийти и сегодня, – обрадовался Гиль. – Меня даже никто не увидит.

– Никто не увидит ночью, – снова повторила Тина и очнулась. – Что ты можешь ночью?

– Могу прийти ночью, никто не узнает, что я был здесь, и твоя честь...

– К дьяволу честь, – отмахнулась Тина. – Как ты можешь пройти незаметно?

Парень удивленно посмотрел на мадемуазель и указал пальцем вправо:

– Там есть неприметная калитка. Она заперта, но открыть ее можно. Ею давно не пользовались, а раньше через нее проходили те, кто работает здесь...

– Покажи! – воскликнула девушка, вскакивая на ноги. – Я хочу увидеть, где она.

В глаза Гиля появилось подозрение, и Тина соорудила капризную гримаску.

– Тут, оказывается, есть такое любопытное местечко, а ты молчал, – сказала она. – Мы могли бы уже столько раз сбежать и погулять где-нибудь, а ты, Гиль... Как же так? – мадемуазель сокрушенно вздохнула.

– Ох, и правда, – досадливо поморщился юноша, сразу представив, сколько возможностей открывала старая калитка. – Идем.

Он взял Тину за руку, и девушка подбодрила Гиля, чуть пожав его ладонь. Парень зарделся, метнул в Тину быстрый взгляд и повел ее к заветной калитке. Она обнаружилась за хозяйственными постройками, заросшая высокой травой и прикрытая вьющимися ветками с маленькими цветами. Мадемуазель оценила большой замок и удивленно посмотрела на юношу.

– Но там же закрыто, – заметила она.

– Смотри, – хитро улыбнулся Гиль, подходя ближе.

Дужка замка свободно поднялась, открывая выход на свободу. Тина просияла: это было то, что нужно. Ей вдруг стало немного стыдно за то, что она использовала наивного влюбленного юношу, и за то, что обманет его снова, но... Либо совесть, либо честь. Тина выбрала честь. Она сама взяла Гиля за руку и потянула под укрытие сада. Там остановилась, положила ладони на плечи парня и, привстав на цыпочки, прошептала:

– Не хочу сидеть в пансионе. Лучше погуляем за его стенами, завтра ночью.

Зажмурилась и чмокнула юношу в губы. После чего развернулась и стремглав бросилась назад к пансиону, пока он не опомнился. Впрочем, опасалась зря. Бедняга Гиль так и не сдвинулся с места. Он стоял, глядя девушке вслед и трогая свои губы.

– Гарпун мне в печень, – сдавленно прошептал паренек, еще не зная, что завтра ночью гулять будет не с кем.

Глава 8

Ночь уже ступила мягкой бесшумной лапой на землю, нашептывая сладкие сны людям, уставшим от прошедшего дня. Воспитанницы пансиона святой Кладетты мирно посапывали в своих постелях. Только одна не позволяла дремоте завладеть собой: она лежала, распахнув глаза, и глядела в потолок, подсвеченный лунным светом, лившимся в спальню через окно. Чутко прислушиваясь ко всем звукам, девушка выжидала момент, когда сможет приступить к выполнению своего замысла.

Наконец затих последний шорох, и Тина Лоет, откинув одеяло, одним плавным движением поднялась с кровати. Оглядевшись, она направилась к дверям, стараясь ступать беззвучно, чтобы никто из ее новых подруг не смог увидеть бегства графской внучки. Тина уже почти добралась до двери, когда скрипнула половица, и Лери подняла голову, сонно щурясь.

– Ты куда? – хрипло спросила девушка.

– В уборную, спи, – прошептала мадемуазель Лоет.

Лери кивнула и уронила голову на подушку, тут же вновь уплывая в негу. Дождавшись, когда подруга уснет покрепче, Тина открыла дверь и выскользнула в коридор. Здесь она, вновь остановившись, прислушалась. Но пансион спал, и дежурный воспитатель тоже. В этих стенах никогда и ничего не происходило, потому его обитатели не ждали никаких потрясений, побегов и несчастий. Это вполне устраивало мадемуазель Лоет.

Она добралась до гардеробной, зажгла прихваченную из спальни свечу и направилась к отведенному ей небольшому шкафу. Тина выудила свой дорожный саквояж, прибывший с девушкой еще из Кайтена, открыла его и вытащила фальшивое дно, под которым хранились одежда Сверчка и заплечный мешок. Да, она все это прихватила с собой, собираясь сбежать от деда, если жить с ним будет невыносимо. Но до вчерашнего дня даже не думала воплощать свой план в жизнь, решив быть послушной и порадовать родителей, чтобы скорей вернуться домой, честно глядя им в глаза. Однако дерзкая дама вновь нанесла удар, и время заветного тайника пришло.

Быстро переодевшись, Тина посмотрела на свои ноги, понимая, что босиком далеко не уйдет, а туфельки воспитанницы как-то совсем не сочетаются с мальчишеской одеждой. Девушка нахмурилась, раздумывая, что делать с обувью, но вскоре просияла, вспомнив, что в шкафчиках воспитанниц имеются сапожки на осень и на зиму. Мадемуазель Лоет тут же подошла к шкафчику Лери, чей размер ноги был таким же, что и у Тины. Оценив вид осенней обуви, Тина осталась удовлетворена, решив, что на первое время сойдет, а в дороге она раздобудет легкие башмаки.

Девушка убрала сапоги в заплечный мешок, положила в него платок, в который завязала деньги, вырученные за посредничество, после добыла из недр шкафа сухари и бутылъ с водой, приготовленные еще днем, благо повара оставляли для воспитанниц подсушенный хлеб на случай, если те проголодаются. Затем в мешок последовал кусок сыра. Его Тина выпросила у господина Торна. Старший повар не стал исключением, пав под чарами коварной девицы, подружившейся с ним еще в первые дни пребывания в пансионе. Господин Торн тайно давал девушке сладости, которые они с сокурсницами уничтожали, когда оставались одни. Так что выпросить кусок сыра было несложно.

Последним, что осталось сделать, было снять поганный браслет. Добыв из тайника в саквояже самое ценное – нож, который ей подарил Самель, девушка подошла к окну, поставила на подоконник свечу и еще раз осмотрела отвратительное украшение. Открывался он миниатюрным ключиком, скважина для него была такой маленькой, что мадемуазель Лоет забила, что острие не влезет в нее.

– Шпилька, – прошептала девушка и кинулась обратно к шкафу Лери, где та держала маленькую шкатулку с заколками и шпильками.

Выбрав подходящую, Тина вернулась к окну, поджала губы и вставила кончик шпильки в скважину для ключа. Не паникуя и не спеша, девушка попробовала открыть браслет, вспоминая науку одного уличного воришки, однажды решившего рассказать ей и Сверчку о своем способе заработка. Дело было так. Они с Эмилом играли ножичком, когда услышали крики. Оказалось, что за тщедушным мужчиной гонятся трое здоровых мужиков. Сверчок коротко свистнул, привлекая внимание убежавшего. Тина сдвинула доску в заборе, за которым сидели приятели, и воришка юркнул в лаз. Друзья помогли ему уйти от погони и вывели на окраину, где показали заброшенный сарай – в нем вор отсиживался, пока заживала его рана, полученная от разгневанных преследователей. Тина и Сверчок приносили мужчине бинты, лекарства и еду. А в благодарность он открыл им несколько секретов своей профессии. Сейчас-то эта наука и пригодилась юной девице.

– Задаvisь, Марк, – ослабилась она, когда браслет, звякнув, упал на подоконник. – Чтобы ты сдох вместе со своим герцогом, сучий потрох.

Затем Тина подобрала унизительное украшение, завернула его в заготовленное послание для деда и убрала свою посылку в саквояж, зная, что его обязательно отдадут его сиятельству. Закончив подготовку, девушка закинула на спину заплечный мешок, задула свечу и открыла окно. Водосточная труба проходила недалеко от окна, и просто так до нее добраться было невозможно. Тина заведомо знала, что придется идти по карнизу, поэтому и убрала сапоги в мешок.

Страх не было: где только не лазила за свою короткую жизнь мадемуазель Лоет, в какие только щели они со Сверчком не совали носы. Поэтому Тина легко выбралась из окна и ступила на узкий карниз. Можно, конечно было попробовать выйти через дверь, но! Существовала опасность столкнуться с кем-нибудь из воспитателей. К тому же будка, где сидели ночные сторожа, находилась недалеко от выхода из пансиона, а входную дверь в здание на ночь запирали на ключ.

– Дерьмо, – коротко выругалась Тина, когда ее рука соскользнула с лепнины, украшавшей стену.

Сердце подпрыгнуло к горлу, но девушка сохранила равновесие и, выдохнув, продолжила свое осторожное движение к водосточной трубе. Вскоре пальцы ее нащупали рельеф чешуи на «теле дракона». Тина уцепилась за трубу, подтягивая к ней тело, и наконец полезла вниз.

– Уф, – вздохнула она, почувствовав под ногами влажную траву.

Девушка подняла голову, оценивая проделанную работу, хмыкнула и поспешила к калитке. В саду, скрытая деревьями и кустами, Тина обулась и уже не останавливалась, пока не оказалась за пределами пансиона. Здесь она немного растерялась, не зная, куда идти дальше.

– Там ворота, дорога и Пиррет, – прошептала она.

В городе можно было раздобыть башмаки и сесть в дорожный экипаж, чтобы убраться подальше. Тина знала, что ей придется пересаживаться несколько раз, чтобы добраться до Кайтена. По ее расчетам, денег должно было хватить; это несказанно радовало. Девушка поправила заплечный мешок, сунула за голенище сапожка нож и бодро пустилась в путь.

Однако спустя час, когда запал схлынул и ножки мадемуазель Лоет шли уже не так резво, Тина начала прислушиваться к ночной тишине. Постепенно ей становилось не по себе. Вроде и луна светила, вроде и дорога шла вдаль от леса, и человеческие поселения застыли черными тенями не близко, и ни души не было рядом, но мистический страх все более овладевал девушкой.

Не к месту она начала вспоминать жуткие истории, которые ей рассказывали нянюшка и Сверчок. Тина поежилась и оглянулась, боясь увидеть за спиной черного карлика с горящими

красными глазами, но дорога была все так же пустынна, и кроме беглянки никто не спешил по ней в столь неурочный час.

– Так и в штаны наложить можно, – нервно хохотнула Тина, нахмурилась, подбадривая себя, и поспешила дальше.

Где-то закричала ночная птица, мелькнула чья-то тень, заухала сова, из-под ноги выскокнул камешек, а в голове зазвучал приглушенный голос Сверчка:

– Ты знаешь легенду о Черном Страннике? Не знаешь?! Тогда слушай! – торжественно провозгласил Сверчок, сверкая глазищами. – Ходит по дорогам Черный Странник. Говорят, когда-то давно, так давно, что даже этого места уже не осталось, остановился странник на придорожном постоялом дворе. Странник этот вез деньги, чтобы выкупить брата из плена у своего врага. Выпив, странник рассказал хозяину постоялого двора свою историю, и ночью этот гад, который хозяин, со своими людьми убил странника и забрал деньги. Мертвеца вывезли в лес и бросили там. Всевышний очень разозлился, и, когда злодеи вернулись, все подворье ушло под землю, вместе с хозяином и его подручными. А через три дня Странник встал и вышел на дорогу. Брат-то его так и остался в плену. А говорят, Странник очень его любил и хотел спасти. Вот и ходит теперь по дорогам, ищет тот постоялый двор, чтобы вернуть деньги и спасти брата. Так-то он никого не трогает, но если встретит кого, то непременно подойдет, чтобы спросить, где найти пропавший постоялый двор. И как только его видят, так замертво все и падают, потому что страшный он. Черный весь, глаза огнем горят, черви по гнилому мясу ползают, и смрад такой стоит, что, если и не от страха помрешь, то задохнешься точно.

– Враки это все, – ответила тогда Тина.

– А вот и не враки! – оскорбился Сверчок. – Встретишь его как-нибудь ночью, тогда и посмотрим, какие враки.

Мадемуазель Лоет передернула плечами и крутанулась на месте, проверяя, нет ли рядом Черного Странника. Когда же его встречать, как не сейчас? Помянув недобрым словом своего друга, Тина ускорила шаг, стараясь больше не прислушиваться и не смотреть по сторонам. Она даже начала напевать любимую песню папеньки. Некоторое время песня очень даже помогала, но вскоре девушка стала вновь прислушиваться, распевая все тише, пока совсем не замолчала.

Неожиданно до нее донесся шорох, и сердечко Тины отчаянно забилось от нового витка ее страхов.

– Враки, все враки, – уговаривала она себя. – Никакого Черного Странника не существует. Сверчок все придумал, врун несчастный.

Снова послышался шорох. Тина гулко сглотнула, скосила глаза и увидела...

– Мама! – взвизгнула девушка и припустила со всех ног, подвывая от суеверного ужаса, охватившего ее от взгляда на... – Дьявол меня дерит! Это же моя тень! – истерично выкрикнула мадемуазель Лоет и расхохоталась.

Вот бы Сверчок поиздевался над ней, узнай он, что подруга испугалась собственной тени и пыталась от нее убежать! Отдышавшись и немного успокоившись, Тина вновь запела папенькину лихую песню. И думать она теперь старалась исключительно о папеньке и о маменьке. Вспоминала их проделки с Эмилом. Потом подумала о его сиятельстве, решая, как быстро он получит ее посылку и сможет защитить Ланса – за него Тина очень переживала. Потом ее мысли перебрались на мозгляка Марка и его покровителя. Гнев окончательно рассеял страх, и теперь мадемуазель Лоет шла, сердито чеканя шаг и представляя, как она вспарывает глотку кузена от уха до уха, как ее учил Самель.

Девушка так увлеклась своими мстительными фантазиями, что не заметила, как добралась до Пиррета. Небо как раз начало светлеть, и до рассвета осталось совсем немного. Только сейчас Тина поняла, насколько она устала и как сильно хочет спать. Однако позволить себе такой роскоши мадемуазель Лоет пока не могла, потому приблизилась к городу, миновала его

окраину и решила дожидаться, когда откроется сапожная лавка, чтобы купить башмаки. Еще очень хотелось горячего завтрака и скорей нырнуть в дорожный экипаж, чтобы там подремать.

Девушка побродила по городку, отыскивая торговый квартал, а когда увидела лавку, над входом в которую висел жестяной сапог, удовлетворенно вздохнула и уселась на землю, прислонившись спиной к стене лавки. Дремота накатывала все сильнее, но мадемуазель Лоет упорно сопротивлялась ей. Она развязала свой мешок, погрызла сухари, запила водой и снова откинулась назад, тихо запев еще одну песню, которую слышала от Самеля. Песня эта была совсем уж неприличной, и великан, обнаружив неожиданного слушателя, погрозил Тине пальцем, велел ей сейчас же забыть слова, но этого оказалось достаточно, чтобы песня запомнилась мадемуазель с одного раза. Чем яростней запрещают, тем больше хочется повторять.

Песня звучала все тише, голова девушки склонялась все ниже, и последние слова стали неразборчивым бормотанием. В этой схватке мадемуазель Лоет проиграла...

– А ну вставай! – сильные пальцы вцепились в ухо самого первого посетителя лавки, рывком поднимая его с земли. – Щенок беспризорный, а ну убирайся и не распугивай мне посетителей.

Испуганная Тина часто заморгала, пытаясь понять происходящее. Ухо горело, зад тоже, потому что сапожник отвесил ей пинка, откинув в сторону. Мадемуазель Лоет обиженно шмыгнула носом, утерла его тыльной стороной ладони, оставляя на лице пыль, в которой испачкалась рука, сползшая во сне с колен, и теперь, взлохмаченная, заспанная и неумытая, она очень напоминала миловидного паренька лет тринадцати-четырнадцати.

– Дяденька, так я же вас ждал, – пробубнила она. – Мне башмаки надо!

– Пошел вон, щенок, – рявкнул сапожник, снимая с двери лавки замок. – Ишь, чего удумал. Башмаки ему, а еще чего?

– Так я же за деньги! – возмутилась Тина. – Я же не попрошайничаю, я покупаю!

– Покупаешь? – сапожник почесал в затылке. – Покажи деньги.

– Ищи дурака, – пренебрежительно хмыкнула Тина. – Я тебе деньги, а ты меня взашей погонишь? Деньги есть, – весело закончила она.

Мужчина усмехнулся, глядя на нагловатого паренька.

– Недоверчивый?

– Жизнь научила, – важно ответила мадемуазель Лоет. – Мне дорогие башмаки не нужны. Мне чтоб легкие и удобные.

– Поучи отца мамку мять, – сапожник осклабился и протянул руку, лохматя еще больше волосы первого покупателя. – Заходи, парень. Глядишь, ты мне удачу еще принесешь. Как-никак с утра денежки пришли.

Войдя в лавку, Тина замерла в углу, ожидая, когда хозяин принесет ей башмаки. Мужчина взглянул на ногу паренька, почесал в затылке и проворчал:

– Легкие, удобные и недорого. Выбирает еще...

Вернулся он быстро, неся в руках товар. Тина вытащила из-за голенища сапога нож и пояснила нахмурившемуся сапожнику:

– Я один, а гадов много, надо чем-то защищаться.

– Кишка-то не тонка будет? – насмешливо спросил мужчина. – Пырнуть ножичком – это тебе не языком чесать.

– Когда дерьмо попрет, тогда за все схватишься, чтобы требуху сберечь, – философски ответила Тина, пожимая плечами.

– Тоже верно, – кивнул сапожник. – Когда припрет, зубами глотки рвать будешь. Правильно мыслишь, парень. – Он немного помолчал, глядя, как первый покупатель натягивает башмаки и притоптывает, пробуя их на ногах. – Зовут-то тебя как? Куда идешь?

– Эмил я, – ответила Тина. – У деда гостил, теперь домой возвращаюсь. Дед совсем дряхлый, проводить не может, так я один иду. А что? Я уже не сопляк, могу и в рыло дать, кто задирать будет.

– Языкастый – это точно, – сапожник рассмеялся. – Полсантала гони, коли берешь.

Мадемуазель Лоет развязала носовой платок, отсчитала полсантала и протянула сапожнику.

– Ладные башмаки, хозяин, – похвалила она.

– То-то, – важно ответил мужчина. – Носи и радуйся, Эмил.

Попрощавшись с сапожником, Тина отправилась в пригланувшуюся ей харчевню, решив позавтракать и поспрашивать, где останавливается дорожный экипаж. В харчевне ее встретили с подозрением, но сообразив, что паренек не собирается выпрашивать еду, жена харчевника приветливо ему улыбнулась. Она принесла первому посетителю кусок хлеба с ветчиной, горячий чай и уселась напротив, подперев щеку пухлым кулачком.

– Ты кто ж такой будешь? – спросила она, разглядывая пригожего «мальчишку».

– Эил Уел, – ответила Тина, набив рот.

За что тут же получила подзатыльник.

– Проглоти и ответь, нечего мне тут крошками плевать, – строго велела харчевница. – Никто не объяснял?

– Простите, – смутилась девушка. – Просто очень вкусно, не оторваться.

– Оголодал, бедняжка, – вздохнула женщина, вновь протянула руку и пригладила волосы пареньку. – Так как зовут?

– Эмил Мулер, – произнесла Тина и вновь нацелилась на кусок хлеба с ветчиной, но передумала откусывать, решив сначала спросить, пока женщина рядом: – А дорожный экипаж тут останавливается?

– Нет, он Пиррет стороной объезжает, – ответила харчевница. – Это тебе дальше надо, до Моргани, там сядешь. Только далековато идти, ближе к вечеру дойдешь.

– Ничего, ноги на то и даны, чтобы ими землю топтать, – легкомысленно отмахнулась Тина.

Женщина рассмеялась и подмигнула, одобряя ее слова. Расплатившись, девушка покинула харчевню, а затем и Пиррет, спеша скорей добраться до Моргани. Харчевница объяснила «пареньку», где свернуть с дороги, чтобы не сделать лишний крюк. Запомнив ее наставления, Тина вышла на широкий тракт.

С рассветом исчезли всякие страхи, и теперь девушка была не против идти, скрываясь за деревьями. Но еще какое-то время путь ее лежал по открытому пространству, и мадемуазель Лоет нервничала, опасаясь погони. Поэтому каждый попутный всадник или экипаж повергал Тину в трепет. И как только возле дороги появилась густая растительность, девушка тут же сошла с тракта, исчезая в пышной зелени.

К полудню она устала настолько, что вынуждена была сделать остановку и, как ни заставляла себя встать и идти дальше, так и осталась сидеть в густой тени. Глаза ее вновь закрылись, но Тина вырвалась из лап дремоты, посмотрела сквозь ветки кустарника на дорогу и не выдержала, решив просто немножечко полежать. Совсем капельку, маленькую-маленькую, только чтобы отдохнуть.

Рассудив, что близко к дороге, где едут люди, звери не подойдут, всадники сюда не сунутся, а пешие путники присядут передохнуть, скорей, на краю тракта, Тина легла, подложив под голову мешок, но вскоре опять села. Ей пригрезилось, что к ней подбирается кузен, держа в руках большой мешок, в каких возят муку в пекарню.

– Дьявол, – выругалась девушка, поднялась на ноги и побрела еще дальше, надеясь, что теперь ее точно никто не найдет.

Прохлада небольшого леска вернула ей немного бодрости, и мадемуазель Лоет, поверив, что короткого отдыха хватило, решила пройти еще немного. Теперь она двигалась, еще больше удалившись от дороги. Наконец ноги в новых башмаках возопили, требуя пощады. Тина сунула обувку в мешок, еще какое-то время брела босиком, а потом объявила:

– Приплыли, больше не могу.

Тяжело опустившись на землю, она осоловело моргнула, стянула со спины заплечный мешок, достала нож, положила его под мешок и крепко ухватила рукоять. После опустила голову вверх мешка, закрыла глаза и мгновенно уснула, больше не пытаясь бороться с собой. Сейчас сны не тревожили одинокую путницу, тень и шепот леса дарили отдохновение усталому телу и разуму.

Проснулась Тина, когда уже подступали сумерки. Открыв глаза, мадемуазель Лоет сладко потянулась и охнула, подскочив на месте. Осознание того, что она упустила время, привело девушку в ярость.

– Балда, – ругалась она вполголоса, натягивая башмаки. – Дьявол меня дерит через колено. Какого я тут валяюсь, как собака?!

Она вскочила на ноги и поспешила продолжить путь. Уже пройдя приличное расстояние, Тина спохватилась, что не огляделась. Где дорога? Там? Или там? Направо? Налево? Прямо?

– Гарпун мне в печень! – воскликнула она, чувствуя, как подступают слезы.

Девушка зло стерла кулаками предательскую влагу и решила идти до тех пор, пока не выйдет к людям. У них и спросит дорогу до Моргани. Через некоторое время она выбралась из леска, но теперь тракта не было видно вовсе. Она оказалась на другой дороге. Успокаивало то, что по ней все-таки ездили, потому что в пыли ясно угадывалась колея. Ее можно было разглядеть даже в подступающей темноте.

Тяжко вздохнув, Тина побрела по этой дороге, надеясь, что не сильно отклонилась от своего пути. Неожиданно девушка остановилась. Сначала она сама не поняла, в чем дело, просто вдруг внутреннее чутье велело замереть. Прислушавшись, мадемуазель Лоет различила звон металла и мужские голоса. Чертыхнувшись, она сжала рукоять своего ножа, теперь лежавшего в кармане.

Осторожно, стараясь ступать как можно тише, Тина направилась на звук драки. Нет, она не собиралась вмешиваться, но все же... Вскоре звуки стали громче, а еще через десяток шагов девушке пришлось нырнуть обратно в лесок. Она прижалась к стволу дерева и выглянула из-за него.

Рядом с каретой, чьи дверцы были распахнуты, неизвестный мужчина дрался один против троих нападавших. Рассмотреть его сейчас было сложно, как и его противников.

– Рени, проклятье! – выкрикнул мужчина. – Рени, я с тебя шкуру спущу, если выживу!

Его теснили к карете, загоняя в ловушку. Было видно, что мужчине приходится туго, но он все еще отбивал атаки, держа в руках шпагу и кинжал. Но вот один из нападавших сделал выпад, и его шпага вспорола рукав белой рубашки. Этого оказалось достаточно, чтобы терпение Тины лопнуло, и здравая мысль оставаться незамеченной испарилась, будто ее и не было.

Девушка скинула свой мешок на землю, вытащила нож из ножен и поспешила на помощь незнакомцу. В пылу драки ее не заметили, чем мадемуазель Лоет и воспользовалась. Она напала сзади. Ухватив одного из нападавших за плечо, Тина с силой крутанула его в свою сторону, выбила из рук шпагу и ослепила ударом локтя в нос.

– Хвала Всевышнему! – воскликнул незнакомец, заметив, что у него появился неожиданный помощник.

Теперь он сосредоточился на одном противнике, потому что второй развернулся в сторону Тины.

– Сопляк? – удивился разбойник.

– Сам ты сопляк, гнида, – презрительно сплюнула Тина, отступая назад.

Неожиданно из-за ее спины выскочил еще один мужчина с камнем в руках. Он подскочил к поверженному, но живому разбойнику и с силой приложил того камнем по голове, после чего снова убежал в лес.

– Рени, скотина! – тут же выкрикнул незнакомец, вонзая шпагу в третьего разбойника. – Я тебе уши отрежу, трус!

– Простите, хозяин, – донеслось из-за деревьев.

Противник Тины бросился на нее, но девушка увернулась. Что делать, она, признаться не знала. Нет, сойдишься они в рукопашной, и мадемуазель Лоет без жалости бы воспользовалась всеми своими знаниями, но в руках разбойника была шпага, а у нее – короткий нож. И было легче представить, как можно было бы воспользоваться им, чем пустить в ход на самом деле – убивать Тине еще не доводилось. На помощь ей пришел все тот же незнакомец, скрестивший шпагу с противником девушки. И как только разбойник повернулся спиной к лесу, оттуда выскочил Рени с толстой дубиной и обрушил ее на голову нападавшего.

– А сразу не мог так сделать? – ядовито спросил его хозяин, утирая пот тыльной стороной ладони.

Он тяжело и шумно дышал; было заметно, что кровь еще бурлит в жилах. Слуга повинно опустил голову и пробубнил:

– Так их было больше...

– Закрой рот, – посоветовал ему мужчина и повернулся к Тине. – Благодарю за помощь, парень, ты появился как нельзя кстати.

– Да чего уж там, – отмахнулась мадемуазель Лоет, с интересом рассматривая незнакомца.

Оказалось, что это молодой человек, скорей всего, ровесник одного из ее братьев. Он имел черные волосы, был высокого роста, но ниже, чем папенька и прочие мужчины рода Мовильяр. Черты его сейчас разглядеть было трудно, но сложение молодой человек имел статное. Он отошел в сторону и наклонился, поднимая с земли сброшенный сюртук. После надел его, поправил полы и тряхнул волосами. Затем вернулся к Тине и протянул ей руку. – Альян Литин, – представился он.

– Сверчок, – ответила девушка и удивилась тому, что у нее вырвалось не имя, а прозвище друга.

Рукопожатие Альяна Литина было крепким и уверенным. Затем он хлопнул Тину по плечу и указал широким жестом на экипаж:

– Забирайся, отвезу, куда скажешь. Ради спасителя я готов отклониться от своего пути. Куда идешь?

– В Моргани, – обрадовалась Тина.

Еще бы не обрадоваться! Ей опять предстояло идти всю ночь; малоприятное времяпрепровождение, стоит заметить. И пусть придется искать укромный уголок в Моргани, чтобы дожидаться утра, это все же лучше, чем идти одной по ночной дороге, опять воображая себе не пойми что.

– Тогда едем в Моргани, – бодро произнес господин Литин.

– Согласен, – широко улыбнулась мадемуазель Лоет и первой забралась в карету, слушая, как ее новый знакомый отчитывает своего слугу:

– Вернемся, я тебя взащей выгоню, ты понял, Рени? Меня бы на ремни порезали, а ты в лесу продолжал бы отсиживаться и наблюдать?

– Так папенька ваш велел просто присматривать за вами, а от телохранителя вы сами отказались, – оправдывался тот. – Я кучер, господин Альян! А вы и сами хорошо справились...

– Заткнись и не оскорбляй моего слуха, трусливый осел, – отмахнулся от него Литин. – Мальчишка не побоялся в драку влезть.

– И я не побоялся...

– Молчи, недоразумение! Вези в Моргани.

И молодой человек забрался в карету, закрыв за собой дверь и дернув шнурок звонка. Карета тут же тронулась с места. Тина с любопытством посматривала на Альена Литина, но сейчас она могла видеть только силуэт мужчины.

– Ты живешь в Моргани? – спросил молодой человек.

– Нет, – ответила Тина. – Я хотел там сесть в дорожный экипаж и добраться до Кайтена.

– Кайтен? – переспросил новый знакомец. – Живешь там, или хотел наняться на какой-нибудь корабль?

– Наняться, – соврала девушка.

Господин Литин тут же подался вперед. Его профиль теперь четко был виден на фоне окошка, за которым светила луна.

– Слушай, Сверчок, – начал молодой человек. – Если тебе нужна работа, то у меня есть предложение. Я направляюсь в Пьен, где меня ждет зафрахтованный корабль. По делам компании моего отца я отправлюсь в Тарван, и мне нужен толковый помощник. Как ты сам видел, от моего балбеса толка мало, он только жрет да дрыхнет при любой возможности. Ничего сложного, подай-принеси. В общем, работа не пыльная.

– Я умею драться, – зачем-то брякнула Тина.

Литин откинулся назад и рассмеялся.

– Это ты мне сейчас угрожал или набивал себе цену?

– И то и другое, – нагло заявила девушка, решив не пасовать и не смущаться. – Десять санталов за месяц службы.

Черт возьми, не надо мне денег, хотелось бы крикнуть Тине. Пьен! Пьен!!! Пьен, корабль, море! На мгновение ее кольнула совесть. Дед и отец будут искать ее, но... Море! Дьявол вас всех дерит, это же море!!! К тому же если Тина исчезнет, то не заставит папеньку влезть в опасное дело. Потом она все объяснит, обязательно объяснит и больше никогда не будет так делать, честно-честно! Но это же единственная возможность в ее жизни, чтобы осуществить свою мечту!

– Не жирно ли? – усмехнулся Альен Литин. – Пять санталов.

– Черт с вами, хозяин, восемь! – азартно воскликнула Тина.

– Семь! – не менее азартно ответил молодой человек, опять протягивая руку.

Тина сжала мужскую ладонь.

– С половиной! – и тряхнула.

– И что я только что приобрел за семь с половиной санталов? – задумчиво произнес Альен, отмечая находчивость и живость «паренька».

– Вы заключили лучшую сделку в вашей жизни, – важно ответила Тина и весело рассмеялась.

Глава 9

К ажурным воротам с вензелем в виде буквы «М» подъехали три всадника. Одноглазый мужчина остановил коня и обернулся к своим спутникам, но тут же вновь отвернулся и про- бормотал:

- Чтоб я сдох.
- Неплохой домишко, капитан, – усмехнулся тщедушный седеющий мужчина.
- Закрой пасть, Кузнечик, – одернул его третий всадник.
- Мясник, иди в зад к рогатому, – скривился седой.
- Пасть порву, – с угрозой произнес великан.
- Захлопнули хлеба оба, – отчеканил одноглазый. – У меня минута сентиментальности,

дайте прийти в себя.

Два всадника послушно замолчали, но обменялись друг с другом кровожадными взгля- дами. Вэйлр Лоят этого не видел. Он смотрел на ворота отчего дома и не мог заставить себя двинуться дальше. В душе его сейчас разыгралась буря эмоций, от волнения до горечи. Он не был здесь больше тридцати лет. Даже когда помирился с отцом, Вэй не спешил возвращаться в родовое гнездо Мовильяров.

Здесь прошли его детство и юность, здесь он влюбился в море и решил пойти служить на королевский флот. Здесь рухнула его вера в честь и справедливость. Прежним восторженным щенком он заезжал сюда для того памятного разговора с отцом, а выехал из этих ворот цинич- ным и язвительным сорвиголовой, плевавшим на все и всех, кроме своего корабля, команды и старого морского волка Ансея, ставшего ему вторым отцом.

Наверное, Вэйлр никогда бы не вернулся в поместье графов Мовильяров, если бы не истосковался по своей маленькой егозе, без которой дом в Кайтене окончательно опустел. Поначалу Вэй вполне успешно справлялся с их с супругой одинокой жизнью, говоря, что они вернулись в те славные времена, когда могли наслаждаться друг другом без трех спиногрызов. Ада только качала головой и ждала, что будет дальше.

А дальше капитан «Счастливица» расстрелял двери своего кабинета, сходил в трактир, где напился до зеленых чертей и поругался с городским главой, решившим заглянуть на разу- далую пиратскую песню. Заглянул зря, потому что Лоят тут же припомнил пару их разногла- сий, и мэр слег дома в окружении лекарей. На следующий день господин Лоят, конечно, принес свои извинения по настоянию супруги, но был искренне возмущен.

- Подумаешь, начистил одно свиное рыло, от него не убыло.

Потом Вэй и вовсе впал в хандру, сменившуюся новым буйством. Устав от метаний мужа, Ада велела:

- Езжай к отцу и забери дочь.
- Вот еще, – передернул плечами упрямец. – Пока не перевоспитается, домой не пущу.

Тогда мадам Лоят собрала вещи и сказала:

- Пока ребенка не вернешь, меня не зови. Я в сумасшедшем доме жить не желаю.
- Ты меня бросаешь? – опешил Вэйлр.

– Скорей, спасаю свои нервы, – ответила Ада и уехала в Льено – проведать родителей и Раная, по которому сильно скучала.

Впрочем, по Лансу Адалаис Лоят скучала не меньше. Но без дочери и вовсе стало тихо и как-то слишком спокойно. Привыкшим жить как на вулкане, супругам показалось, что дом превратился в склеп. Это не только нервировало Вэя, но подавляло и Аду, а учатившиеся вспышки дурного настроения мужа приводили ее в негодование. Поэтому она и оставила его, зная, что характер Вэйлр выдерживает больше перед ней, не желая казаться слюнтяем. Теперь у него не осталось выхода.

Лоет прекрасно понял ход своей супруги, но решил сделать вид, что его вынудили к принятию решения, в душе радуясь, что Ада развязала ему руки.

– Я еду за дочерью, – объявил он Самелю.

С некоторых пор бывший кок сам обслуживал своего капитана и хозяина, остальные слуги боялись.

– Я с вами, капитан, – оживился повар.

– Еще чего, – фыркнул Вэй.

– Я тоже скучаю по маленькому ангелу, – заупрямился бывший кок.

Лоет нахмурился, но, окинув мрачным взглядом насупившегося великана, махнул рукой и велел:

– Пусть Кузнечик седлает двух лошадей.

– Да, капитан! – просиял Самель и поспешил исполнить приказ.

Но когда Лоет вышел на улицу, Кузнечик, служивший сторожем и привратником у капитана по собственному желанию, уже сидел на третьей оседланной лошади.

– Воля ваша, капитан, но я с вами. Пригожусь.

На споры у Лоега не было настроения, да и не видел он повода запрещать ехать с ним двум проверенным людям из своей старой команды. И вот наконец они стоят под воротами, но заставить себя войти в них у Вэя не получается. Слишком больно было тогда, когда он выкрикнул клятву никогда в жизни не входить в двери родительского дома. Самель и Кузнечик терпеливо ждали. Для них ничего не изменилось, и за попытку настоять или поспорить они по-прежнему могли нарваться на зуботычину от капитана.

– Что надо? – грубовато спросил привратник, приближаясь к воротам.

Это вывело Лоега из оцепенения. Он мазнул взглядом по лицу привратника и велел:

– Открывай.

– С чего это? – подбоченился мужчина. – Ездят тут всякие.

Интереса в здоровом глазу Вэя стало заметно больше. Он повернул к привратнику лицо здоровой стороной и полюбопытствовал:

– Никого не напоминаю?

– Разбойника напоминаешь, – заносчиво заявил самоубийца. – И эти двое тоже, особенно тот здоровый. Проваливайте, или собак спущу.

– Насчет разбойника ты угадал, дохлый, – мирно согласился Лоет.

– Чего это я дохлый? – задрал нос привратник, пышущий здоровьем.

– Разъясняю, – деловито ответил Вэйлр, доставая пистолет. – Мертвецы иными не бывают.

И он выстрелил, не особо целясь. Пуля прошла рядом с головой привратника, он даже почувствовал дуновение смерти. Мужчина округлил глаза, потрогал висок, икнул и завалился без чувств.

– На abordаж, – коротко велел капитан Лоет, спешиваясь.

Кузнечик и Самель переглянулись.

– Мясник, смотри за лошадьми, Кузнечик, за мной, – отчеканил Вэй и первым начал карабкаться на ограду.

В это мгновение послышался топот копыт, и к воротам приблизился сам хозяин поместья. Он изумленно оглядел сына, ловко забиравшегося по завитушкам вверх, затем седого юркого мужчину, следовавшего за господином Лоегом, но со стороны второй створы, узнал повара, оставшегося за оградой, и наконец заметил привратника, красиво раскинувшегося в траве.

– Вэйл, это ты стрелял? – поинтересовался его сиятельство.

– Какого дьявола меня не пускают в отчий дом? – спросил Вэй, уже добравшийся до верха ограды.

– Должно быть, дело в том, что ты давно здесь не появлялся, и новая прислуга с тобой незнакома, – ответил граф Мовильяр. Затем указал подбородком на привратника. – Мертвый?

– Если только задохнется от запаха собственного дерьма, – поморщился Лоет. – Наверняка в штаны наложил. Доброго дня, отец. Где Тина?

– Будь добр, слезь с ворот и вернись в седло, – ответил его сиятельство.

Лоет кивнул Кузнечнику, уже оседлавшему ограду, и тот полез вниз. Бывшие пираты прыгнули на землю, отряхивая руки, когда ворота распахнулись и его сиятельство выехал к ним. Еще двое привратников боязливо, но с любопытством поглядывали на второго сына графа, о котором слышали много, но видели впервые. Одетый в простую дорожную одежду и сапоги, со своей повязкой на лице, он действительно казался им пиратом. Об этом говорить вслух не разрешалось, и граф никогда не подтверждал подобных слухов, но они ходили между слугами. А теперь, когда изгнанник появился, да еще и в компании двух подозрительных типов, и лез, как разбойник, через ограду, привратники уверились в том, что слухи верны, и не сказать, что они не испытали душевного трепета.

– Тина в поместье? – между тем спрашивал Лоет, не спеша вернуться в седло.

– Нет, ее там нет, – чуть растягивая слова, ответил его сиятельство. – Я как раз направляюсь туда, где Адамантина находилась... последние три недели.

Это признание далось графу тяжело, но врать сыну не имело смысла. Однако больше угнетало то, что придется рассказать и о причинах, которые вынудили деда отправить внучку в пансион. Впрочем, внешне волнение его сиятельство никак не выказал.

– Что ты сделал с моей дочерью? – глухо спросил Вэй.

– Вэйлр, – граф вздохнул, – не устраивай сцен и дай мне тебе все рассказать.

– Изволь, – ледяным тоном произнес Лоет.

Набрав в грудь побольше воздуха, граф Лорель выпалил:

– Адамантина в пансионе святой Кладетты.

– Какого черта она там забыла?

– Сын, вернись в седло, нет времени ругаться перед воротами, – поморщился его сиятельство. – Предлагаю орать друг на друга в дороге. Поверь, девочка там неплохо устроилась...

– В это я могу поверить, – мрачно ответил Лоет, забираясь в седло. – Она моя дочь, этим все сказано. Итак, ты отправил Тину в пансион, когда я доверил ее тебе. Какого черта, отец?! Не мог совладать с моим дьяволенком? Или же тебе претило заниматься внучкой?

– Ты несешь чушь, Вэйлр, – холодно ответил граф. – Тина – чудесная девочка. Бесспорно, пороков у ребенка много, но она старалась и была послушной. Мы даже почти не спорили. К тому же она моя внучка. В пансион я собирался ее отправить лишь в качестве наказания, если мне будет не совладать с ней. Так же поступил и ты, вызвав меня. Но была иная причина, по которой юная мадемуазель Лоет оказалась в стенах заведения, основанного твоей матушкой. И я точно знаю, что девочка там не страдала, мне ежедневно приходили отчеты о ее здоровье и поведении. Адамантина добилась определенных успехов в географии и астрономии. Признаться, странный выбор предметов для благородной девицы. Впрочем... – он скосил глаза на сына. – Ничего странного, учитывая ваше родство. В общем-то, только рукоделие у нее не шло.

– У нее руки не под иглу заточены, – усмехнулся Вэй. – Ада пыталась привить дочери интерес к вышивке, но чертенок только диверсии устраивала, и Ангелок оставила ее в покое. Продолжай.

– Благодарю, – кивнул его сиятельство. – С девочками Адамантина также сумела подружиться. Ни ссор, ни споров...

– Не заговаривай мне зубы, – отмахнулся Лоет. – Почему моя дочь оказалась в пансионе?

– Досадное происшествие с твоим племянником, – поморщился граф Мовильяр. – Маркэль, эта паршивая овца, испортившая породу... Маленький мерзавец воспылал к кухне инте-

ресом, девочка избилла его... Ох, как же непросто говорить о таком. Покойная графиня была бы в ужасе от поступков обоих детей...

– Отец! – повысил голос Вэйлр. – Что этот ублюдок сделал с моей дочерью?

– Ничего, – снова поморщился граф. – Я говорю тебе, она его неплохо приложила. Но мерзавец злопамятен и мстителен, я решил скрыть Тину за стенами пансиона. Тем более Марк через пару дней должен надолго покинуть берега королевства. Тогда я собирался забрать внучку.

– Шею свернуть уроду, – подал голос Самель.

Граф и его сын обернулись к коку.

– Кстати, да, – поддержал его Вэй. – Какого черта вы не можете совладать с мальчишкой? Нат вконец раскис? Так у меня рука не дрогнет.

– Вэйлр, тут все не так просто, – его сиятельство взглянул на сына. – Ему покровительствует герцог Пайетт. Все наши увещевания и попытки применить к Марку хоть какое-то наказание постоянно наталкиваются на препятствия. Тина – не единственный его грех. Он позорит весь род своим беспутным поведением. Его величество несколько раз вмешивался, увещевал Маркэля, но герцог всегда приводит столько свидетелей, что мальчишка начинает казаться посланцем небес, а не преисподней. Поэтому король, мудро рассудив, решил убрать Марка подальше от его покровителя. Думаю, ты понимаешь, почему я решил спрятать внучку до его отбытия.

– Ты едешь навестить малышку? – настороженно спросил Лоет, ощущая неприятный холодок внутри.

Граф передернул плечами, достал из внутреннего кармана сюртука послание и протянул сыну. Вэй вчитался в строки, после перечитал еще раз и с яростью смял в кулаке письмо.

– Пропала?! – прорычал он. – Что это значит?

– С этим я и хочу разобраться, – ответил его сиятельство. – А теперь пришпорим коней, или я, к чертям собачьим, взорвусь!

– Если я взорвусь, никому мало не покажется, – глухо отозвался бывший пират и пустил коня в галоп.

К воротам пансиона маленький отряд, состоявший из графа, его сына, двух слуг и двух пиратов, подъезжал в злом молчании. Привратник, открыв маленькое окошко и увидев его сиятельство, приветливо улыбнулся, но выдержка графа дала сбой, и он воскликнул:

– Да открывай же ворота, балбес!

– Ва... ваше сиятельство, – опешил привратник.

– Кадык вырву! – заревел Самель, не обладавший ни сдержанностью, ни воспитанием его сиятельства. – Живей, сучий потрох!

– Мясник, закройся, – рявкнул Лоет и взглянул на бледное лицо пансионного служителя. – Пошевеливайтесь, милейший, или угрозы моего мальчика покажутся вам сладчайшими ласками.

– Ну! – снова не сдержался граф, и створы наконец распахнулись.

Маленький отряд въехал в ворота, и первым спешил престарелый граф. Он направился стремительной походкой к дверям пансиона, выкрикивая на ходу:

– Клодия! Клодия, немедленно ко мне! Что произошло? Где моя внучка?!

Директриса, бледная и заплаканная, выбежала ему навстречу. Она простерла к его сиятельству пухлые ручки и воскликнула:

– Лорель, клянусь Всевышним, я ничего не понимаю! Вчера еще мадемуазель Лоет была весела и всем довольна. Девочки говорят, она даже не помышляла о побеге. Мы не обижали ее, Адамантина ни разу не вызвала нареканий...

– Но что-то ее сподвигло на побег, – раздраженно произнес Вэйлр, выходя вперед. – Я – отец Тины.

– Приятно познакомиться, господин Лоет...
– К черту этикет, – отмахнулся Вэй. – Что происходило в последние дни?
– Ничего необычного, – пролепетала мадам Гертон. – Разве что вчера мадемуазель Лоет навещал ее брат...

– Ланс? – вмешался граф.
– Да, молодой господин назвался этим именем, – закивала директриса. – Лансэль Лоет. Очень представительный молодой человек...

– И он предоставил вам мое письмо, подтверждающее его личность? – оборвал ее граф. Женщина, немного успокоившаяся к этому времени, вновь побледнела и пошатнулась.

– Н...нет, письма не было, – заикаясь, ответила она, глядя, как мрачнеет лицо попечителя, как глаза его загораются бешенством.

– Какого черта, Клодия?! – заорал побагровевший граф, со всего размаха ударяя кулаком в стену. – Я велел никого, слышите, никого не допускать до моей внучки, если он не предоставит разрешающего послания, на котором будут стоять фамильная печать и моя личная подпись! Кем бы ни назвался посетитель, хоть королем, но без моего подтверждения его впускать не имели права!!!

Женщина охнула и тяжело осела на руки своих помощниц. Его сиятельство прошел мимо нее, не взглянув в сторону директрисы, лишь бросив на ходу:

– На мое благоволение можете больше не рассчитывать. Все кончено. – После этого нашел взглядом Фаню. – Отведите нас к сокурсницам Адамантины.

Но разговор с девушками ничего не дал. Они испуганно моргали, вздрагивали от резких вопросов, но ничего вразумительного сказать не могли. Тина не посвящала в свои планы никого из них.

– Вещи мадемуазель Лоет, – пролепетала Фаня, подавая саквояж, принесенный воспитательницей старшекурсниц.

Его сиятельство кивнул и велел одному из своих лакеев взять саквояж.

– Стоять, – гаркнул Вэй, отнимая дорожную сумку дочери.

Он открыл его и вытряхнул на пол все содержимое.

– В голове моей дочери ветер, но безголовой она никогда не была. Просто в никуда Тина не рванет, она должна была иметь план, как и тогда, когда бежала из дома со Сверчком.

– Точно-точно, – закивал Самель. – И провиант собрала, и про порт все у меня выпросила.

– И раз ее вынудили бежать обстоятельства, а иначе она дала бы деру раньше, значит, должна была что-то оставить, – закончил Лоет.

Граф тут же присел на корточки рядом с сыном, разбирая платье, белье, чулочки и прочую мелочь.

– Это что? – браслет, выпавший из послания, первым заметил его сиятельство. Он взял безделушку в руку, повертел и протянул сыну. – Тут какая-то гравировка.

– Имущество И.П., – прочел вслух Лоет. Затем посмотрел на лист бумаги, который как раз взял в руку. – «Дорогой дедушка, простите за то, что вынуждена совершить поступок, который вам не понравится. Но обстоятельства вынуждают меня искать защиты у папеньки. Ко мне приходил Марк, назвавшись именем брата. Он продал меня герцогу за двести тысяч санталов и сказал, что меня выкрадут в любом случае. Этот браслет он надел мне на руку, как знак того, что у меня появился хозяин. Вы говорили, что вам не совладать с герцогом, а папеньке не страшен сам дьявол. Потому я возвращаюсь в Кайтен. Не судите меня строго. Ваша внучка, Адамантина Лоет». – Вэй поднял растерянный взгляд на отца. – Продал? Мою дочь продали? Мою. Дочь. ПРОДАЛИ?! – взревел он, вскакивая на ноги. – Урою! И щенка, и его гнусного покровителя!!! Можешь окружить своего внука вооруженной охраной, но клянусь честью, я доберусь до него и вырву его гнилые потроха! Но сначала я верну своего ребенка.

Лоет поднялся на ноги и, чеканя шаг, направился к выходу. Его сиятельство поднял брошенный сыном листок бумаги и пробежал его глазами, заметив то, что не увидел Вэйлр: «P.S. Умоляю, защитите Ланса. Мерзавец Марк угрожал мне жизнью брата». Сжав в ладони браслет, граф Мовильяр последовал за сыном. Он нагнал Вэя уже на улице. Лоет стоял, поднимая лицо, и глубоко дышал, пытаясь взять себя в руки. Отец остановился рядом с сыном, подумывая сказать о приписке, но решил с этим разобраться лично, как, впрочем, и...

– Я сам займусь Марком, – сказал он. – Нарыв следует удалять, если не вышло исцелить. Он тля на нашем древе. Моему терпению пришел конец. Ищи Тину, а я надену зеленые одеяния лекарей. Пришла пора вспомнить методы предков.

Лоет посмотрел на отца, затем вновь поднял лицо к небу.

– Почему ты не убрал меня, когда объявил мертвецом?

– Потому что ты не забыл, что такое честь, – ответил граф. – Не каждый пират – мерзавец, и не каждый дворянин благороден; ты это знаешь лучше, чем кто-либо.

Лоет, понявший, что хотел ему сказать отец, кивнул и вновь посмотрел на него:

– Прикажи своим людям прочесать окрестности; если найдешь Тину раньше, отправь посланника. Я еду назад. Далеко она не могла уйти, должны нагнать.

– Хорошо. Но не спеши, давай вернемся, может, еще что-нибудь узнаем, – предложил граф.

Вскоре мужчины получили сведения, что пропали сапоги одной из воспитанниц и что пансионное платье Тины осталось в гардеробной. Вэй вновь осмотрел саквояж и усмехнулся:

– Бесенок, – сказал он. – Все-таки утащила одежду Сверчка. Двойное дно. Итак, – решил он подвести итог. – При ней была мальчишеская одежда, потому и сапоги стащила, туфельки к штанам никак не подходят. Повар дал ей сыр, как узнал Самель, ушла с провиантом. Денег у нее, правда, нет...

– Есть, – прошептала Лери, стоявшая рядом. – Тина через Гиля продавала наши кружева и брала процент за посредничество.

– От шельма, – восхищенно хмыкнул Кузнечик. – Огонь, а не девка.

Граф потерял дар речи, воспитатели схватились за сердце, а Вэй уловил другую информацию.

– Кто такой Гиль?

– Сын садовника, Тина его учила с ножом обращаться, – подала голос еще одна из сокурсниц мадемуазель Лоет, а Самель скромно потупился и отошел в сторонку.

Кто-то из воспитателей упал в обморок.

– Да что тут такого, гарпун мне в печень? – поразились третья благовоспитанная девица.

– Я привез в храм чистоты исчадие преисподней, – потрясенно прошептал его сиятельство и расхохотался: – Боюсь, Вэйлр, твоя дочь никогда не исправится.

– Черт с ними, с манерами, нашлась бы только, – отмахнулся Лоет и отправился искать Гиля.

Паренька он нашел в саду. Гиль сидел, прислонившись спиной к дереву, и кидал ножик в землю между разведенными в стороны коленями. Вэйлр некоторое время наблюдал за юношей, подозрительно шмыгающим носом. Наконец парень протяжно вздохнул, и Лоет решил обнаружить свое присутствие.

– Хозяйство не отрежь, – грубовато произнес мужчина.

Гиль подскочил от неожиданности, заметил случайного свидетеля своего уныния и отвернулся, резко проведя по щекам кулаком. Бровь Лоета поползла вверх:

– Эй, парень, ты никак сопли на кулак мотаешь?

– А вам-то что? – буркнул Гиль, поднимаясь на ноги.

– Ничего, – пожал плечами Вэй. – Узнаю у тебя, что хочу, и ной дальше. В бабы страсти я не вмешиваюсь.

– Я мужчина! – возмутился юноша.

– Оно и видно, – усмехнулся Лоет. – По какому поводу хоть страдаешь?

– А вам-то что? – повторил Гиль и метнул нож в дерево.

Острие вошло в древесный ствол, как в масло, и юноша невесело усмехнулся:

– Получилось, а она не видит.

Господин Вэйлр Лоет прищурил зрячий глаз, делая шаг в направлении паренька. О ком тот говорит, мужчина понял сразу. Достаточно было сопоставить слова воспитанницы про то, чему мадемуазель Лоет обучала Гиля, но Вэй сопоставил не только это. Он отметил горечь в голосе юноши, его несчастное лицо, и мозаика сложилась.

– По Тине страдаешь, значит. Не ты первый, парень. В Кайтене по ней другой ее дружок убивается и врет, что пыль в глаз попала. – А затем с неожиданной гордостью произнес. – Я отец этого чертенка в юбке.

Гиль широко распахнул глаза, рассматривая одноглазого мужчину. Сейчас он увидел схожесть в чертах незнакомого мужчины и Тины, отметил, что дочь унаследовала глаза отца, да и было что-то знакомое в том, как держался и смотрел на него господин Лоет. Юноша вновь вздохнул и поник.

– Это я виноват, что она сбежала, – сказал Гиль. – Это я ей показал калитку и сказал, что замок не закрывается.

– Покажи мне эту калитку, – потребовал Вэйлр.

Паренек махнул рукой, показывая идти за ним. Возле калитки он замешкался, снимая большой тяжелый замок, распахнул ее, и Лоет первым покинул пределы пансиона. Он посмотрел вниз и на рыхлой земле увидел след каблука. Бросив взгляд на башмаки юноши, Вэй сделал вывод: сапоги. Тина действительно вышла здесь. Оглядевшись, Лоет направился в обход высокой белой стены.

– Приехали они с дедом с той стороны, то есть Тина должна была направиться по тому же пути, зная, что дорога ее выведет на тракт. Деньги были, значит, могла сесть в дорожный экипаж.

– Дорожный экипаж делает большой крюк, – оказалось, что Гиль все это время шел за ним. Он указал пальцем на землю. – Вот еще ее след.

– Угу, – промычал Вэй. – А где останавливается экипаж?

– Далеко, в Моргани, – юноша встал рядом с Лоетом. – Возьмите меня с собой.

Вэй усмехнулся и щелкнул паренька по носу.

– Не за чем, – ответил бывший пират. – И не вини себя. Если Тина решила сбежать, она бы это сделала в любом случае. Можешь поверить тому, кто уже отлавливал ее и возвращал домой. – Затем задумчиво посмотрел в сторону дороги и протянул: – Моргани-и-и. Хорошо, я знаю, куда она подалась.

Глава 10

Шхуна с красивым названием «Алиани» отчалила от берега вскоре после того, как ее пассажир с двумя слугами поднялся на борт. Перед отплытием он зашел к начальнику порта и внес изменения в прежнюю запись о фрахте, добавив имя Эмила Мулера в список сопровождающих его лиц, как велел закон. Тина, стоявшая на носу шхуны, блаженствовала. Ветер трепал ее распущенные волосы. На шее красовался платок, а башмаки были и вовсе оставлены в каюте за ненадобностью.

Более того, она успела заскочить в ближайшую лавку с готовой одеждой, где купила себе бриджи, жилет и мужское нижнее белье на смену. Пара чулок также имелась в ее заплечном мешке, но сейчас они были без надобности. Матросы с интересом посматривали на смазливую щенка, едва не скулившего от радости, когда поднялся на борт. Преображение мальчишки они встретили с добродушной насмешкой, но пониманием. Паренек явно мечтал попасть на корабль, потому и оделся как матрос.

– Знаком с морем, малец? – спросил один из матросов.

– Я из Кайтена, – горделиво ответила девушка. – Батя брал меня с собой несколько раз.

– Твой отец моряк? – заинтересовался второй.

– Угу, – кивнула Тина. – Работает на Вэя Лоета.

– На Одноглазого? – оживился первый. – Слышал про него. Говорят, был славный малый, когда ходил под парусом. Один из немногих, кто сумел зажить по-человечески.

– Таким и остался, – важно сообщила Тина и поспешила перевести разговор подальше от скользкой темы. – Можно мне будет помогать вам? Я много чего могу. Могу на мачты забираться, узлы могу вязать. Дерусь, как черт, только фехтовать не умею. Зато ножом как иглой владею.

– Ты не в пираты ли решил податься, малец? – рассмеялся второй матрос. – Мы честные люди, ни на кого не нападаем, не грабим.

– А на вас? – прищурилась Тина.

– Пока Всевышний миловал, – усмехнулся первый. – Когда корабль идет с грузом, с ним сопровождение, а пустое судно пиратам без надобности. Они ведь знают, где можно пожить. Так что, парень, подотри слюни и иди к своему хозяину. Мы уж как-нибудь сами.

Мадемуазель Лоет обиженно насупилась и решила дожидаться момента, когда сможет быть полезной. Матросы, послушные окрику капитана, занялись своим делом, а Тина осталась стоять на прежнем месте, зачарованно глядя на волны. В это мгновение она была счастлива до щенячьего визга.

Здесь своего нового слугу и нашел Альен Литин, решивший выйти на воздух.

– Вот ты где, – отметил молодой человек, вставая рядом. – Впредь предупреждай, если уходишь. Если ты мне понадобишься и я не найду тебя, то могу рассердиться.

– Рени один хорошо с вашими вещами справлялся, – ответила Тина, не сводя взгляда с горизонта.

– И тем не менее.

– Я понял, – чуть ворчливо произнесла девушка и покосилась на своего хозяина.

С тех пор, как она увидела Литина при дневном свете, мадемуазель Лоет старалась избегать прямых и долгих взглядов, – молодой человек ее смущал. Правда, после первого дня, проведенного со своим нанимателем, Тина более-менее привыкла к нему, но... Но черт возьми! Он был хорош. Девушка даже залюбовалась чертами спящего мужчины напротив, а когда он открыл глаза и взглянул на нее пронзительными синими глазами, Адамантина Лоет и вовсе потеряла дар речи. Длилось ее онемение недолго – ровно до того момента, как черная изящная

бровь молодого человека недоуменно изломилась, мадемуазель Лоет очнулась и отвернулась к окну, пробормотав:

– У вас на щеке пятно.

К правильным, аристократичным чертам сына простого коммерсанта девушке пришлось привыкать еще пару дней, стараясь не засматриваться, но Пьен все расставил на свои места. Несмотря на то что Альен Литин был все так же широкоплеч и статен, несмотря на то что волосы его остались черными как смоль, что глаза его не сменили цвета и все еще могли спорить своей синевой с небом, порт полностью захватил Тину. Она уже не чувствовала смущения, которое приходилось прятать под бравадой, потому что море, ожидавшее их, дарило привычный восторг, наполняя грудь беглянки знакомыми запахами, будоражившими кровь.

Здесь она была как дома, легко ориентируясь в разнообразии кораблей. Она быстро определила, где стоят торговые суда, уверенно указав Литину, куда им стоит направиться. И «Алиани» она нашла первой, потому что ее наниматель еще ни разу не видел зафрахтованной шхуны. Наймом занимался представитель компании «Литин и сын». В общем-то, и в море Альен выходил впервые. До этого дня он занимался делами своего отца исключительно на берегу и желание отправиться в путешествие выказал сам.

– Вам нравится? – спросила Тина, поглядывая на профиль своего нанимателя.

– Еще не понял, – пожал плечами молодой человек. – Мы только вышли. Отец говорил, что с непривычки может мутить, но я себя чувствую хорошо, что не может не радовать.

– Ваш отец бывал в море? – живо заинтересовалась мадемуазель Лоет.

– Он три года служил в чине лейтенанта на королевском флоте. Шхуна, на которой проходила его служба, называлась «Королева Анжель», – охотно ответил Альен.

– А почему ваш отец покинул службу?

– Отец не особо любит говорить об этом, – молодой человек взглянул на паренька, теперь смотревшего на него, а не вперед. Тот тут же отвернулся, но опять скосил глаза в ожидании ответа. – Кажется, была стычка с пиратами, отец попал на рынок рабов. Я об этом мало знаю. Отец обычно отвечает неохотно, говоря, что все закончилось благополучно и он вернулся домой, в Льено...

– В Льено?! – глаза Тины округлились. – У меня в Льено живут бабушка с дедушкой... Ой.

Девушка осеклась и теперь вовсе не смотрела на господина Литина. Зато не нее смотрел он, и в глазах его все больше разгоралась ирония.

– Как любопытно, – насмешливо произнес молодой человек. – Юноша, и как вас понимать? До этой минуты вы были едва ли не сиротой на попечении дальней родственницы, и вдруг такие открытия. Я почти рыдал над историей твоей несчастной жизни, а у нас, оказывается, имеются родственники?

Да, Тина очень старалась, врала с необычайным одухотворением, расписывая жизнь у «жесткой тетки». Сколько души было вложено, сколько фантазии! И вдруг такая досадная оплошность...

– Ну есть дед и бабушка в Льено, – проворчала она. – Так до Льено далеко, да и старенькие они совсем, бедные.

Новая история уже выплеталась в ее голове, обрастая подробностями с каждой секундой, но Альен поднял руку и все так же насмешливо ответил:

– Уволь. В твоей богатой фантазии я уже имел честь убедиться. Расскажешь о себе правду?

– Я вообще никогда не вру, – заносчиво произнесла Тина, задирая нос. – И вам бы следовало допрашивать и подлавливать меня, когда нанимали. Вы можете продолжить путь или приказать вернуться в Пьен, выплатив мне деньги за несколько дней работы на вас, и остаться

наедине с Рени. И когда в следующий раз на вас нападут, надеяться, что он убежит не дальше ближайшего леса.

Литин несколько мгновений изучал нахала, затем хохотнул, но вновь напустил на себя серьезный вид.

– Ты маленький пройдоха, Сверчок, тебе известно об этом? Начать с того, что ты сейчас меня нагло шантажируешь...

– Всего лишь факты, хозяин, – осклабилась Тина.

– И о какой работе на меня ты говоришь? Пока ты и пальцем не шевельнул...

– Я спас вашу зад... э-э-э... жизнь, господин Альен, – не согласилась мадемуазель Лоет.

– А я спас твою зад... э-э-э... жизнь, господин Сверчок, – передразнил Литин.

– Когда это?!

– Когда разбойник чуть не насадил тебя на свою шпагу, как фазана на вертел, – ответил молодой человек. – И что ты на это ответишь?

– Что вам палец в рот не клади, – скривилась Тина.

Альен потрепал ее по волосам, услышал недовольное фырканье и покровительственно положил руку на плечо.

– Ты ведь очень хочешь продолжить плавание? – спросил он.

– Да! – жарко кивнула девушка.

– Ты мне нравишься, парень, – улыбнулся молодой человек. – И тратить время на возвращение в порт мы не будем. Наше путешествие продолжается.

– О, да! – восторженно воскликнула мадемуазель Лоет и машинально потерла зад, представляя, что ждет ее, когда она все-таки вернется домой.

Тина покосилась на мужскую ладонь, покоившуюся на ее плече. От этого дружеского объятия ей было не по себе. Хотелось повести плечом и стряхнуть руку Альена, но девушка этого не сделала, опасаясь, что ее жест покажется пренебрежением и неблагодарностью. Однако Литин сам убрал ладонь с плеча юного слуги и облокотился о борт, отчего мадемуазель Лоет почувствовала себя спокойней и уверенней.

Молодой человек некоторое время молчал, рассматривая небольшие волны, после взгляд его переместился на одинокий маяк, над которым кружили чайки. Он умиротворенно вздохнул и произнес:

– Успокаивающая картина.

– И только?! – изумление Тины было столь сильным, что она не смогла сдержать его.

Альен, развернувшись, с интересом посмотрел на нее.

– Я вижу прелестный пейзаж, – сказал он. – Одинокий маяк на скалистом острове на фоне солнечного неба. Над ним летают чайки, под ним неспешно бегут невысокие волны. А что видишь ты, Эмил Мулер?

Мадемуазель Лоет устремила взор к горизонту, вдохнула полной грудью и ответила:

– Силу.

– Силу? – переспросил Альен.

– Силу, – кивнула девушка. – Силу и мощь. Вы посмотрите, господин Альен. Вы думаете, это просто вода, в которой живут рыбы? О, нет! Это величайшая сила, которую только мог создать Всевышний. Море может подарить жизнь, вынеся утопающего на берег, может накормить, обласкать, а может и наказать, уничтожив в одно краткое мгновение. Что такое человек в сравнении с этой первородной силой? Песчинка, букашка, ничто! Сегодня есть, завтра нет, а море будет всегда. Его волны будут накатывать на берег, даже если все люди вымрут. Оно будет все так же величаво и прекрасно. И дьявол меня задери, если я не преклоняюсь перед этой силой! Если бы у меня была такая возможность, я отрастил бы жабры и хвост, чтобы жить в море. Но я всего лишь человек и не устану возносить хвалу Всевышнему за то, что даровал нам это чудо из чудес.

– Да ты поэт, Сверчок, – улыбнулся слушавший девушку молодой мужчина.

– Я певец моря, – задорно рассмеялась Тина и смущенно покраснела под чуть ироничным взглядом своего нанимателя. – Моя самая большая мечта – выйти в море под парусами своего корабля.

– Однажды она непременно исполнится, – Литин вновь встрепал волосы девушки.

– Ах, кабы так, – тяжело вздохнула она.

– Главное – идти к своей мечте, не сворачивая, – усмехнулся Альен.

– А о чем мечтаете вы?

Теперь Тина с интересом смотрела на мужчину. Он пожал плечами и, повернувшись, взглянул на матросов.

– Даже не знаю, Сверчок, – ответил молодой человек. – Наверное, мне хотелось приключений, поэтому я и вызвался сам отправиться в это путешествие. Моя жизнь подчинена интересам моей семьи. Несмотря на доступные мне увеселения и развлечения, мое существование достаточно пресно и однообразно. Мне двадцать два года, и я хочу перемен. Да, хотя бы одно маленькое приключение не помешало бы. Пожалуй, я помечтаю об этом.

– Держитесь меня, господин Альен, и приключения сами найдут вас, – важно произнесла Тина.

Молодой человек весело рассмеялся.

– Если учесть, с чего началось наше знакомство, то могу охотно в это поверить, – сказал он. – До нашей встречи на меня никто и никогда не нападал. Должно быть, разбойники ждали именно тебя?

– Вот только не надо перекладывать на меня ответственность за свои приключения. Напали они как раз на вас, я лишь подросел вовремя, – проворчала девушка, и ее наниматель вновь рассмеялся.

– С этим не поспоришь, – наконец ответил Альен. – Выходит, у меня уже было одно маленькое приключение? И что же, мечте конец? Пожалуй, тогда я хочу приключений побольше, чтобы, сидя в кресле у камина, когда вокруг будут бегать мои внуки, я мог усадить их рядом и рассказать, как...

– Как один сражались против трех разбойников? – улыбнулась Тина. – Действительно маловато. Думаю, ваши внуки будут бежать от вас, боясь слушать одну и ту же историю по сотому разу.

– Согласен, с одной историей я превращусь в старого зануду, – хмыкнул господин Литин и, прищурившись, вновь посмотрел на слугу. – Малыш, ты слишком смышлен для тринадцатилетнего паренька-сироты, который воспитывался в церковной школе.

Мадемуазель Лоет насторожилась, почуввав разоблачение. Она шмыгнула носом, утерев его тыльной стороной ладони, в подступающей панике ища выход. Нашелся он легко и быстро.

– Да жил по соседству один чудак, – ответила она, глядя на мужчину честными глазами. – Одинокий лекарь. Он иногда занимался со мной. Ну, речь там, этикет, чтоб его. Книжки давал всякие. Ну, стало быть, ума вложил.

– Легко переключаешься на упрощенную речь...

– Лекарь затрещинами учил, когда забывался.

– Драться тоже он учил? А с ножом обращаться?

Досадливо поморщившись, Тина мысленно послала любопытного нанимателя к морскому дьяволу, но решила в этом быть честной, посчитав, что это придаст больше веса ее простому происхождению.

– Драться учил сынок одного бывшего абордажного матроса. А как ножом пользоваться, объяснил один затейник по прозвищу Мясник. Я еще с вором одним подружился, так замки разные могу открывать, – гордо добавила Тина и тяжело вздохнула. – Только фехтовать не умею. Иначе бы вам и спасти меня не пришлось после того, как я вас спас. – Она искоса взглянула

на Альяна и произнесла, добавив голосу восхищения: – А у вас вон как ловко получается. Мне бы так...

Господин Литин поднял лицо к небу, прикрыл глаза и блаженно вздохнул.

– Один сантал, – произнес он, не глядя на своего слугу.

– Чего?

– За обучение один сантал и никаких соплей, я учитель нервный, могу и по шее дать, если плохо понимать будешь, – пояснил молодой человек.

Мадемуазель Лоет задохнулась от возмущения.

– Ну вы и жук, хозяин! – воскликнула она, но решительно протянула руку и кивнула. – Я согласен.

Альен открыл глаза и посмотрел на мальчишку взглядом сытого кота, затем сжал протянутую ладонь и произнес.

– Итого шесть с половиной санталов я выдам тебе в конце путешествия.

– Жадничаете? – прищурившись, спросила Тина.

– Экономлю на лечение нервов. Выражаясь твоими словами, чувствует моя требуха, что ты мне их еще попортишь. Чем больше узнаю тебя, малыш, тем сильнее их чувствительность.

– На кишках гадаете? – усмехнулась мадемуазель Лоет, не спеша заверять своего нанимателя в том, что будет хорошим мальчиком. Она и девочкой-то хорошей была редко. – Когда начнем? Сейчас?

– Э, нет, – отрицательно покачал головой Альен. – Я зверски хочу есть. Рени сейчас позаботится об обеде, потом нужно передохнуть с дороги, там вечер... Завтра начнем.

– Так нечестно!

– Два сантала.

– Эй!

– Три.

– Гарпун мне в печень, хозяин, у вас нет ни стыда, ни совести! Хорошо, завтра, – сдалась девушка и проследила взглядом удаляющуюся спину Литина. – Ничего-о, я еще подберу к тебе ключик, шантажист несчастный, – проворчала она и поспешила за нанимателем, позвавшим ее.

До вечера для Тины так и не нашлось занятия. Альен Литин после обеда завалился на узкую койку с книгой и велел его не беспокоить. Промаявшаяся бездельем мадемуазель Лоет, обиженная на команду «Алиани» за их недоверие и шуточки, получившая подзатыльник от ревнивого Рени и отвесившая ему в ответ пинка, решила направить свои стопы туда, где всегда лучше и быстрее всего удавалось завести дружбу, – на камбуз.

Кокком на шхуне работал мужчина, являвший собой полную противоположность дядюшке Самелю. Кроме того, что он был мелким и тщедушным, кок оказался еще и желчным малым, встретившим Тину колючим взглядом и вопросом:

– Что надо, сопляк?

– Да так, – пожала плечами мадемуазель Лоет. – Решил, может, помощь моя нужна? Я могу порезать что-нибудь, почистить, там. Все равно пока без дела, скучно.

Кок снова оглядел мальчика и указал на полное ведро:

– Выкини эту дрянь за борт.

Тина подхватила ведро с помоями и поспешила прочь с камбуза. Ей очень хотелось быть полезной. Еще больше хотелось быть причастной к работе на корабле, и для начала и ведро с помоями тоже дело. Выполнив повеление кока, она вернулась на камбуз и замерла в ожидании новых указаний, но на нее не обращали внимания, и Тина решила быть напористой.

– Господин Барту, я могу еще что-нибудь сделать.

– Можешь? – кок задумчиво посмотрел на приставучего мальчишку и усмехнулся. – Можешь прогуляться в зад к морскому дьяволу, я не против.

Мадемуазель Лоет почувствовала себя уязвленной. Она ответила Барту взглядом исподлобья.

– Могу, конечно, – не стала спорить девушка. – Но вас он ожидает раньше.

– Что? – кок обернулся, изумленно взирая на наглеца.

– И слух подводит? Понимаю, года уже не те, – издевательски хмыкнула Тина. – То-то в нож вцепились, хозяйство, небось, уже из рук выскальзывает, так хоть за что-то подержаться надо. Да, господин Барту?

– Что?! – неожиданным басом взревел кок, удобней перехватывая нож, которым разделывал рыбу. – Щенок! Уши отрежу!

Тина с писком вылетела с камбуза, когда мужчина ринулся на ней. Девушка захлопнула дверь, но она тут же распахнулась от удара ногой, и взбешенный Барту вылетел за ней следом.

– Стоять, сопляк! – продолжал бушевать кок, даже не думая прекращать преследование. – Урою!

– Барту! – крикнул капитан.

Но мужчина не слушал. Он размахнулся и метнул нож, воткнувшийся в мачту, рядом с которой бежала Тина. Мадемуазель Лоет громко икнула и помчалась дальше. Барту не отставал. Он почти нагнал Тину, ухватил за жилет, и девушка полетела на палубу, но лягнула кока, попав ему в живот. И пока мужчина стоял, согнувшись, ухватила за снасти и полезла наверх под гогот команды.

– Там и будешь сидеть, щенок! – заорал с палубы Барту, грозя ей кулаком.

– Я просто хотел быть полезным! – обиженно закричала она в ответ.

– Лучше не спускайся, или я тебе уши точно отрежу, – снова крикнул кок, вытащил нож из мачты и вернулся на камбуз.

Капитан Верта, следивший за происходящим, усмехнулся и указал на Тину:

– Малец ловок и явно знаком с морским делом. Дай ему швабру, пусть драит палубу. Хочет поработать – пусть работает, иначе он еще кого-нибудь допечет.

Старший помощник кивнул и позвал боцмана, передавая ему слова капитана. Боцман поднял голову и махнул рукой, подзывая мадемуазель Лоет, обиженно взиравшую вниз.

– Слезай, парень, есть работенка! – крикнул боцман.

– Так бы сразу, – проворчала Тина и спустилась обратно на палубу, с обожанием глядя на господина Лерия.

Боцман отвесил ей легкий подзатыльник и гаркнул:

– Быстро взял швабру, и чтобы морской дьявол ослеп от блеска палубы!

– Будет сделано, – просияла Тина, вытягивая руки по швам.

Господин Лерия придал пареньку ускорения коленом и усмехнулся, покручивая рыжий ус.

– Забавный малец, как бы не хлебнули мы с его прытью.

Глава 11

«Алиани» резво бежала по волнам, подгоняемая ветром. Жизнь на борту шхуны шла своим чередом. Пассажиры быстро приспособились к условиям жизни в море и развлекали себя, как могли. Впрочем, вряд ли можно назвать развлечением стенания Рени, проводившего дни в сражениях с морской болезнью. Из-за того, что первый слуга не мог сейчас обслуживать своего хозяина, вполне успешно приспособившегося к качке, его обязанности пришлось исполнять второму. Но страдала из-за навалившейся на нее работы только Тина.

Нет, если быть откровенными, то работы у нее было немного, но девушке приходилось проводить больше времени со своим нанимателем, вместо того чтобы, затесавшись среди матросов, слушать их байки, приправленные иногда таким жгучим перцем, что благородной девице было в пору краснеть и падать в обморок. И Тина непременно бы так и поступила, если бы была благородной девицей. Но она и наслаждалась бранными словечками, впитывая новые выражения, как губка, и залиvisto хохотала с остальными, и готова была целые дни проводить на палубе, исполняя все, что ей говорил боцман, взявший «смышленного мальчишку» под свое крыло.

Однако всякая попытка улизнуть приводила к сурово сведенным к переносице черным бровям Альена Литина, и звучало жуткое слово – штраф. Штраф мог выражаться и в денежном эквиваленте, и в отмене занятий по фехтованию; последними мадемуазель Лоет жертвовать не хотела. Уроки, которые давал ее наниматель, Тина ждала столь же сильно, как и возможность приобщиться к жизни команды «Алиани». Первые пару дней Альен ее хвалил, отчего щеки девушки пылали от удовольствия. А потом она провинилась...

Начиналось все прекрасно. Небосвод осветился солнцем, море радовало невысокими волнами. С палубы доносились голоса матросов, разбавляемые бранью господина Лериа. Тина открыла глаза и потянулась, широко улыбаясь, – наступал очередной замечательный день. Выбравшись из гамака, девушка воровато огляделась и, не заметив никого рядом, быстро привела себя в порядок. После этого она поспешила на палубу, чтобы поприветствовать прекрасное утро и поздороваться с командой.

– О, вот и Сверчок, – с добродушной улыбкой приветствовал ее самый старый матрос, когда-то плававший на военном корабле, Мартель по прозвищу Колченогий.

– Доброе утро, господин Мартель, – ответила Тина, радостно улыбаясь. – Как ваше здоровье?

– Живой, как видишь, – ответил тот, хрипло рассмеявшись.

– Таким и оставайтесь, – сказала девушка и поспешила дальше, услышав голос боцмана.

Потом она сунула нос к канонирам, потом поболтала с рулевым, поклонилась капитану, договорившись с ним о беседе, вновь вернулась к боцману – и даже не заметила, как прошел час. Затем Тину занесло в капитанскую каюту, где она зорко следила за тем, как господин Верта колдует над картой, задавала ему вопросы, крутила в руках секстант и просила ее научить им пользоваться. Так прошел еще один час, и только вопрос:

– Хозяин уже проснулся? – вернул мадемуазель Лоет с небес на землю.

– Ой, – охнула девушка и поспешила к каюте Альена Литина.

Однако своего нанимателя Тина в каюте не нашла. Растерянно оглядевшись, она отметила, что койка его аккуратно застелена, что на стуле, ножки которого были прикручены к полу, лежит вчерашняя рубашка господина Литина. Таз был полон воды, кувшин же, напротив, опустел. Значит, Альен уже умылся, оделся и вышел, должно быть, подышать свежим воздухом. Обрадованная, что она вновь свободна, мадемуазель Лоет вернулась на палубу, готовая искать боцмана и выслушать его задание.

– Малец, – позвал ее Колченогий Мартель, – ты все носишься? Небось, еще не завтракал.

Ответить Тина не успела – вместо нее заговорил желудок.

– То-то и оно, – Мартель поднял палец. – Сходи на камбуз, Барту накормит.

– Угу, – промычала Тина. – Отрежет мне уши и запихнет в глотку. Нет уж, спасибо.

– Да он отходчивый, – усмехнулся Колченогий. – Вспыльчивый, конечно, но быстро успокаивается. Ты же для своего хозяина еду у него брал, живой остался.

– Так я поднос схватил и сбежал побыстрей, – вздохнула мадемуазель Лоет.

– Ой, что это? – неожиданно округлил глаза старый матрос. – Сверчок, что с твоей головой?

– Что? – насторожилась Тина, ощупывая голову.

– Уши заячьи растут, вот что, – засмеялся Мартель. – Поди и хвост уже имеется.

Он совсем уж зашелся в каркающем смехе и закашлялся, а Тина вспыхнула и сжала кулаки.

– Я не трус! – воскликнула она. – Сейчас схожу и скажу: «Давай жрать!». И поглядим, кто кого.

– Прыгай, зайчик, прыгай, – подбодрил ее Мартель.

– Я не заяц!

Развернувшись на пятках, Тина решительно направилась на камбуз. Перед дверями она вздохнула и оглянулась. Колченогий, поймав ее взгляд, приложил ладони к голове, показывая заячьи уши, вновь хрипло смеясь. Мадемуазель Лоет насупилась и открыла дверь.

– И вот скажите мне, господин Барту, – донесся до нее знакомый голос. – К чему тратить деньги на слуг, когда одного рвет так, что душу от жалости выворачивает, а второй носится целыми днями по палубе и снастям, как обезьяна? Что в них проку, когда я могу сам себя прекрасно обслуживать?

– Обоих за борт, – со смешком ответил кок.

– Признаться, подобная мысль посетила меня сегодня, когда я проснулся, – согласился с ним Альен Литин. – Рени – чтоб не мучился, а Сверчка – чтоб не мучиться самому.

«Ой, маменька», – подумала Тина, слушая этот разговор. Она развернулась на цыпочках и хотела тихо исчезнуть, когда...

– Стоять! – рявкнул господин Литин, так и не повернувшись в ее сторону.

– Глаза у него на затылке что ли, – проворчала себе под нос егоза, направляясь к своему нанимателю, повинно склонив голову.

Сюжет выволочки был Тине знаком до самой крайней мелочи, потому она не стала отступать от линии привычного поведения. Девушка встала перед Альеном, ссутулилась, ковырнула ногой доску пола и шмыгнула носом, выдавливая из себя слезы, чтобы подчеркнуть самую глубину своего раскаяния. Теперь на нее должны были накричать, отчитать, возможно, надрать уши и отпустить на все четыре стороны, по неопытности поверив ее заверениям в том, что подобного не повторится.

Однако кричать и отчитывать ее никто не стал. Господин Литин спокойно закончил завтрак, продолжая разговаривать с коком, так же не обращавшим на Тину никакого внимания.

– Когда мы прибудем в Порт-Дайон? – спросил молодой человек у Барту.

– Ближе к вечеру, господин Литин, – ответил тот.

– Капитан спросил меня, не имею ли я ничего против, если «Алиани» на сутки пришвартуется у местного берега. Я не стал отказывать, но, признаться, меня терзает любопытство, для чего нужна эта стоянка? Запас питьевой воды мы еще не могли израсходовать, – продолжал беседу Альен, а Тина навострила уши. Об этой остановке она ничего не знала, что было крайне странно, потому что девушка успевала, казалось, услышать все!

Кок усмехнулся и покачал головой.

– Мне капитан приказал прогуляться на рынок и закупить побольше свежих продуктов для вас, – сказал он. – Но там другая причина.

– Какая? – вскинула голову мадемуазель Лоет, за что тут же получила затрещину от Барту и обиженно засопела, потирая затылок.

– Какая, уважаемый господин Барту? – словно не заметив возгласа своего слуги и подзатыльника, отвешенного ему, спросил Альен Литин.

– Так зазноба у него там и ребяенок, плод страсти, как говорится, – Барту снова хмыкнул. – Капитан сына проведать хочет и денег оставить. Он всегда, если идем куда-нибудь, заворачивает в Порт-Дайон. Так-то он женат, и детишек трое, но кровь родную бросать не хочет, хоть и на стороне прижитую. Вы уж не сердитесь, господин Литин.

– Сутки меня не задержат, – улыбнулся молодой человек. – К тому же мне будет интересно прогуляться по городу. – Тина вновь вскинула голову, сияя радостной улыбкой, но ее наниматель закончил. – В одиночестве. Рени слишком слаб, чтобы сопровождать меня.

– А я?! – возмутилась мадемуазель Лоет.

Альен наконец повернул голову в ее сторону, некоторое время рассматривал незнакомым Тине ледяным взглядом, а после отвернулся и спросил:

– Полсантала или одно занятие?

– Что? – не поняла девушка.

– Я спрашиваю, какой штраф выбираешь: деньги или занятие?

– За что?!

– Сантал или два занятия?

– Я вам деньги за занятия плачу!

– Прекращаем занятия вовсе?

– Хорошо! Заберите себе несчастные полсантала, переживу, – буркнула Тина.

– Значит, занятие, – кивнул Альен.

– Почему? Я выбрал штраф в полсантала! – возмутилась мадемуазель Лоет.

– Именно поэтому. Занятием ты дорожишь, значит, это наказание быстрее достигнет цели, – спокойно пояснил молодой человек. – Касаемо же прогулки по Порт-Дайону, то ты не покинешь палубы. Радуйся, я оставляю тебя там, где тебе больше всего нравится находиться. Хочешь носиться по кораблю – носись, я не буду навязывать тебе свое общество и мозолить глаза. Да, еще. – На губах Альена мелькнула насмешливая улыбка. – Перестирай мои вещи. Когда я вернусь, хочу увидеть их чистыми и сохнувшими. Господин Барту, вы же поможете моему мальчику найти горячую воду и мыло? – Кок весело кивнул. – Отлично. Стало быть, ты сегодня отдыхаешь, парень. Никакого фехтования, только стирка, а дальше можешь облазить весь корабль, я не против. – Закончив свою речь, Литин поднялся и кивнул Барту. – Благодарю вас, было очень вкусно.

– Не стоит, господин Литин, – широко улыбнулся кок.

Тина растерянно хлопала глазами, глядя вслед мужчине, не зная, что ей делать дальше. Заставил ее очнуться еще один подзатыльник, несильный, но обидный.

– Жрать пришел? – грубовато спросил Барту. – Садись. И не вздумай открыть рот.

– Как же я буду есть? – пробурчала мадемуазель Лоет.

Барту приблизил к ней свое лицо и пугающим полусшепотом спросил:

– Ты знаешь, Сверчок, что умников никто не любит?

– Знаю, – поморщилась Тина и села на освободившийся стул, еще теплый после ее хозяйки.

– Тогда не умничай, – отчеканил кок, отворачиваясь от девушки.

Позавтракала мадемуазель Лоет быстро и в полной тишине, а после побыстрее сбежала, чтобы найти Альена Литина и обрушить на него всю мощь своего актерского таланта. Однако в каюте его опять не было. Нахмурившись, Тина скрестила руки на груди и постучала босой стопой по полу, раздумывая, куда запропастился этот несносный хозяин, когда он так нужен. Да к чертям! Она должна попасть на берег!

Тряхнув головой, девушка поспешила на поиски Литина. Впрочем, долго искать не пришлось: она подняла голову и заметила Альена. Он стоял рядом с капитаном, они вели оживленный разговор. К ним с явным интересом прислушивался рулевой. Мадемуазель Лоет поспешила к нему, успев услышать:

– Конечно, господин Литин, вы совершенно правы.

– Благодарю вас, капитан Верта, – улыбнулся молодой человек.

Тина встала за его спиной и демонстративно покашляла, но ее наниматель протянул руку в сторону капитана:

– Позвольте?

– Безусловно, – ответил тот, протягивая своему пассажиру подзорную трубу.

Альен раскрыл ее, повернулся лицом к Тине и приставил трубу к глазу, глядя вдаль поверх ее головы. Мадемуазель Лоет помахала руками, привлекая внимание господина Литина, и он тут же повернулся к ней спиной, глядя в противоположную сторону. Однако юное создание не привыкло легко сдаваться, поэтому скользнуло вперед, встав перед Альеном, поднялось на цыпочки и потянулось вверх, уткнувшись носом в линзу подзорной трубы.

– Всевышний! – вскрикнул Литин, отпрянув. – Капитан Верта, что за дьяволовы дыры на горизонте?

Господин Верта, сохраняя на лице каменное выражение, приблизился к пассажиру, забрал у него из рук подзорную трубу и посмотрел вдаль.

– Должно быть, вам почудилось, господин Литин, – заметил он, – горизонт чист.

– Да как же?! – возмутился Альен, снова забрал трубу и целенаправленно ткнул ею Тине в нос. – Вот! Вот они, смотрите сами!

– Действительно... – задумчиво протянул капитан, припадая глазом к окуляру удерживаемой Альеном трубы. – Дьяволовы дыры. Из них идет пар, даже стекло запотело. Извержение?

– Вполне возможно, – важно кивнул Литин. – Чувствую, приближается взрыв. – Он вновь посмотрел в трубу, склоняясь вслед за Тиной, пытавшейся увернуться. – Быть может, это морское чудовище? Я слышал, в этих водах водится одна особь...

– Довольно! – заорала Тина, вырывая из рук нанимателя подзорную трубу.

– О, – невозмутимо отозвался Альен. – Так вот ты какое, морское чудовище.

– Простите, господин Литин, – произнес капитан Верта, чье лицо сейчас напоминало по цвету свеклу. – Я покину вас ненадолго.

Он спустился на палубу, и уже оттуда до Тины и ее нанимателя донесся взрыв хохота, тут же загоготал рулевой, а господин Литин мило улыбнулся. Только мадемуазель Лоет было не до смеха. Она заскрежетала зубами, сжала кулаки и выпалила:

– Сами вы чудовище, хозяин! – и бросилась прочь.

– Ты мне льстишь, Сверчок, – крикнул ей вслед Альен и наконец тоже рассмеялся.

Зарычав, девушка потрясла кулаками и стремительно исчезла, бормоча проклятья и посылая работодателя так далеко, что сам он вряд ли бы догадался, что туда может попасть человек. Горя жадной мщенья, Тина направилась в каюту Литина, еще сама не зная, что бы такого сотворить, чтобы душа ее успокоилась. Это же надо! Нет, вы только подумайте! Чтобы ее... ЕЕ – дочь самого Вэя Лоега – унизили на глазах всей команды! Да как он вообще смел?! Береговая крыса! Хлыщ! Гарпун ему в печень и якорь в холеный зад! Нет, какова наглость! Чтобы так обращаться с девицей...

– Дьявол меня дери, – проворчала Тина, останавливаясь у дверей пассажирской каюты.

Несправедливость собственных возмущений смутила мадемуазель Лоет. Какая, к чертям, девица? Она же юноша, и обращаются с ней соответственно. Хочешь, чтобы перед тобой расшаркивались и исполняли капризы, – надевай платье. Но этого-то Тина делать и не собиралась. Меньше всего ей хотелось, чтобы с ней обращались соответственно ее полу. Все затрещины она сносила спокойно, принимая их как должное. Как говорил мэтр Мулер, отец

Сверчка, парню ум только хорошей оплеухой и можно вложить, чтобы он запомнил: глупость и самоуверенность наказуемы. Вот Тина и воспринимала все, что перепадало ей на борту «Алиани», как часть мужского воспитательного процесса. Захотела быть мужиком – будь им.

Обдумав все это, мадемуазель Лоет пришла к выводу, что мстить – себе вредить. Значит, нужно не лезть в бутылку, напрашиваясь еще больше на неприятности. Нужно дружить с нанимателем. В конце концов, она сама согласилась работать на него, вот и стоит начать отрабатывать хлеб. Подумав еще немного, Тина все-таки вошла в каюту, чтобы найти себе дело.

Вскоре она вытащила на палубу вторую пару туфель и дорожные сапоги господина Литина, ваксу, щетки и принялась за дело, не обращая внимания на подтрунивания команды, уже знавшей обо всем, что произошло со Сверчком.

– Никак через дьяволовы дыры ветер мозги мальцу прочистил, – и еще много чего, в том же духе.

Однако мадемуазель Лоет, отключившись от всех этих шуточек, продолжала чистить сапоги, ожидая, когда ее заметит Альен. Но молодой человек не спешил увидеть стараний своего слуги, он вновь разговаривал с капитаном и его старшим помощником.

– Сверчок, ты сотрешь башмаки хозяина до дыр, – хохотнул Длинный Эйб. – Сапоги ты чистишь уже пятый раз.

Тина сердито посмотрела на него, но остервенело тереть сапог не перестала.

– Боюсь, ты так прощения не получишь, – заметил Колченогий Мартель, останавливаясь рядом с девушкой. – Если ты хотел, чтобы твой хозяин заметил, что ты чистишь его обувь, то он заметил уже давненько. Пора бы уж переходить к другим делам, иначе он не поверит, что ты усвоил урок.

– Чтоб его рогатый забрал, – проворчала Тина, подхватила обувь Альена Литина и убралась с палубы.

Мадемуазель Лоет вернулась в каюту нанимателя, размахнулась, собираясь запустить обувь куда подальше, но все же аккуратно поставила ее на прежнее место и огляделась, отыскивая себе новое дело. Обнаружив вчерашнюю рубашку, так и лежавшую на стуле, хотела взяться за нее, но вовремя опомнилась и поспешила отмыть руки от ваксы. Затем собрала белье, которое требовало стирки, кривясь и фыркая. Никогда еще ее руки не знали подобного занятия. Бывало, конечно, что Тина пыталась в речке убрать пятна со своих платьев, но от головной мылки это не спасало, и девушка бросила это дело, предпочитая отдать испачканное платье Лисси. А тут, здрасти вам, бери и стирай.

Неожиданная мысль пришла в голову выдумщицы. Она запихала одежду хозяина в свой заплечный мешок и поставила у входа, решив поговорить с Альеном, когда он появится. Настроение как-то сразу приподнялось, и Тина, напевая одну из папенькиных песен, занялась стиранием пыли, помыла пол в каюте, затем оценила результат и осталась довольна.

– Время обеда, – услышала она, когда собралась передохнуть.

Господин Литин прошел в каюту и взял в руки кусочек душистого мыла, выжидающе глядя на своего слугу. Отставив швабру, Тина подняла кувшин, вспоминая, что вылила остатки воды на свои руки.

– Воды нет, господин Альен, – сказала она.

– Куда же она делась? – любопытствовал молодой человек.

– Она утекла, – с философским спокойствием констатировала мадемуазель Лоет. – Должно быть, вода нашла иную цель, другие длани.

– Как любопытно, – Альен отложил мыло и вытер руки о полотенце. – Чьи же длани показались воде более... подходящими для утекания?

– Сдается мне, что вы имеете честь смотреть на них, – Тина отставила кувшин и скромно потупилась.

– Правда? – оживился молодой человек, схватил ее руку за запястье и поднес к глазам. – Пять пальцев, под ногтями чернота... – затем приставил свою руку рядом с изучаемой пятерней Тины. Она вздохнула и отвела глаза, но тут же вновь скосила их, рассматривая изящные пальцы молодого человека с аккуратно подстриженными ногтями. – Впрочем, понятно. Вода предпочитает те длани, которым она нужней.

– Должно быть, так, – согласилась девушка.

Альен Литин отпустил ее, взял в руки кувшин и ткнул им в живот мадемуазель Лоет:

– Истратил воду – принеси снова, – отчеканил он. – Эмил, неужели даже такую мелочь нужно объяснять?

– Я не успел! – возмутилась Тина.

– Ты об этом даже не подумал, – усмехнулся Альен. – Скажи мне, Сверчок, неужели за все свои тринадцать лет ты все еще веришь, что мир существует лишь для твоего удовольствия? Эта демонстрация усердия, когда ты чистил мою обувь, вся эта уборка – хочешь сказать, что ты исполнял свои обязанности? Нет, Эмил, ты всего лишь хотел, чтобы я отпустил тебя на берег, и завтра ты вновь обо всем забудешь. Ты делаешь только то, что считаешь нужным, стараешься, когда это касается тебя. Тебе плевать на тех, кто окружает тебя, тебе безразличны чужие чаяния. Эгоизм недопустим, и нам придется над этим работать. Занятия по фехтованию откладываются до тех пор, пока я не увижу, что ты взялся за ум.

– Но... – мадемуазель Лоет потрясенно смотрела на своего нанимателя. – Я же старался!

– Разовая акция меня не впечатляет – отмахнулся Альен.

– Я хотя бы могу отнести ваши вещи прачке, когда мы придем в Порт-Дайон? – нервно спросила Тина.

– Конечно, – широко улыбнулся господин Литин и закончил, рявкнув, – нет! Все, что необходимо, тебе предоставят на «Алиани».

– Вы... вы... – Тина едва сдерживала слезы обиды. – Катитесь дьяволу в зад! Я больше не работаю на вас! Я перехожу в команду «Алиани»!

Она развернулась и выбежала из каюты, утирая кулаками злые слезы. Посмотрите на него! Да что он о себе возомнил? Тоже еще, нашелся воспитатель. Да от этих воспитателей уже не продохнуть! Папенька воспитывал, дед воспитывал, в пансионе воспитывали, еще какой-то Альен Литин будет воспитывать?! Ну уж нет!

– Капитан Верта! – закричала Тина, выйдя на палубу. – Я хочу поговорить с вами!

Капитан с вежливой улыбкой кивнул и замер, ожидая, пока мадемуазель Лоет подойдет к нему.

– Это серьезный разговор, – важно начала девушка.

– Разумеется, господин Мулер, – не менее важно кивнул мужчина. – Что вы хотели?

То, что капитан перешел на «вы», Тине не понравилось. Еще более ей не понравилось, что уголки его губ то и дело подрагивают. Девушка привычно шмыгнула носом, и мужчина с пониманием заметил:

– Сквозняк.

– Что? – опешила Тина.

– Я говорю, в дьявольских дырах бывают сквозняки, – пояснил капитан, и губы его скривились в попытке удержать ухмылку.

– Р-р-р, – отчетливо зарычала мадемуазель Лоет.

– Неужто проснулась особь? – забеспокоился капитан Верта.

– Какая, к чертям собачьим, особь?! – взвилась Тина.

– Как же, господин Мулер, то самое морское чудовище, что живет в дьявольских дырах, – на лице мужчины появилось фальшивое возмущение.

– Хватит! Хватит повторять глупости! – заорала взбешенная девушка. – Единственное чудовище, которое есть в этом море, сейчас сидит в своем логове и упивается самолюбованием!

– Отчего же, – послышался за ее спиной насмешливый голос. – Оно покинуло логово, желая, чтобы им любовались все. Стоит заметить, чудовище совсем мелкое, вы не находите, капитан Верта?

– Да, особь могла бы быть и крупней, – охотно поддержал капитан. – Так что ты хотел, дружок? – с улыбкой спросил он у побагровевшей Тины, из ушей которой уже шел пар.

– Дружок желает работать на вас, господин Верта, – вместо нее ответил Альен Литин, скрестивший руки на груди. – Что вы ответите этому ветреному созданию?

– Отвечу, что моя команда в полном составе и господин Мулер нам не нужен. Слишком молод, слишком непостоянен. У меня нет доверия человеку, который не сумел честно отработать свой хлеб однажды.

Мадемуазель Лоет хватала ртом воздух, пылая от возмущения.

– Но я же хорошо исполнял все, что мне говорили! – воскликнула она.

– Не спорю, – согласился капитан. – Но это отвечало твоим желаниям, парень. Как только ты найдешь занятие поинтересней, нас постигнет участь господина Литина. Нет, меня не устраивает такой матрос. – Мужчина потер подбородок, раздумывая о чем-то, затем вновь вежливо улыбнулся и добавил: – Господин Мулер, хочу предупредить вас. Если вы не работаете на господина Литина, и я отказываю вам в найме, то вы должны знать, что вам необходимо внести оплату в размере пятидесяти санталов. Вам предоставлено место, вы получаете завтрак, обед и ужин, и наша компания предоставляет вам услуги перевозки. Вы готовы оплатить ваше путешествие на «Алиани»? Если нет, то мы ссадим вас в Порт-Дайоне, и вы вольны выбрать способ, которым вернетесь назад. Решать вам.

Тина охнула и беспомощно взглянула на Альена. Он развел руками:

– Прости, но ссудить эти деньги я тебе не могу, у меня нет уверенности, что они вернуться ко мне. Единственное, что я могу для тебя сделать, – это выплатить жалование за те дни, что ты служил мне. Если у тебя есть остальная сумма, то твой вопрос будет решен тотчас. Если же нет...

– Чтоб черти жрали вашу печень, – всхлинула Тина.

Она отвернулась от мужчин, некоторое время справляясь со слезами. Позволить оставить себя на чужом берегу будет величайшей глупостью. Это мадемуазель Лоет понимала. Верта не возьмет ее, это уже ясней ясного. Скорей всего, и в фехтовании ей откажут. Остается одно... Молча развернувшись, Тина покинула палубу. Вскоре она уже несла кувшин с водой. Затем принесла обед, накрыла на стол и вернулась на палубу.

– Господин Альен, обед подан, – бесстрастно произнесла девушка.

– Иду, мой мальчик, – так же бесстрастно ответил Литин.

– Кажется, мы на время усыпили чудовище, – усмехнулся капитан Верта. – Любопытно, надолго ли?

– Сдается мне, сон этого чудовища краток, – заметил боцман, покручивая ус.

Капитан усмехнулся и покинул палубу вслед за своими пассажирами. До Порт-Дайона оставалось не так уж много времени.

Глава 12

Моргани – большой, но неухоженный город – встретил господина Лоета заунывным криком точильщика:

– Точу-у ножи-и, косы, точу-у-у.

Трое мужчин проехали мимо него, морщась от завываний.

– Точу-у-у, – вновь протянул точильщик, и Кузнечик обернулся, запуская огрызком незрелого яблока работяге точно в лоб.

– Гори-и в преиспо-одне-ей, – не меняя интонации, отреагировал точильщик. – Точу-у ножи-и-и...

Вэйлр Лоет свернул за угол, разыскивая остановку дорожного экипажа. Он мчался сюда во весь опор, надеялся перехватить дочь если и не перед посадкой, то догнав экипаж в пути. Он рассчитал время, которое понадобилось Тине, чтобы добраться пешком до Моргани, и пришел к выводу, что быстро догонит ее, передвигаясь верхом. Однако по дороге дочь ему не попала, как и ее следы. То Самель, то Кузнечик отставали от своего капитана, наводя справки о миловидном пареньке лет двенадцати-пятнадцати, но только в Пиррете такого паренька вспомнила харчевница, в харчевню которой заглянул Самель, решив купить готовой еды в дорогу.

Больше никто Тину не видел. Это угнетало и пугало ее родителя. Вэйлр уже тысячу раз поклялся открутить ей уши, выпороть так, чтобы мясо сошло с седалища, и столько же раз поклялся не обижать дочь и баловать ее так, как еще ни один отец не баловал своих детей. То ему хотелось задушить ее от злости, то в объятьях от любви. Несчастный отец, никогда и ничего не боявшийся, теперь умирал от страха, что с его сокровищем могло случиться что-то нехорошее. Тем более он узнал, что в этих местах разбойники нападают на путников, и отловить негодяев никак не удастся.

– Гольми руками порву, – мрачно решил Лоет.

– Башку через задницу вырву, – не менее мрачно добавил Самель.

– Вспорю брюхо и станцюю на их потрохах, – закончил Кузнечик.

Если бы разбойники знали, что их ждет, пожалуй, они сами бы сдались на милость полиции. Но пока они пребывали в счастливом неведении, а капитану Лоету и двум членам его старой команды было не до лихих людишек. Они все еще надеялись найти Тину и вернуть ее домой живой и невредимой.

– Здесь останавливается дорожный экипаж? – спросил Вэй мужчину в форме стационарного смотрителя.

– Здесь, милостивый государь, – кивнул мужчина, снял фуражку и протер платком лоснящуюся от пота лысину. – Только он прибудет не раньше, чем через три дня, поломался в дороге. Пока ремонтировали, кучер запил, так что ждем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.